

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

АЛЕКСАНДР КРАВЧУК

«А»

ЗАКАТ ПТОЛЕМЕЕВ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1973

Aleksandor KrnwczuK

KLEOPATRA

Zakład Narodowy im. Ossolińskich - Wydawnictwo
Wrocław 1969

Перевод с польского
Д. С. ГАЛЬПЕРИНОЙ

Ответственный редактор
А. И. ПАВЛОВСКАЯ

Кравчук А.

K77 Закат Птолемеев. Пер. с польск. М., Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1973.

216 с. («По следам исчезнувших культур Востока»)

В книге повествуется о событиях I в. до н. э. Польский историк, основываясь на научных данных, живо и интересно рассказывает о царствовании последних царей из династии Птолемеев (Птолемея XII Авлета и его дочери Клеопатры VII) о выдвижении и гибели выдающихся деятелей Рима — Юлия Цезаря и Марка Антония, о сложных политических и личных отношениях Клеопатры с Цезарем и Антонием и, наконец, о падении Александрии под ударами войск Октавиана Августа и гибели последней египетской царицы.

0163-2095
к 042(02)-73 131, 72

(г) Главная редакция восточной литературы
издательства «Наука», 1973.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

«БОЖЕСТВЕННОСТЬ» И ТЕМНЫЕ ДЕЛА ОТЦА КЛЕОПАТРЫ

Гробница Та-Имхотеп

«О вы, все судьи и ученые, все богатые и знатные, все, кто когда-нибудь войдет в эту гробницу, приблизьтесь и выслушайте историю моей жизни!

Я родилась на девятый день месяца хойак, когда девятый год царствовал царь Верхнего и Нижнего Египта, повелитель Обеих Земель, Бог Птолемей Филопатор Филадельф сын бога Ра, владыка диадемы; да живет он вечно, возлюбленный Птахом и Исидой.

В первый день месяца эпифа, на двадцать третьем году царствования того же властителя, отец выдал меня замуж. Моим господином стал пророк бога Птаха, писец в доме книг бога, пророк Дома Востока, жрец чистоты богов в Мемфисе, пророк всех богов и богинь Верхнего и Нижнего Египта, око царя Верхнего Египта, ухо царя Нижнего Египта, второй после царя при воздвижении столба джеда², скипетр царя в святилищах, князь-наместник бога Геба, жрец, устами которого говорит бог Тот, жрец, повторяющий творение бога Хнума, жрец, вззирающий прямо на великого бога,— верховный жрец в Мемфисе Пшерени-Птах, сын Петубаста, который носил те же титулы.

Трижды я была беременна и каждый раз приносила не мальчика, а девочку. Мы просили сына у священного, чудесного и милостивого величия бога Имхотепа, сына Птаха. Он услышал наши мольбы, сжалился над нашими слезами, явился во сне верховному жрецу и сказал:

— Прикажи, чтобы выполнили работы по украшению храма в Анехтауи, где покоится мое тело!

Пробудившись от сна, верховный жрец пал ниц перед величием бога. Он сразу же отдал приказы жрецам и мастерам, он велел, чтобы они выполнили в храме художественные работы. Он сам исполнил обряд оживления статуи бога и принес богатую жертву всякими прекрасными вещами. Он заплатил мастерам и порадовал их сердца. В награду за это бог сделал так, что я, забеременев, родила на свет сына.

Он родился в пятнадцатый день месяца эпифа, в восемь часов, на шестой год царствования царицы, владычицы Обеих Земель Клеопатры, да живет она вечно и будет здорова. Это случилось как раз в праздник прекрасного бога Имхотепа, сына Птаха. Родовались все жители Мемфиса. Мальчик получил имя Имхотеп, а прозвище Петубаст.

Я умерла в шестнадцатый день месяца мехир, на шестнадцатом году супружества. Мой муж, пророк Птаха и Осириса, верховный жрец Пшерени-Птах, проводил меня в страну Запада. Он выполнил надо мной все обряды, подобающие знатным особам. Он устроил мне прекрасные похороны и уложил на вечный покой в своей гробнице около Ракотис³.

Так рассказывает о своей жизни женщина по имени Та-Имхотеп. Эта надпись высечена на ее надгробии египетскими иероглифами. Как было принято в большинстве государств древности, события датируются годами царствования того или иного царя. Если перевести на наше летосчисление, то биография Та-Имхотеп будет выглядеть так.

Она родилась в 72 году до н. э.; в 58 году, едва достигнув четырнадцати лет, вышла замуж за верховного жреца в городе Мемфисе Пшерени-Птаха. Та-Имхотеп подарила мужу трех дочерей, а позднее, в 47 или 46 году, горячо желанного сына. Вскоре, по-видимому, в 42 году, когда ей было тридцать лет, Та-Имхотеп умерла и была похоронена в Ракотис — так в египетских надписях называли Александрию.

Очень интересна вторая, заключительная, часть надписи Та-Имхотеп, в которой покойная обращается к своему мужу:

«О мой брат, о мой муж и друг, жрец бога Птаха!

Пей, ешь, упивайся вином, наслаждайся любовью! Проводи свои дни в веселье! Днем и ночью следуй зову своего сердца. Не допускай, чтобы забота овладела тобой. Ибо чем являются годы, которые не прожиты на земле? Запад — это страна печали и глубокой тьмы; жители его погружены в сон. Они не проснутся, чтобы взглянуть на своих братьев, не увидят своих матерей и отцов. Их сердца забыли о женах и детях.

Нет у меня воды жизни, которая питает все творения. Она течет только для тех, кто на земле. Я страдаю от жажды, хотя вода рядом. Я не знаю, где я и откуда сошла в эту юдоль. Принеси мне проточной воды! Скажи мне: будь всегда над водой! Обрати мое лицо навстречу северному ветру! И лишь тогда мое сердце перестанет пылать в страдании.

Смерть призывает каждого. „Иди!“ — вот имя смерти. И все сразу идут к ней, хотя сердца трепещут от страха. Никто не может ее избежать — ни бог, ни человек. Великие в ее руках так же, как малые. Никто не сможет уберечь своих близких от ее проклятия. Охотнее, чем одинокого старца, она уносит сына из объятий матери. Все в тревоге молятся ей, она же ни к кому не обращает свое лицо. Она не придет к тому, кто к ней зывает. Не выслушает того, кто ее прославляет»⁴.

Читая эти строки, мы можем предположить следующее.

После смерти жены, родившей ему единственного сына, верховный жрец должен был погрузиться в печаль и горестное раздумье. Но как отказаться от радостей жизни в расцвете сил? Верховному жрецу помогла извечная мудрость его народа. Старинные песни рассказывали о величии скорби и бурных порывах человеческого сердца. И, как бы ища оправдания, Пшерени-Птах вложил в уста своей покойной жены слова из поэмы «Песнь арфиста».

Эта поэма возникла за двадцать веков до времени Пшерени-Птаха. Она часто переписывалась и дошла до нас в нескольких вариантах. Вот один из них.

«Повелел благой царь прекрасную судьбу: исчезают тела и преходят, другие идут им на смену, со времени предков. Цари, бывшие до нас, покоятся в своих пирамидах, и духи погребены в гробницах. От строителей домов не осталось даже следа. Что с ними? Слышал я

слова Имхотепа и Хардидифа, изречения которых у всех на устах, а что до мест их погребения — стены их разрушены, этих мест нет, их как не бывало. Никто не приходит оттуда, чтобы рассказать о погребениях, поведать об их пребывании, чтобы укрепить наше сердце, пока вы не приблизитесь к месту, куда они ушли. Будь здрав сердцем, чтобы заставить себя забыть об этом; пусть будет для тебя наилучшим следовать своему сердцу, пока ты жив. Возлагай мирру на голову свою, одевание на тебе да будет из виссона⁶, умащайся дивными истинными мазями богов. Будь весел, не дай твоему сердцу поникнуть, следуй его влечению и твоему благу; устрой свои дела на земле, согласно велению своего сердца, и не сокрушайся, пока не наступит день причитания по тебе. Не слушает жалоб Осирис, его сердце не бьется, а слезы никого не спасают от гроба. Итак, празднуй, не унывай, ибо нельзя брать своего достоинства с собою и никто из ушедших еще не вернулся»⁶.

Было бы ошибкой думать, что один лишь Пшерени-Птах обращался к печальным мыслям «Песни арфиста». В древнеегипетских надгробных надписях часто встречаются подобные жалобы и сетования. Вот что говорит, например, жрец бога Амона, достойный Неб-Нештру, ушедший в страну Запада почти за тысячу лет до Та-Имхотеп:

«Предел жизни — это печаль. Ты утратишь все, что прежде было вокруг. Тебе будет принадлежать лишь пустота. Твое существование будет продолжаться, но ты не сможешь ничего сознать. Возвестят день, но для тебя он не засияет никогда. Взойдет солнце, но ты будешь погружен в сон и неведение. Ты будешь испытывать жажду, хотя питье стоит рядом»⁷.

Мрачный характер этих надписей кажется поразительным в стране, где забота об умерших всегда считалась самым важным делом, где усопшим посвящались колоссальный труд живых. Со времен глубокой древности для фараонов воздвигались пирамиды и вырубались в скалах обширные усыпальницы. Прочные и богатые гробницы строились даже для не очень состоятельных людей. В жертву тем, кто ушел в страну Запада, приносилось огромное количество ценных вещей, а останки тщательно мумифицировались. В Египте развился сложный и дорогостоящий погребальный ритуал, соблюдав-

шийся всегда, потому что никто не решился бы лишить этого своих близких.

И как бы независимо от культа умерших, словно не в той же самой стране, то и дело раздавались голоса сомнения и отчаяния. Смерть — это конец всего, говорили они, единственное, что может и должен сделать человек, — это выпить радость жизни до последней капли, потому что после смерти его ждут только ночь и небытие.

Карьера Пшерени-Птаха

Не будем слишком строги к Пшерени-Птаху за то, что он поручил одному из своих писцов составить эпитафию именно такого содержания. Верховный жрец, вероятно, считал, что, отвергнув земные радости, он поступит неблагочестиво и выкажет неблагодарность самому богу Птаху, осыпавшему его своими милостями буквально с первых минут жизни.

Великим даром небес было уже то, что Пшерени-Птах появился на свет в священном городе Мемфисе в знатной семье, в которой высокая должность верховного жреца была наследственной. На протяжении жизни более десятка поколений это звание передавалось от отца к сыну — разумеется, с согласия египетского царя. Но уже тогда, когда Пшерени-Птах был ребенком, повелитель Египта был к нему так же милостив, как и его бог-покровитель Имхотеп. Вот почему много позже, оглядываясь на прожитую жизнь, Пшерени-Птах вспоминал с гордостью:

«Я родился в 25-й год 2-го месяца, 11-го числа при величестве царя Птолемея Сотира II⁸ и провел 13 лет на глазах отца. Повелел царь Птолемей Филопатор Филадельф, юный Осирис, передать мне величество верховного жреца, когда мне было 14 лет. Я возлагал диадему царя на его главу... Я ходил в столицу царей-греков на берегу моря, которой имя Ракоте... Когда царь... направил свой путь к храму Исиды, принес ей великие жертвы... остановил свою колесницу и увенчал главу мою прекрасным венцом из золота и всякого рода дорогих камней; изображение царя было посередине... Я был князем богатый всем... Не было у меня сына. Величество

бога Имхотепа, сына Птаха, обратило ко мне лицо свое, и я был награжден сыном, названным Имхотепом...» .

Не удивительно, что Пшерени-Птах пожелал увековечить эти события. Насколько нам известно, ни один из его предков не вступил в должность верховного жреца в столь юном возрасте. Обычно жрецы мемфисского храма, как и других египетских храмов, сначала занимали более низкие должности. Потомки старинных жреческих семей быстро шли в гору, но вершин иерархии, как правило, достигали лишь в зрелом возрасте. Четырнадцатилетний мальчик во главе крупнейшего храма, одного из самых богатых и влиятельных в стране,— это было исключительное явление!

Следует отметить, что жрецы мемфисского храма бога Птаха занимали ведущее положение по отношению ко всем жрецам Верхнего и Нижнего Египта. Они требовали даже, чтобы их признали носителями высшей власти над всеми египетскими храмами. Особый престиж Мемфиса восходил к тем далеким временам, когда здесь была столица государства. В эпоху первого расцвета Египта (III тысячелетие до н. э.) в Мемфисе находилась резиденция царей нескольких династий. Вблизи от столицы, на краю пустыни, возводились гигантские гробницы фараонов — пирамиды. И это тоже поддерживало мемфисских жрецов в их стремлении превратить покровителя столицы бога Птаха в верховное божество всего Египта.

Они утверждали, что Птах создал все своей мыслью и вызвал к жизни своим словом. Все сущее происходит от него: он создал богов, основал города, поместил богов в их святилищах, он установил жертвоприношения и укрепил храмы. Он придал богам тот облик, который был мил их сердцам. Поэтому Птах могущественнее всех других богов.

Однако жрецы прочих египетских храмов не соглашались признавать главенство Птаха. Существовали божества более почитаемые и храмы более богатые. Но в том же Мемфисе находилась святыня, привлекавшая толпы паломников и способствовавшая распространению культа Птаха больше, чем любые рассуждения ученых-теологов. Рядом с главным храмом была расположена группа строений — дворец священного быка Аписа, которому поклонялись как воплощению души самого бога

Птаха или даже как его сыну, хотя Птах всегда изображался в облике человека. Жрецы говорили, что после смерти Апис отождествляется с Осирисом. В дни празднеств устраивались величественные процессии — быка выводили за пределы святилища, ликующие толпы сопровождали его, а хоры мальчиков пели торжественные гимны. Чтобы услышать прорицания оракула, в храм Аписа съезжались верующие из многих стран. Тело мертвого животного бальзамировалось с такой же тщательностью, как останки царей. Гранитный саркофаг с мумией помещали на вечный покой в одной из галерей подземного кладбища.

Когда Александр Македонский в 332 году до н. э. вторгся в Египет, чуть ли не первое, что сделал завоеватель в покоренной стране,— воздал почести священному животному. Более того, царь приказал почитать Аписа играми по образцу греческих. Были устроены спортивные состязания и выступления певцов и поэтов. Для придания празднеству большего блеска в Египет пригласили знаменитых артистов из самой Эллады. Они поспешили приехать, боясь гнева царя; правда, им пообещали значительное вознаграждение.

Александр хотел, чтобы его считали освободителем Египта от власти персов. Именно поэтому он выказывал особое уважение к местным обычаям, святыням и верованиям. Ради этого он согласился, чтобы жрецы мемфисского храма надели на него облачение фараонов, а может быть, его даже короновали по старинному обряду. Это была мудрая и дальновидная политика, достойная человека, открывшего новую эру в истории человечества.

Прошло немногим более десяти лет, и останки завоевателя Востока были погребены в том же храме бога Птаха в Мемфисе; позднее их перевезли в Александрию.

При разделе наследия великого царя один из его полководцев, Птолемей, получил в управление Египет и стал основателем эллинистического египетского царства. С тех пор этой страной почти три столетия правили его потомки. Все они носили то же имя — Птолемей. В их жилах текла македонская и греческая кровь. Двор, армия и должностные лица говорили по-гречески. В столице государства, Александрии, преобладало население греческого происхождения. Греческие поэты и ученые были окружены особой заботой. Египетские цари, не

жалая средств, собирали в Александрии сокровища эллинской литературы.

Вместе с тем Птолемеи были весьма дальновидны. Следуя мудрому примеру Александра, цари этой династии всеми средствами старались убедить народ Египта в том, что они являются законными наследниками фараонов. Особенно важно было установить хорошие отношения со жрецами, пользовавшимися огромным влиянием среди населения. Вот почему Птолемеи оказывали жрецам всяческую помощь и покровительство. При Птолемеях было завершено строительство целого ряда храмов, начатое фараонами сотни лет назад; многие храмы были восстановлены, расширены и украшены. Птолемеи требовали, чтобы им воздавались такие же почести, как исконным правителям страны. Подражая фараонам, они прибавляли к своим личным именам звучные эпитеты. Многие из них получили из рук верховного жреца в Мемфисе двойную корону фараонов.

Птолемей, которого венчал на царство Пшерени-Птах, был двенадцатым представителем династии, носившим это имя. Церемония, как пишет верховный жрец, состоялась «в день рождения Солнца», то есть в день весеннего равноденствия, в конце марта. Из других источников известно, что это было в 76 году до н. э.

Торжество, о котором с такой гордостью пишет Пшерени-Птах, отличалось от предыдущих коронаций. Обычно подобные церемонии происходили в самом Мемфисе. В данном случае — и это особо подчеркивает верховный жрец — коронация состоялась в городе на берегу большого моря, к востоку от Ракотис, то есть в Александрии. Из слов верховного жреца можно было бы сделать вывод, что Птолемей XII короновался сразу после прихода к власти над Верхним и Нижним Египтом. На самом же деле он царствовал с июля 80 года, а короновался лишь в 76 году. Торжественная церемония состоялась с четырехлетним опозданием!

Решение Птолемея отложить коронацию было связано с вопросами политики, о которых Пшерени-Птах мог и не знать. Для верховного жреца достаточно было того, что именно ему, совсем ребенку, выпала честь увенчать голову монарха змеиной короной фараонов. Доходы от храмов делали его счастье еще более полным. Вот что написано на его надгробии:

«Я был великим человеком. Я утопал в богатствах и имел прекрасный гарем».

Судя по той же надписи, Пшерени-Птах умер на одиннадцатом году царствования Клеопатры, то есть в 41 году до н. э., когда ему было 49 лет. По-видимому, верховный жрец пережил свою жену Та-Имхотеп всего на один год. Не так уж долго пришлось ему следовать ее советам:

— Пей, ешь, упивайся вином, предавайся наслаждениям любви! Веселись целыми днями! Выполняй веления своего сердца днем и ночью!

Едва ли эпитафия для той, которая опередила его совсем ненадолго, была сделана при жизни верховного жреца. Разумеется, он знал содержание надписи, но забота о ее выполнении лежала на ком-то другом. Об этом свидетельствуют последние строки:

«Писец, скульптор и ученый, пророк Хора, Имхотеп, сын покойного пророка Хаапа, сделал эту надпись». Вероятно, это был брат Та-Имхотеп.

Как странно звучат причитания и советы покойной жены, обращенные к мужу, который уже спешит к ней на Запад, в страну печали и глубокой тьмы!

Тронные имена Птолемея

Юный верховный жрец возложил двойную корону фараонов на голову человека, который был значительно старше его. В 76 году до н. э. Птолемею было не меньше 30 лет. Как мы уже говорили, он был двенадцатым представителем династии, основанной соратником и военачальником Александра Великого — Птолемеем. Однако в Древнем Египте рядом с именем царя не ставили его «порядковый номер». Цари официально различались по именам, которые они получали при восшествии на престол. За исключением двух первых, все Птолемеи либо сразу после прихода к власти, либо несколько позднее присоединяли к своему личному имени те или иные тронные имена. Последовал примеру своих предшественников и Птолемей XII. Но если его предки обычно удовлетворялись одним или двумя звучными эпитетами, то ему понадобилось целых три. Верховный жрец Пшере-

ни-Птах с должным почтением перечислил все. Так делалось в Египте при составлении любого документа, официального или частного. Ибо тронные имена не только давали возможность различать царей и датировать события, но и создавали вокруг их носителей ореол божественности.

Надо сказать, что Птолемей XII тщательно подобрал себе тронные имена. Их смысл для его современников, и в особенности для жителей столицы, был совершенно ясен.

Например, почему царь назвал себя Теос Филопатор — Бог Любящий отца? Желание Птолемея XII подчеркнуть сыновние чувства объясняется весьма просто: он был внебрачным ребенком, сыном одной из наложниц царя Птолемея IX, и вступил на египетский трон только в результате драматических событий, положивших конец основной линии этого великого рода.

Какие же события привели Птолемея XII на египетский трон?

В 80 году царем Египта стал двадцатилетний Птолемей XI. Он разделил трон с царицей Береникой, которая была значительно старше его и доводилась ему одновременно двоюродной сестрой и мачехой. Юноше пришлось жениться на Беренике. Такова была воля римского диктатора Суллы, распоряжениям которого подчинялись даже правители, казалось бы, независимых государств. Впрочем, Сулла имел в виду прежде всего интересы самого Птолемея, долгое время жившего за пределами своей страны. Вернуть юношу в Александрию и восстановить его на престоле отцов можно было только посредством брака, потому что Береника не уступила бы трон. Но легко было предвидеть, что супружеская жизнь и совместное правление двух столь неподходящих друг другу людей не сложатся благополучно. Оба были честолюбивы и стремились к единовластию. Слабая надежда, что они отнесутся к этому браку как к выгодному для обоих компромиссу, не оправдалась.

После девятнадцати дней супружества Птолемей XI чуть ли не собственноручно убил свою жену. В царской семье убийства были обычным явлением, и подданные относились к ним совершенно равнодушно. Но этот случай вызвал бурную реакцию, потому что царица пользовалась симпатией у населения столицы, а молодой Пто-

лемей сразу, как только его корабль вошел в александрийский порт, возбудил против себя ненависть горожан, которые не хотели терпеть правителя, навязанного Римом.

В городе начались волнения. Разъяренная толпа ворвалась в царские покои. Царя выволокли из дворца и учинили над ним кровавую расправу в здании гимназия. По-видимому, лишь немногие сознавали в тот момент, что египтяне теряют последнего законного представителя царской династии. Трон оказался свободен. Кто его займет? Необходимо было срочно найти преемника, иначе страной завладели бы римляне и Египет стал бы новой римской провинцией. А судьба подвластных Риму государств была весьма незавидной. Правда, Птолемеи тоже нещадно грабили население, и хозяйство страны, особенно в последние десятилетия, пришло в упадок. Если бы Египет оказался под властью Рима, налоговое бремя стало бы еще тяжелее, а деньги потекли бы в казну чужеземного государства и в кошельки римских наместников, дельцов и ростовщиков. Богатые и влиятельные александрийцы стали лихорадочно искать человека, которому они могли бы предложить корону. Кроме потомков по женской линии было два сына Птолемея IX от наложницы, которые в то время находились в Сирии. К ним и обратились с предложением занять опустевший престол. Братья с радостью согласились. Старший стал царем Египта, а младший получил во владение остров Кипр, издавна входивший в состав государства Птолемеев.

Вот почему, прибавив к своему имени титул Филопатор, новый царь подчеркнул, что он сын царя и законный представитель династии. В его положении это было и разумно, и необходимо.

Мало кто в Египте помнил, что полтора столетия назад другой Птолемей, четвертый, выбрал себе такое же тронное имя. Но тогда обстоятельства были совсем другие, более прозаические. Птолемей IV назвал себя Богом Любящим отца при жизни своего родителя, что свидетельствовало не столько о его нежных чувствах, сколько о практичности.

Птолемей XII Филопатор пожелал именоваться еще и Филадельфом. Он хотел подчеркнуть, что убитая царица Береника была его единокровной сестрой и что

он — ее прямой наследник и ближайший родственник. Царь надеялся, что симпатия, которой пользовалась у населения Береника, распространится и на него. Но, поскольку вскоре после прихода к власти Птолемей женился на своей родной сестре, Клеопатре Трифене, можно предположить, что за пределами Александрии прозвище Филадельф толковалось как выражение его чувств к жене.

Браки между братьями и сестрами были нередки в Египте еще при фараонах. Такая практика существовала не только в правящих домах, но и в простых семьях, где при этом, как правило, имелись в виду имущественные соображения. Религия поддерживала и освящала эту традицию. В мир богов переносились семейные обычаи людей: Исида была сестрой и женой Осириса, бог земли Геб был женат на своей сестре, богине неба Нут, и так далее.

Фараоны, а затем Птолемеи женились на своих родных или единокровных сестрах главным образом по политическим соображениям — опасались, что процесса крови, выйдя замуж за аристократа, увеличит число возможных претендентов на престол. С точки зрения династической в этом был определенный смысл. Биологически же браки внутри одной семьи на протяжении нескольких поколений таили в себе определенную угрозу.

Свой третий титул, Новый Дионис (или, как иногда читают, Молодой Дионис), Птолемей XII, по-видимому, ставил выше первых двух. Он хотел показать, что служит воплощением греческого бога, олицетворяющего экзистенциальную радость жизни и победу над смертью. Дионис был покровителем виноделия и театра, он обещал своим приверженцам, участвовавшим в мистериях, вечную жизнь. В пантеоне египетских богов Дионису издавна соответствовал Осирис, таинственно воскресший супруг Исиды, повелитель тех, кто ушел в страну Запада.

Упомянутый уже Птолемей IV Филопатор тоже был горячим приверженцем Диониса, тем более что он любил театр и сам писал трагедии. К тому же, согласно легенде, род Птолемеев происходил от Диониса. Для насаждения культа этого бога использовались все средства, даже административные. Отношение к культу Диониса стало показателем гражданской лояльности. Не

желавшие повиноваться, главным образом иудеи, подвергались жестокому преследованиям.

Что же касается Птолемея XII, то его больше интересовало искусство, чем религия. В роскошных дворцовых залах при нем ставились театральные представления и выступали хоры. Во всем этом не было бы ничего странного, если бы не то обстоятельство, что хорам аккомпанировал на флейте сам монарх — Птолемей Филопатор Филадельф, Новый Дионис, возлюбленный Птахом и Исидой.

Злые на язык александрийцы очень скоро нашли подходящее прозвище для царя. Его называли коротко и просто — Авлет, что в переводе с греческого означает «Флейтист».

Сирийские царевицы

К сожалению, заботы о государстве не позволяли царю следовать зову своего сердца и целиком посвятить себя искусству. Слишком часто приходилось ради государственных дел бросать флейту и хор. Политическое положение становилось с каждым годом все более сложным. Дело заключалось в том, что Птолемей XII получил трон от жителей Александрии без ведома и согласия Рима. Признают ли сенат и римский народ этот факт? Как они отнесутся к убийству царя, возведенного на трон римским диктатором?

К счастью для нового царя, поддерживавший молодого Птолемея Сулла сошел с исторической арены. В 79 году он отказался от всех должностей и поселился на своей вилле у моря, а через год умер от сердечного приступа. После ухода Суллы все внимание римлян сосредоточилось на внутренних делах их государства. Из столицы не поступало никаких сообщений о том, какую позицию занял сенат в связи с египетскими событиями. Птолемей не получил даже косвенных намеков на официальное признание, хотя добивался этого с необычайным упорством. Правда, не было и явных признаков недоброжелательства.

Птолемей XII вел себя осторожно, выжидал, не спешил с коронацией, которая по всем этим соображениям

откладывалась в течение четырех лет. Когда в 76 году он наконец решился на это, возникло затруднение. Верховный жрец бога Птаха в Мемфисе переселился в печальную страну Запада. Царю ничего не оставалось, как назначить на эту высокую храмовую должность его четырнадцатилетнего сына Пшерени-Птаха.

Коронация состоялась не в Мемфисе, а в Александрии. Вероятно, царь хотел придать ей больше блеска и привлечь к ней внимание. Мемфис находился в глубине страны, а портовая Александрия поддерживала широкие контакты со всем миром.

Как объяснить эту внезапную поспешность поелю четырех лет оттяжек? И с чем связано стремление сделать так, чтобы о церемонии стало известно за пределами Египта?

Все это было вызвано сообщениями из Сирии. Там появились претенденты на египетский трон, имевшие больше прав, чем Авлет, который был всего лишь сыном наложницы Птолемея IX. В Сирии же находилась родная сестра Птолемея IX, Селена, бывшая поочередно женой трех монархов из династии Селевкидов. Два ее сына были законными наследниками обеих династий.

Узнав о притязаниях сирийских царевичей, Птолемей XII поспешил устроить как можно более пышную и шумную коронацию, надеясь таким образом отбить у них охоту к дальнейшим шагам в этом направлении. Но напрасно. Молодые люди, по-видимому, не приняли всерьез александрийскую церемонию, которой так гордился четырнадцатилетний верховный жрец Пшерени-Птах. В 75 году они отправились в Рим с намерением добиться там подтверждения своих прав на египетский престол.

Римские нравы были хорошо известны царевичам, и они поехали в Италию отнюдь не с пустыми руками. Они везли с собой массу драгоценных изделий, надеясь подкупом привлечь на свою сторону наиболее влиятельных людей.

Царевичи просидели на берегах Тибра два года, истратили уйму денег, но не добились ничего. Они даже не были выслушаны сенатом. И это вполне понятно. В тот период Рим не мог ввязываться в предприятие, грозившее политическими и военными осложнениями. Положение и без того было достаточно тяжелым: все

еще шла война с мятежниками в Испании, в 75 году началась война в Малой Азии с понтийским царем Митридатом, в сенате и народном собрании велись орые дебаты между двумя группировками — оптиматами и популярами. Их вожди препятствовали любым начинаниям друг друга.

Став на сторону сирийских царевичей, Рим должен был бы впоследствии оказать им и военную помощь. Ведь даже если Авлет испугается и уступит трон, неизвестно, как поведет себя мятежный народ Александрии. Все еще помнили о судьбе Птолемея XI, царствовавшего 19 дней. Военный поход против Египта должен был принести тому, кто его возглавит, огромные богатства, и римские политики, стремившиеся вырвать добычу друг у друга, предпочитали, чтобы она не досталась никому.

В конце концов, поняв, что они добиваются помощи от людей, которые умеют лишь брать деньги и обещать, царевичи покинули столицу Римского государства и отправились на родину. Это было в 73 году, когда в Италии вспыхнуло восстание рабов под предводительством Спартака и стало очевидно, что перед лицом такой опасности ни один человек в Риме не захочет думать о том, кому достанется египетский трон: одному из сыновей сестры Птолемея IX или сыну его наложницы.

С одним из царевичей, Антиохом, по пути произошел неприятный эпизод, о котором мы знаем из судебной речи Цицерона, произнесенной им через несколько лет после этого.

По рассказу Цицерона, Антиох ехал через Сицилию. Он прибыл в Сиракузы, когда претором там был Веррес. Претор решил, что ему досталась кр так как в его руки попал человек, который вез с собой много драгоценных вещей. Веррес послал ему довольно щедрые подарки — масло, вино и пшеницу, а затем пригласил на обед. Он велел пышно украсить триклиний и расставить множество серебряных ваз прекрасной работы. У царевича сложилось впечатление, что Веррес весьма богат и что ему самому был оказан должный почет.

«Затем он сам пригласил претора на обед к себе; велел выставить напоказ все свои богатства — много серебряной утвари, не мало и золотых кубков, украшенных, как это принято у царей, особенно в Сирии, пре-

красными самоцветными камнями. Среди них был и ковш для вина, выдолбленный на цельного, очень большого самоцветного камня, с золотой ручкой... Веррес стал брать в руки один сосуд за другим, хвалить их, любоваться ими. Царевич радовался, что пир у него доставляет такое удовольствие претору римского народа. Когда гости разошлись, Веррес, как показал исход дела, стал думать только об одном — как бы ему отпустить царевича из провинции обобренным и ограбленным. Он обратился к нему с просьбой дать ему красивые вазы, которые он у него видел; он будто бы хотел показать их своим мастерам-чеканщикам. Царевич, не зная его, дал их очень охотно, без малейшего подозрения; Веррес прислал также за ковшом из самоцветного камня; он, по его словам, хотел внимательнее осмотреть его; ему послали и ковш...

Те царевичи, о которых я говорю, привезли в Рим осыпанный чудесными камнями канделябр¹⁴ изумительной работы, чтобы поставить его в Капитолии¹⁵; но так как храм оказался неоконченным, то они не смогли поставить там канделябр и не хотели выставлять его напоказ всем, чтобы, когда его, в свое время, поставят в святилище Юпитера Всеблагого Величайшего, он показался и более драгоценным, и более великолепным, и более блестящим, когда люди узрят его в его свежей и невиданной ранее красоте. Они решили увезти его с собой обратно в Сирию с тем, чтобы, получив известие о дедикации¹⁶ статуи Юпитера Всеблагого Величайшего, снарядить посольство и среди других приношений доставить в Капитолий и этот редкостный и великолепнейший дар. Это каким-то образом дошло до ушей Верреса: ибо царевич хотел сохранить это в тайне, но не потому, что чего-либо боялся или что-нибудь подозревал, а так как не желал, чтобы многие люди увидели этот канделябр раньше, чем его увидит римский народ. Веррес начал просить и усиленно уговаривать царевича прислать ему канделябр; он, по его словам, желает взглянуть на него и никому не позволит видеть его. Антиох, этот царственный юноша, конечно, не заподозрил Верреса в бесчестности; он велел своим рабам, самым тщательным образом закрыв канделябр, отнести его в преторский дом. Когда его принесли и поставили, сняв покрывала, Веррес стал восклицать, что вещь эта достойна сирийского

царства, достойна быть царским даром, достойна Капитолия. И в самом деле, канделябр обладал таким блеском, какой должен был исходить от столь блестящих и великолепных камней, отличался таким разнообразием работы, что искусство, казалось, вступило в состязание с пышностью, такими большими размерами, что он, несомненно, предназначался не для повседневного употребления в доме, а для украшения величайшего храма. Когда посланным показалось, что Веррес насмотрелся вдоволь, они начали поднимать канделябр, чтобы нести его обратно. Веррес сказал, что хочет смотреть еще и еще, что он далеко еще не удовлетворен; он велел им уйти и оставить канделябр у него. Так они вернулись к Антиоху с пустыми руками.

Вначале у царевича не было ни опасений, ни подозрений; проходит день, другой, несколько дней; канделябра не возвращают. Тогда он посылает к Верресу людей с покорной просьбой возвратить канделябр; Веррес велит им прийти в другой раз. Царевич удивлен, посылает вторично; вещи не отдают. Он сам обращается к претору и просит его отдать канделябр. Обратите внимание на медный лоб Верреса, на его неслыханное бесстыдство. Он знал, он слышал от самого царевича, что этот дар предназначен для Капитолия; он видел, что его сберегают для Юпитера Всеблагого Величайшего, для римского народа, и все-таки стал настойчиво требовать, чтобы дар этот отдали ему. Когда царевич ответил, что этому препятствует и его благоговение перед Юпитером Капитолийским и забота об общем мнении, так как многие народы могут засвидетельствовать назначение этой вещи, Веррес начал осыпать его страшными угрозами. Когда же он понял, что его угрозы действуют на царевича так же мало, как и его просьбы, он велел Антиоху немедленно, еще до наступления ночи, покинуть провинцию: он, по его словам, получил сведения, что из Сирии в Сицилию едут пираты. Царевич при величайшем стечении народа на форуме в Сиракузах — пусть никто не думает, что я привожу неясные улики и присочиняю на основании простого подозрения, — повторяю, на форуме в Сиракузах, призывая в свидетели богов и людей, со слезами на глазах стал жаловаться, что сделанный из самоцветных камней канделябр, который он собирался послать в Капитолий и поставить в знамени-

тейшем храме как памятник его дружеских чувств союзника римского народа, Гай Веррес у него отнял; утрата других принадлежавших ему вещей из золота и редких камней, находящихся ныне у Верреса, его не огорчает; но отнять у него этот канделябр — низко и подло»¹⁷.

Случай с царевичем Антиохом ярко характеризует отношение римлян к правителям зависимых от Рима государств.

Завещания Птолемея XI

Неудача сирийцев в борьбе за египетский трон доставила Птолемею Авлету большую радость. Пока его царствование было спасено. То, что римляне отправили царевичей ни с чем, позволяло надеяться, что в ближайшем будущем они не предпримут никаких шагов против Египта.

Но царь не мог быть вполне спокоен. В 74 году пришло грозное предостережение, показавшее всем, что Рим иногда медлит, но не забывает никогда! В тот год римляне захватили страну, находившуюся к западу от Египта, — Киренаику (современную Ливию). Присоединение этой страны к Римскому государству формально не было незаконным. Римляне действовали на основе завещания царя Киренаики — Птолемея Апиона¹⁸, который 22 года назад, в 96 году, умирая, передал свое государство в наследство Риму. Подобные завещания не были явлением исключительным. До царя Киренаики так поступали дважды¹⁹. Как ни странно, в этом был определенный смысл. Объявляя свою последнюю волю, цари приобретали доверие и поддержку Рима до конца жизни. То, что случится после их смерти, им было безразлично, в особенности если не было потомства. К тому же эти правители понимали, что рано или поздно их государства все равно будут включены в состав Римской державы. Таков был неумолимый ход исторического процесса.

Для Авлета вопрос о Киренаике был важен втройне. Во-первых, эта страна граничила с Египтом; во-вторых, она всегда находилась в зависимости от Птолемеев и, наконец, самое главное — вскоре после захвата Киренаики поползли зловещие слухи, будто у римлян имеется

завещание последнего законного египетского царя — Птолемея XI, в котором он назначает своим наследником римский народ.

Никто не видел этого завещания, но упорная молва твердила, что оно есть и в соответствующий момент будет предъявлено. Ссылались также на следующий факт: сразу после смерти Птолемея XI по распоряжению сената в финикийский город Тир были направлены послы, которые завладели хранившимися там деньгами покойного царя. А завещание — так утверждали многие — не только существует, но и признано сенатом как действительное. Пока что Рим захватил только деньги, но скоро придет очередь и самого Египта!

Все это звучало весьма правдоподобно.

Вполне вероятно, что, отправляя двадцатилетнего юношу из Рима в Александрию, Сулла потребовал от него вознаграждения за свою поддержку. Будущий правитель огромного государства в тот момент не имел ничего. Он мог отблагодарить Суллу, только завещав свою страну римскому народу. Подписывая этот документ, Птолемей надеялся жить долго, может быть, несколько десятилетий. А за это время многое могло измениться и в Риме и на Востоке. Впрочем, завещание все равно вступало в силу лишь при отсутствии у царя потомков. Так что Птолемею все это не должно было казаться ни опасным, ни серьезным.

Между тем события очень скоро привели к катастрофе. Молодой монарх погиб на девятнадцатый день правления. Он умер, не оставив наследников. Оборвалась законная ветвь династии. А завещание? Что, если оно действительно осталось? Рим не делал никаких официальных заявлений относительно этого документа. Все сводилось к слухам, догадкам, предположениям.

Ведь только сейчас, через двадцать с лишним лет после смерти Птолемея Апиона, Рим вступает в права наследования Киренаикой! Это еще раз показало, сколь неторопливыми и вместе с тем внезапными могут быть действия римских властей.

Совершенно естественно, что в создавшейся ситуации весьма непрочно сидевший на троне Птолемей XII стал особенно заботиться о расположении своих подданных. Он хотел, чтобы в нем видели доброго и справедливого царя. Прежде всего следовало обеспечить себе до-

брожелательное отношение со стороны жрецов, пользовавшихся большим влиянием в народе. А сделать это было проще всего, наделяя храмы правом убежища. Тем более, что царю это ничего не стоило.

Некоторые египетские храмы испокон веков имели особую привилегию: человек, оказавшийся в пределах такого храма, становился неподвластным государственным чиновникам, даже если его преследовали как преступника, беглого раба или крестьянина. Обладание правом убежища было чрезвычайно желательным для каждого храма, так как оно поднимало его авторитет и увеличивало доходы. Воспользовавшись правом убежища, человек попадал в подчинение к жрецам и должен был расплачиваться за приют своим трудом. Первые Птолемеи относились к этому институту неодобрительно, справедливо считая, что он ограничивает их власть. Было совершенно очевидно, что увеличение числа храмов, наделенных правом убежища, может нанести ущерб государственному хозяйству и подорвать авторитет властей. Поэтому основатели династии сохранили эту старинную привилегию только за самыми большими и почитаемыми храмами. Позднее положение изменилось. Жрецы все настойчивее добивались этого важного для них преимущества, а цари, особенно в трудные минуты, все более щедро удовлетворяли их притязания.

Пользующийся правом убежища храм на границах своих владений помещал текст царского указа. Традиционное вступление надписи гласило: «Кто не имеет дела, пусть не входит». Это означало, что жрецы не только запрещали вход властям и частным лицам, преследующим беглецов, но и предупреждали, что будут приняты лишь те просители, которые окажутся удобными храму. Потому что нередко случалось так, что в святилище врвались толпы нищих и даже разбойников. Подобные не слишком желанные гости тоже пользовались неприкосновенностью, а кроме того, требовали пропитания и крыши над головой. В результате право убежища порой становилось обременительным для хозяев.

Кажется, ни один из предшественников Птолемея XII не наделял храмы правом убежища так щедро, как он. Одновременно храм освобождался от всех податей и по-

винностей. Не случайно до нас дошло несколько надписей времени Птолемея XII, в которых царь предоставлял право убежища отнюдь не самым большим храмам: храму Исиды в поселении Птолемеаида в 75 году; храму этой же богини в Теадельфии в 69 году; двум храмам — бога Амона и бога Суха, изображавшегося с пастью крокодила, в Эвгемерии в 69 году.

Бог-крокодил

Эвгемерия и Теадельфия были расположены на восточной окраине Фаюмского оазиса. Фаюм — это, строго говоря, не оазис, а широкая долина, по которой протекает рукав Нила, впадающий в озеро Мерида. Эта область была одной из плодороднейших в Египте благодаря огромным оросительным работам, которые проводились здесь сначала при фараонах XII династии в XX и XIX веках до н. э., а потом, после того как каналы какое-то время находились в запущенном состоянии, — при первых Птолемеях.

Внезапамятные времена, тысячелетия назад, в Фаюмской долине были болота, которыми. Поэтому не удивительно, что культ крокодила, распространенный в Египте почти повсеместно, здесь укоренился особенно прочно. Причиной тому был как панический страх перед опасным животным, так и уверенность, что он олицетворяет собой нильские воды. Египетское имя бога-крокодила произносилось, по-видимому, как Себек, а жившие в этой стране греки звали его Сух. Были у этого бога и другие имена, так как его отождествляли с различными божествами, в том числе с Гором и с богом солнца Ра.

В Эвгемерии поклонялись паре, а может быть, даже троице крокодилов. Главная же культовая святыня оазиса, привлекавшая бесчисленных паломников, находилась в городе Шедек, который греки называли Крокодилополис. Позднее этот город получил название Арсиноя в честь жены и сестры Птолемея II. О том, как происходило богослужение в честь крокодила, рассказывает греческий путешественник и ученый Страбон, побывавший в Египте вскоре

патры, в 25—19 годах до н. э. Вот рассказ Страбона о городе Арсиноя:

«...У них есть одно такое священное животное, содержащееся отдельно в озере и прирученное жрецами. Оно называется Сухом. Кормят животное хлебом, мясом и вином; эту пищу всегда приносят с собой чужеземцы, которые приходят созерцать священное животное. Наш хозяин, один из должностных лиц, который посвящал нас там в мистерии, пришел вместе с нами к озеру, захватив от обеда какую-то лепешку, жареного мяса и кувшин с вином, смешанным с медом. Мы застали крокодила лежащим на берегу озера. Когда жрецы подошли к животному, то один из них открыл его пасть, а другой всунул туда лепешку, затем мясо, а потом влил медовую смесь. Тогда животное прыгнуло в озеро и переплыло на другой берег. Но когда подошел другой чужеземец, тоже неся с собой приношение из начатков плодов, то жрецы взяли от него дары; затем они направились бегом вокруг озера и, найдя крокодила, подобным же образом отдали животному принесенную пищу»²⁰.

Население Фаюма в основном было пришлым. Страбон жил в доме эллина. Можно было бы предположить, что этот знатный и образованный человек принес жертвы крокодилу только для того, чтобы любезно продемонстрировать гостю дикий религиозный обычай египтян. Но это было не так. Эллины переняли у местных жителей их верования и культы и вместе с ними приносили жертвы богам-животным. Лучше всего об этом свидетельствуют две надписи, обнаруженные в руинах города Арсиноя; обе они относятся к началу I века до н. э. Надписи гласят, что бывшие, эфебы²¹ посвящают определенные участки земли «великому, великому богу Суху»²².

Чтобы должным образом оценить смысл этих посвящений, следует вспомнить, что эфебия была чисто эллинской организацией молодежи, которая должна была способствовать сохранению языковой и культурной самобытности греков. Союзы эфебов существовали во всех греческих поселениях. Однако культ древних египетских божеств проник даже в эти организации.

Вот почему, наделяя правом убежища храм Суха, Птолемей XII удовлетворял желание всех жителей оазиса, как эллинов, так и египтян. Последующие годы,

однако, показали царю, что подлинный бог-крокодил, от ненасытности которого поистине нет спасения, живет в другом месте.

Египетские планы Цезаря

Вопрос о завещании Птолемея XI стал предметом публичного обсуждения в Риме лишь в 65 году. Богач, делец и честолюбивый политик Марк Красс выступил с предложением о взимании податей в Египте, так же как в других провинциях. Могло показаться, что Красс беспокоится о благе республики — в 65 году он отправлял должность цензора, и в его компетенцию входила забота о финансовых делах государства. Но дело было не в этом.

В то же самое время Гай Юлий Цезарь при помощи своих друзей хлопотал о том, чтобы ему поручили превратить Египет в новую провинцию. Ни для кого в Риме не было секретом, что Цезарь — союзник Красса. В начале 63 года были распространены слухи о том, что Цезарь вместе с Крассом и разорившимся аристократом Катилиной готовят государственный переворот. Их сторонники должны были убить обоих консулов и наиболее влиятельных сенаторов. В случае успеха Красс был бы провозглашен диктатором, а Цезарь — начальником конницы. Так по традиции называли заместителя диктатора. Заговор провалился, потому что Красс в последний момент испугался. Что касается Цезаря, то он не остановился бы ни перед чем.

Этот еще сравнительно молодой человек (ему было самое большее 37 лет) пользовался огромной популярностью в массах. Отчасти это можно объяснить тем, что Цезарь был близким родственником Гая Мария, умершего более двадцати лет назад вождя популяров. Кое-кто видел в нем наследника тех идей, которые вдохновляли начатое еще Гракхами широкое политическое движение, направленное на демократизацию государственного устройства, ослабление роли сената, возрождение средних слоев крестьянства. Думать так было глубочайшей ошибкой. Как все разумные люди, Цезарь, действительно, понимал, что государственный строй республики

прогнал, но если он и помышлял о каких-либо реформах, то только о таких, которые принесли бы ему самому деньги и власть. Он очень нуждался в деньгах, так как вел разгульный образ жизни и имел большие долги. Говорили, что огромные деньги он тратит на женщин. Слухи, часто преувеличенные, о любовных похождениях Цезаря, об увеселениях и оргиях, разумеется, мешали ему добиться расположения почтенных людей. А сторонники партии оптиматов готовы были на все, лишь бы помешать выдвинуться человеку, пользующемуся поддержкой и симпатией популяро́в.

Предложение превратить Египет в новую провинцию, если бы оно исходило от кого-нибудь другого, возможно, и имело бы шансы на успех. Но одни лишь имена Красса и Цезаря вызвали противодействие не только консервативных, но даже и умеренных группировок. Говорили, что, обещая большую прибыль государственной казне и всем гражданам, оба политика надеются легко провести закон о Египте, а в случае его принятия больше всего выиграют они сами, потому что при создании новой провинции они захватят все богатства египетского царя, ограбят храмы, отнимут у состоятельных людей все до нитки. А затем, присвоив себе миллионы и располагая неисчислимыми богатствами Египта, станут опасными для республики. Вместо Птолемея на берегах Нила будет царствовать династия Крассов или Цезарей. Не воцарились бы они и на Тибре!

Было очевидно, что Красс не случайно заинтересовался завещанием пятнадцатилетней давности — столько лет прошло уже после смерти растерзанного своими подданными Птолемея XI. Красс давно соперничал с Помпеем, который как раз в это время, то есть начиная с 66 года, воевал на Востоке, в Малой Азии, одерживая победы над войском понтийского царя Митридата. В 65 году он присоединил к Риму две провинции на побережье Черного моря — Понт и Вифинию. Красс считал, что овладение Египтом, пусть даже мирным путем, сравняет его славу со славой Помпея.

Оптиматы, имевшие, как всегда, большинство в сенате, крайне резко выступили против проекта Красса. Прежде всего они подвергли сомнению законность его оснований. Как, в сущности, обстоит дело с этим завещанием? — говорили они. Где оно находится? Какова

его подлинность? Почему этот вопрос до сих пор не был предметом открытого и официального обсуждения в сенате? Почему все основывается на каких-то домыслах предположениях и недомолвках? Сначала надо проверить подлинность документа, и только после этого можно решать вопрос о том, принять государству завещанное наследство или нет. Получение хранившихся в Тире денег Птолемея XI следует рассматривать совершенно отдельно.

Именно такие вопросы задавал авторам проекта один из наиболее влиятельных сенаторов того времени — Марк Туллий Цицерон, уже прославившийся своими выступлениями на нескольких больших судебных процессах политического характера. Это Цицерон пять лет назад обвинял наместника Сицилии Верреса, бесстыдно ограбившего царевича Антиоха. В 65 году Цицерон исполнял должность претора. Хотя Цицерон не был аристократом по происхождению, он все более определенно склонялся на сторону оптиматов.

Но душой оппозиции Крассу и Цезарю был второй цензор 65 года, Квинт Катулл. Катулл избрал следующую тактику: чтобы парализовать деятельность своего товарища по должности Красса, он выступал против всех его начинаний. Оба цензора вели бесконечные споры на заседаниях сената, а сенаторы не без злорадства прислушивались к их словесным поединкам. В результате цензоры 65 года не сумели довести до конца даже тех дел, которые были их прямой обязанностью, — не составили списка сенаторов и не сделали переписи граждан. Наконец после многомесячных препир

от должности.

Законопроект Рулла

Красс и Цезарь продолжали вынашивать идею овладения Египтом. Они снова подняли этот вопрос в конце 64 года. На сей раз они подготовились более тщательно и вели себя более осмотрительно. Участие Красса и Цезаря в этом деле сохранялось в тайне, вались только в числе других. А вопрос о Египте был тонко завуалирован и фигурировал лишь как составная

часть мероприятия, в котором должно было быть заинтересовано все Римское государство.

В декабре 64 года народный трибун Рулл представил проект нового аграрного закона, который предусматривал закупку государством новых земель и их широкую колонизацию. Средства на приобретение земельных участков предстояло изыскать путем продажи всех поместий и движимости, которые тем или иным образом перешли во владение Рима после 88 года и в отношении которых до сих пор не было принято никакого постановления. Всем этим гигантским мероприятием должна была руководить специально избранная коллегия десяти — децемвиры.

Однако любому опытному политику были ясны подлинное содержание и цель законопроекта Рулла. Ведь к числу приобретений Рима после 88 года пришлось бы отнести и Египет — разумеется, если считать, что Птолемей XI действительно оставил соответствующее завещание. Впрочем, в заинтересованных кругах полагали, что, если завещание и не существует, его легко можно подделать. Таким образом, опираясь на завещание, подлинное или подложное, децемвиры могли захватить Египет и выставить на продажу все владения и личное имущество царя. Иначе говоря, коллегия десяти получила бы те же права и полномочия, каких два года назад добивались Красс и Цезарь. Легко было предвидеть, что эти два политика войдут в ее состав в числе первых. Ведь Рулл действовал главным образом по их инициативе и пользуясь их деньгами. Как и в прошлый раз, острие закона было направлено против Помпея. На самом деле, если децемвиры возьмут в свои руки земли и богатства, приобретенные государством после 88 года, то сюда войдет и все то, что было завоевано Помпеем на Востоке. А ведь Помпей недавно присоединил к Риму еще одну провинцию — Сирию. Таким образом, на его долю выпали бы невзгоды и тяготы войны, а добычей воспользовались бы политики, которые спокойно плели интриги в столице.

Против этих махинаций снова выступил Цицерон. 1 января 63 года он приступил к обязанностям консула. Эту высшую государственную должность Цицерон получил главным образом благодаря поддержке оптиматов, интересы которых он честно отстаивал. Великий оратор

резко воспротивился проекту земельной реформы Рулла. Вот что он говорил в сенате:

«...Раньше этого добивались открыто, теперь к тому же стремятся тайно, путем подземных ходов. Децемвиры скажут — что и теперь утверждается многими, и прежде говорилось часто, — что со времени консульства тех же самых мужей²³ по завещанию александрийского царя его царство стало собственностью римского народа. Что же, вы отдадите Александрию тайным вожеланиям тех же людей²⁴, открытым требованиям которых вы оказали сопротивление? Скажите, ради бессмертных богов, как мне назвать эту затею? Предложением трезвого человека или бредом пьяницы? Мыслью разумного или мечтой помешанного?»²⁵

Во второй речи о земельном законе Рулла, с которой он выступил перед народным собранием, Цицерон еще более основательно осветил этот вопрос:

«А Александрия и весь Египет? Как тщательно они их припрятали, как обходят они вопрос об этих землях, а тайком полностью передают их децемвирам! И в самом деле, до кого из вас не дошла молва, что это царство, в силу завещания царя Алексы²⁶, стало принадлежать римскому народу? Насчет этого я, консул римского народа, не только не стану выносить решения, но не скажу даже и того, что думаю. Ибо по этому вопросу, мне кажется, трудно не только принять постановление, но даже высказаться. Я вижу, найдутся люди, которые станут утверждать, что завещание действительно было составлено; я согласен, что существует суждение сената о вступлении в права наследства, вынесенное тогда, когда мы, после смерти Алексы, отправили в Тир послов с поручением получить для нас деньги, положенные там царем... Что касается человека, который ныне занимает там царский престол, то, по-моему, почти все согласятся, что он не царь — ни по своему происхождению, ни по духу. Другие же говорят, что никакого завещания нет, что римскому народу не подобает добиваться всех царств, но что наши сограждане готовы туда переселиться ввиду плодородия земли и всеобщего изобилия. И об этом столь важном деле будет выносить решение Публий Рулл вместе с другими децемвирами, своими коллегами? Будет ли он судить справедливо?.. Предположим, он захочет народу угодить: он присудит Египет

римскому народу. И вот, он сам, в силу своего закона, распродаст Александрию, распродаст Египет; над великолепным городом, над землями, прекраснее которых нет, он станет судьей, арбитром, владыкой, словом, царем над богатейшим царством. Но допустим, что он не будет столь притязателен и алчен; он признает, что Александрия принадлежит царю, а у римского народа ее отнимет.

...Почему решение о наследстве, достаемся римскому народу, должны выносить децемвиры, когда вы повелели, чтобы о наследствах частных лиц решение выносили центумвиры^{27, 28}?»

Цицерон и оптиматы одержали победу. Это произошло, по-видимому, не только благодаря речам консула, но и вследствие того, что широкие слои римского населения в сущности совершенно не были заинтересованы в новых землях и колонизации. Удобнее всего было жить в столице. Деньги, хлеб и зрелища можно было получать без всяких усилий, продавая свои голоса во время выборов или дебатов в народном собрании.

Проект Красса и Цезаря провалился вторично. Вопрос о завещании и захвате Египта снова был отложен. Птолемей XII удержался на троне, хотя в Риме его называли не иначе, как «ублюдок» или «флейтист». Дальнейшие события показали, что такой оборот дела — как это ни парадоксально — в конечном счете оказался выгоден в первую очередь тому же Цезарю.

Иудея и Египет

В Александрии с тревогой и нетерпением ждали очередных сообщений о политической борьбе в Риме. И не только в царском дворце! Ведь от того, как отнесутся сенат и народное собрание к законопроекту Красса или Рулла, зависела судьба страны. Результат голосования на Тибре в любой момент мог резко изменить положение миллионов людей в дельте и долине Нила. Большая часть непомерно разбухшего царского административного аппарата оказалась бы без дела. Римляне наверняка создали бы свои учреждения и на все должности назначили бы своих людей. Неизвестно, как отнеслись

бы новые правители к имуществу храмов и к праву убежища. Даже простые крестьяне, угнетенные и бесправные, могли ожидать от новой власти только худшего: им пришлось бы платить еще более высокие налоги и нести более тяжелые повинности.

Вот почему период после 65 года был для Египта временем тревожных ожиданий. А между тем на востоке возникла новая опасность.

В 64 году Помпей, победоносно прошедший по странам Малой Азии, остановился в Дамаске. Сирия стала новой провинцией Рима. Последние представители династии Селевкидов лишились остатков своего наследия. Это было предостережением для египетского царя. Ведь Селевкиды начали царствовать почти одновременно с Птолемеями. Основатель династии, Селевк, сражался вместе с Птолемеем I и, так же как и он, был одним из военачальников Александра Великого. Созданное Селевком царство сначала занимало Оно включало даже часть Индии. В последующие годы владения Селевкидов все более сокращались, и тем, что от них осталось, теперь без труда овладели римские легионы.

Между Птолемеями и Селевкидами никогда не было искренней дружбы. Они часто воевали между собой. Но сейчас гибель сирийской монархии наводила александрийский двор на печальные размышления.

Из всех царств, которые возникли около двухсот пятидесяти лет назад на развалинах мировой монархии Александра Македонского, остался один птолемеевский Египет. Но и его уже нельзя было назвать государством действительно независимым. Рим все еще не признал египетского царя. Слухи о злополучном завещании, которое в любой момент может послужить основанием для попыток овладеть страной, не прекратились. Правда, в данное время сенат противится этому, а Помпей сохраняет по отношению к сенату лояльность, но, как показывает опыт, политические коалиции в Риме слишком непостоянны. Помпей может внезапно решить, что лучше ему самому заняться Египтом, и, не дожидаясь полномочий сената, двинется из Дамаска на юг, прямо в Египет. Кто его остановит? Египет почти беззащитен, Иудея, которая лежит на пути из Сирии в Египет, слаба и внутренне разобщена.

Подобные рассуждения советников Птолемея XII привели к тому, что царь счел необходимым любой ценой завоевать расположение великого полководца. Весной 63 года в Дамаск прибыли египетские послы. Они привезли поистине царский дар: венок из чистого золота стоимостью четыре тысячи талантов.

Вскоре после этого Помпей ушел из Дамаска и вторгся в Падестину. Он хотел овладеть богатой столицей набатеев²⁹ Петрой, расположенной к югу от Мертвого моря. Но по пути полководец вмешался в династический спор за трон Иудеи, который уже несколько лет вели два брата из рода Хасмонеев — Гиркан и Аристокбул.

Первоначальный план похода был изменен. Сопровождаемый Гирканом, Помпей направился с войсками к Иерусалиму. Город был сдан без боя, но сторонники Аристокбула закрепились в огромном четырехугольнике храмовых строений и оборонялись там три месяца. Осенью 63 года храм был взят штурмом. При этом погибло около двенадцати тысяч его защитников. Гиркан был назначен правителем Иудеи, но территория его государства, сильно урезанная, стала частью провинции Сирии. Казалось, что Иудея навсегда утратила политическое значение и перестала существовать как самостоятельное государство. Над Гирканом, которому было отказано в титуле царя, установили контроль наместника Сирии.

Во время осады иерусалимского храма Птолемей косвенно, но весьма ощутимо помогал римлянам. Он содержал на свои средства целый конный корпус в армии Помпея — восемь тысяч человек и столько же коней; он снабжал армию Помпея провиантом, фуражом, деньгами. Когда Иерусалим пал и судьба Иудеи была решена, Птолемей пригласил римского полководца посетить Александрию. В качестве подарков он послал обмундирование солдатам и значительную сумму денег в войсковую кассу.

Помпей охотно принимал все, но не давал никаких обещаний и не согласился приехать в Александрию. Полководец понимал, что посещение столицы иностранного государства было бы понято как официальное признание ее правителя. Вступить же в Египет с оружием в руках и свергнуть царя он тоже не мог — это значило

бы превзойти свои полномочия, поскольку сенат все еще не принял никакого решения о Египте.

Впрочем, Помпей считал, что он уже достаточно времени посвятил Востоку. Он торопился в Рим, рассчитывая отпраздновать триумф и, пользуясь заслуженной славой, занять высокое положение в государстве. Ближайшее будущее показало, сколь фантастичны были эти планы. Но в данное время Помпей отказался от своего первоначального намерения покорить набатеев и поспешно покинул Палестину.

Попытки привлечь на свою сторону Помпея дорого стоили египетскому царю. В итоге все осталось по-старому, изменилось только настроение. Рим продолжал хранить каменное молчание. Какой же смысл терпеть на троне царя, которого не признает мир?

Очень повредило Птолемею в общественном мнении и то, что он оказал римским войскам помощь во время осады иерусалимского храма. Особенно возмущались иудеи. А в Египте их было несколько сот тысяч, и жили они главным образом в Александрии.

— Храм Иеговы обесчещен,— говорили они.— Помпей проник в святая святых, куда имеет доступ только верховный жрец, и то лишь в день великого праздника. Часть вины и проклятия падает на царя, который щедро кормил и одевал солдат богохульника!

Впрочем, греки и коренные египтяне тоже были недовольны тем, что их правитель помог римлянам одержать победу в Палестине. Египтяне не забыли, что при первых Птолемеях Палестина находилась в зависимости от Египта.

Древнейшие надписи, сделанные еще при фараонах на стенах больших храмов,— а их не разучились читать жрецы,— прославляли победы, которые одерживали много веков назад египетские войска не только на землях Палестины, но и значительно дальше к северу, вплоть до берегов Евфрата. Сейчас эти земли оказались под властью чужеземцев. А египетские деньги и хлеб им в этом помогли!

Таким образом, царь Птолемей XII, Новый Дионис, имел немало противников: популяры в Риме, иудеи в Александрии, патриоты в самом Египте. Ко всему этому прибавлялась еще забота о священных животных, с ко-

торыми не должно было случиться ничего дурного, потому что, как мы увидим дальше, любой пустяковый случай в той ситуации мог привести к серьезным политическим осложнениям.

*Посещение Египта
Диодором Сицилийским*

Именно в эти годы, когда среди подданных Птолемея все более нарастало недовольство, в Александрию прибыл молодой грек из Сицилии, образованный и внимательный исследователь прошлого, Диодор. Он приехал в столицу Египта для занятий в знаменитой библиотеке. Диодор задумал написать обширное сочинение, в котором хотел охватить всю историю человечества, от глубокой древности до своего времени. Многие ученые считали Египет колыбелью цивилизации, поэтому древнейшая история этой страны должна была занять подобающее место в трудах Диодора.

На своем родном острове молодой историк видел немало прекрасных и богатых городов — Сиракузы, Акрагант. Но Александрия поразила его своим красотою. Диодора восхитило прежде всего местоположение столицы Египта. По приказу Александра Великого город был построен на довольно узком перешейке между морем и озером, которое было соединено каналом с рукавом Нила. Недалеко от побережья расположен небольшой остров Фарос; от него к городу шла сложенная из крупных камней широкая дамба, называвшаяся Гептастадион³⁰. По обеим сторонам дамбы образовались два чрезвычайно удобных порта: Восточный, или Большой, и Западный — Эвност. Город был обнесен мощными стенами. С самого начала строительство осуществлялось по плану — ровные, широкие улицы пересекались под прямым углом.

Главная артерия, протянувшаяся через весь город с востока на запад, имела в длину около сорока стадиев, то есть приблизительно шесть с половиной километров, а в ширину сто стоп — около сорока метров. По обеим ее сторонам возвышались великолепные храмы и пышные постройки. Немало было роскошных зданий и в других районах города. В восточной части, около небольшого

полуострова Лохий, находился царский дворец — огромный комплекс зданий, раскинувшихся среди парков и садов. Каждый из Птолемеев стремился сделать свою резиденцию еще более великолепной.

Очень хвалил Диодор и климат Александрии. Летом здесь постоянно дули северные ветры, так называемые этесии³¹. Они несли приятную прохладу с моря, а прямые и широкие улицы были открыты этим ветрам даже в отдаленных от моря районах.

Писатель заинтересовался количеством жителей города. Чиновники, проводившие перепись населения, ответили ему, что одних только свободных людей в Александрии более трехсот тысяч. Неизвестно, однако, вошли ли в это число женщины и дети. Нет никаких данных о количестве рабов. Но при самых осторожных подсчетах можно предположить, что в Александрии было тогда около миллиона постоянных жителей. В то время столица Египта считалась крупнейшим городом мира³².

Диодора интересовали в Египте главным образом памятники старины, верования, обычаи. Он сразу обратил внимание на повсеместно распространенный здесь культ животных. Вот что он об этом рассказывает:

«Некоторым животным египтяне воздают особые почести, например кошкам, ихневмонам, ибисам, волкам, крокодилам и многим другим. Они чтут их не только живых, но и мертвых, посвящают им участки земли, доходы с которых идут на содержание и уход за этими животными. В случае болезни ребенка египтяне дают обет, что после выздоровления обстригут у ребенка волосы и пожертвуют богам столько золота или серебра, сколько они весят. Эти деньги поступают в распоряжение попечителей священных животных. Для ястребов мелко рубят мясо, кладут его на открытое место и кричат во весь голос, пока эти птицы не сядут и не начнут клевать. Кошкам же и ихневмонам крошат хлеб в молоко. Другим животным тоже готовят подходящую для них пищу. Попечители священных животных гордятся своим делом, считая его достойной службой богам. Они имеют особые отличительные знаки. Уже издали можно определить, за какими животными они присматривают. Всякий, кто их встретит, падает на землю и бьет поклоны.

Когда какое-либо животное умирает, его, плача и

бия себя в грудь, заворачивают в тонкое полотно и относят для бальзамирования. Их растирают кедровым маслом и другими ароматическими веществами, чтобы уберечь от тления, и хоронят в подземных коридорах. Человек, умышленно убивший какое-нибудь священное животное, карается смертью. За убийство же кота или ибиса, даже если это произойдет случайно, полагается смерть без суда. Виновник обычно бывает растерзан толпой. Страх перед наказанием так велик, что люди, случайно увидев издохшее животное, издали кричат и с плачем уверяют, что они нашли его мертвым.

А вот пример, который показывает, как глубоко укоренилась вера в неприкосновенность животных и какими жестокими методами добиваются их почитания. Когда Птолемей еще не был объявлен союзником и другом римского народа и египтяне старались всячески угождать приезжавшим из Италии и не подавать поводов к недовольству или войне, случилось так, что некий римлянин убил кота. Вокруг его дома сейчас же собралась толпа. Ни просьбы посланных царем сановников, ни всеобщий страх перед Римом не спасли виновного от кары, хотя он убил кота не намеренно». «И это,— добавляет Диодор,— я не от других слышал, а видел своими глазами во время путешествия по Египту»³⁴.

Однако, несмотря на убийство священного кота и расправу над его убийцей, война с Римом не вспыхнула. Наоборот, вопреки всяким ожиданиям наступил внезапный перелом в римской политике по отношению к Египту.

Триумвиры и Египет

Летом 60 года в Александрию пришла весть, которая поразила всех: одним из двух консулов на следующий, 59 год был избран Цезарь! Не оставалось, по-видимому, никакой надежды на то, что Птолемей будет признан законным царем Египта. Все прежние действия Цезаря говорили о том, что, получив консульство, он сразу же постарается превратить Египет в провинцию римского государства. Надежда на то, что оптиматы сумеют воспрепятствовать этому, была очень слаба.

Человеком вялым и неэнергичным. А постоянный противник Красса и Цезаря — Помпей, разочаровавшись в оптиматах и сенате, вел себя необычайно сдержанно. Лишь в 59 году, уже во время консульства Цезаря, стало ясно, что Помпей, Красс и Цезарь заключили тайный договор с целью не допускать никаких государственных мероприятий, неугодных кому-либо из них. Это соглашение известно в истории как «Первый триумвират».

Едва вступив в должность, Цезарь представил на рассмотрение проект земельного закона, который по существу являлся повторением законопроекта Рулла. Правда, было одно существенное отличие: в законопроекте Цезаря даже косвенно не упоминалось о Египте и завещании царя. Несмотря на бурные протесты Марка Бибула и части сенаторов, закон приняли. Это было первым конкретным доказательством существования триумвирата и демонстрацией его могущества. Никто в Риме не мог противостоять объединенным усилиям и давлению этих трех политиков. Обе партии — популяры и оптиматы — проявили полную беспомощность. Лишь у немногих хватило гражданского мужества, чтобы открыто и настойчиво отстаивать свои прежние позиции. К числу этих смельчаков относился молодой Марк Катон.

Вскоре, ранней весной 59 года, стало понятно, почему в новом земельном законе ничего не говорилось о Египте. Цезарь выступил в сенате и народном собрании с предложением признать Птолемея XII царем Египта, а также союзником и другом римского народа. Обосновывая свое предложение, Цезарь напомнил о помощи, которую царь оказал армии Помпея во время войны в Иудее. О завещании Птолемея XI теперь уже никто не вспоминал. Предложение Цезаря было принято, а текст римско-египетского соглашения торжественно положен в архив на Капитолии. Всему этому еще предстояло сыграть известную роль через одиннадцать лет, когда Цезарь прибыл в Александрию и встретился с Клеопатрой.

Так Птолемей Авлет получил наконец то, чего он безуспешно добивался двадцать лет, и сделал это человек, который совсем недавно чуть не отнял у него все. Как могла возникнуть столь парадоксальная ситуация? Правильнее было бы, пожалуй, спросить, чего это сто-

ило. В Риме об этом говорили открыто: Птолемей уплатил, или пообещал уплатить, большие деньги — шесть тысяч талантов, то есть сумму, равную годовому доходу от своего царства. Часть этих денег Цезарь должен был передать Помпею, но и то, что оставалось на его долю, составляло огромное состояние. Благодаря награбленному в Дальней Испании, где он был наместником в 61 году, Цезарь уже рассчитался со своими прежними долгами. Полученное от царя состояние он собирался использовать таким образом, чтобы оно принесло новые плоды.

Что же касается Птолемея, то этот расход оказался для него непосильным. В его казне, по-видимому, не было никаких запасов. Слишком дорого стоили подарки Помпею и содержание его конницы. И поэтому сейчас, чтобы удовлетворить аппетит Цезаря, царь вынужден был взять ссуду. Самыми богатыми ростовщиками тогдашнего мира были римские дельцы. Путем нещадных поборов с населения провинций они сколачивали огромные состояния. Кредит правителю Египта открыл один из римских миллионеров, Рабирий Постум, считавший, что совершает выгодную сделку: при помощи его денег Птолемей получит признание своих прав на трон и, таким образом, станет платежеспособным. А минимальный риск будет щедро вознагражден за счет процента от ссуды, кстати чрезвычайно высокого. Итак, затруднения египетского царя обогатили не только триумвиров.

Впрочем, следует признать, что Цезарь не был мелочен в денежных делах. Получив свою долю, он давал поживиться и другим. Особенно он хотел привлечь на свою сторону Цицерона.

До сих пор, как мы помним, Цезарь и Цицерон относились друг к другу неприязненно. В 65 году Цицерон выступал против законопроекта Красса и Цезаря, стремившихся превратить Египет в римскую провинцию. В 63 году, став консулом, он выступил с резкой критикой аграрного законопроекта Рулла и в конце концов провалил его. В том же 63 году, когда был раскрыт второй заговор Катилины, Цицерон активнейшим образом способствовал казни катилинариев, а ведь ни для кого не было секретом, что Цезарь и Красс по-прежнему принадлежат к числу тайных сторонников заговора.

Несмотря на все это, теперь Цезарь протянул Цице-

рону руку дружбы. Он уважал Цицерона как человека большого ума и таланта. Не упускал он из виду и его влияние в сенате. Цицерону намекнули, что он мог бы отправиться в Египет в качестве посла, чтобы официально сообщить царю радостную весть. Такое посольство было не только почетным, но и доходным, потому что, согласно обычаю, цари осыпали добрых вестников щедрыми подарками. Цицерон серьезно размышлял над этим предложением, но принять его ему помешали соображения этического порядка. Он так писал своему другу Аттику:

«Право, я жажду и уже давно жажду посетить Александрию и остальную часть Египта и заодно уехать отсюда, где я наскучил людям, с тем, чтобы возвратиться, когда мое возвращение станет желанным. Но в то время когда посылают эти люди³⁵,

Стыд мне пред каждым троянцем и длинноодежной троянкой³⁶.

Что же будут говорить наши оптиматы, если они еще есть? Не скажут ли они, что я отказался от своих взглядов под влиянием какого-нибудь вознаграждения?

Первый Полидамас на меня укоризну положит³⁷,

наш знаменитый Катон, который в моих глазах один стоит ста тысяч. Что скажет обо мне история через шестьсот лет? Право, я боюсь этого много более, чем пересудов современников»³⁸.

В конце концов Цицерон не только не поехал в Египет, но и отказался от всех других почетных и доходных поручений Цезаря в различных провинциях. Цицерон поступил весьма неосмотрительно — таков суд истории через два тысячелетия.

Исида в Риме

Габиний и Пизон, то есть оба консула, вступившие в должность после Цезаря и Бибула, были тесно связаны с триумвирами. Они должны были следить, чтобы в государстве и дальше все делалось согласно воле этих трех политических деятелей. Авл Габиний уже давно был одним из близких друзей Помпея, а на дочери Пи-

зона — Кальпурнии несколько месяцев назад женился Цезарь.

1 января 58 года, когда вновь избранные консулы, по обычаю, совершали жертвоприношения ради благополучия республики и успешного выполнения своих обязанностей, в городе внезапно вспыхнули волнения. На Капитолий, к алтарю, где консулы и жрецы убивали жертвенных животных, чтобы по их внутренностям разгадать волю богов, сбежались толпы простонародья. Крича и угрожая, они требовали, чтобы на Капитолии были восстановлены алтари египетских богов Исида и Сераписа, незадолго до того разрушенные по распоряжению сената. В какой-то момент казалось, что торжественную церемонию придется прервать. Но консулы не отступили. Особенно тверд был Габиний.

Это происшествие ясно показало, что египетские верования с каждым годом приобретают среди римлян все больше приверженцев. Симптомы этого можно было обнаружить уже давно, несколько десятков лет назад. Так, на монетах, отчеканенных на римском монетном дворе, наряду с основными, официальными изображениями то и дело появлялись маленькие изящные символы: цветок лотоса, скорпион, крокодил, пирамиды. Особенно много подобных монет относится к периоду диктатуры Суллы. На монетах этого времени можно увидеть сistr³⁹ (священный музыкальный инструмент Исида, похожий на погремушку), крокодила, гиппопотама и другие изображения, связанные с Египтом. Все это говорило о том, что на огромном государственном монетном дворе, где работали тысячи людей, рабов и свободных, было много почитателей египетской богини, стремившихся к распространению ее культа. А сколько было приверженцев Исида среди слуг в частных домах, торговцев, писцов, ремесленников!

Исида «прибыла» в Италию с берегов Нила благодаря широким политическим и торговым контактам обоих государств; ее путь лежал, несомненно, через Грецию и Южную Италию. Почитание Исида было распространено главным образом среди низших слоев населения. Для этого было две причины. Прежде всего, на воображение, особенно женское, действовала экзотика обрядов, а во-вторых, участие в церемониях и мистериях давало надежду на достижение вечной жизни

в стране Запада, где царствует воскресший владыка мертвых Осирис, предательски убитый Сетом и оплакиваемый Исидой.

Греческие гимны, в большом количестве сохранившиеся во многих странах, красноречиво свидетельствуют о том, чем была Исида для своих приверженцев, какие ей приписывались заслуги и могущество. Как правило, такие гимны — это парафразы египетских оригиналов. Вот содержание гимна, обнаруженного в притворе одного из храмов в Фаюмском оазисе. Он относится ко времени правления Птолемея Авлета или Клеопатры.

«Дарительница богатств, царица богов, всемогущая, счастливая судьбой, Исида, великая именем, создавшая все сущее! Ты подумала обо всем, чтобы дать людям жизнь и мир. Ты установила законы, чтобы царил порядок, изобрела искусства, чтобы жизнь была хороша. Ты создала прекрасный цвет всех плодов. Благодаря Тебе существуют небо и земля, веяние ветров и сладкие лучи солнца. Благодаря Твоему могуществу осенней порой волны Нила выходят из берегов и кипящая вода заливает все вокруг, чтобы было вдоволь плодов. Все народы, какие живут на бескрайней земле, — эллины, фракийцы, варвары — все прославляют Твое прекрасное благое имя, хотя на родном языке каждый зовет Тебя по-своему:

Сирийцы и лидийцы призывают Тебя как Астарту, Артемиду, Анаию, Лето; фракийцы как Мать богов; эллины как Геру и Афродиту, как добрую Гестию, как Рею и Деметру; египтяне же как Единую, ибо все эти богини, с такими разными именами, Ты Единая.

Госпожа, не перестану прославлять Твое могущество, бессмертная избавительница, носящая много имен, благая Исида, охраняющая от войн города и людей. Все, ожидающие смерти в тюрьме, жестоко без сна страждущие, плывущие по морю во время страшной бури, когда гибнут люди и тонут корабли, — все обретут спасение, моля Тебя, чтобы Ты пришла на помощь. Внемли моим молитвам, Госпожа великого имени, окажи свое милосердие, избавь от печалей!»⁴⁰

Второй гимн, относящийся к более позднему времени, сохранился в виде надписи, найденной на острове Иос. Он представляет собой монотонную литанию.

«Я Исида, госпожа всей земли. Я дала людям законы и правила, которых никто не может изменить. Я старшая дочь Хроноса. Я жена и сестра царя Осириса. Я звезда в созвездии божественного Пса. Для меня построен город Бубаст. Я отделила землю от океана. Я указала путь звездам, солнцу и луне. Я изобрела мореплавание. Я дала правосудию силу. Я соединила мужчину с женщиной. Я сделала так, что женщины носят плод до десятого месяца. Благодаря мне дети любят родителей. Я караю тех, кто не чтит отца и мать. Вместе с братом моим Осирисом я положила конец людоедству. Я показала людям мистерии. Я научила людей создавать изображения богов. Я установила божьи храмы. Я свергла тиранов. От меня произошла любовь мужчин к женщинам. Благодаря мне правосудие сильнее золота и серебра, а правда прекрасна. Я создала супружеские союзы».

Нет никакого сомнения, что точно такие же гимны и литании произносились и во время молебствий в Риме.

Согласно традиции, которая в течение веков поддерживалась сторонниками Исиды на берегах Тибра, первая религиозная община, поклонявшаяся этой богине, возникла в столице римской державы во времена Суллы. Возможно, что какую-то роль в ее организации сыграл Птолемей XI.

Римские власти весьма враждебно относились к распространению культа, который находил приверженцев главным образом среди простонародья и рабов. Пытаясь расправиться с Исидой, римские администраторы уничтожали ее алтари. Но, как показали события последующих лет, это ни к чему не привело. Так, в 53 году сенат, уже не в первый раз, постановил разрушить не только храмы Исиды в Риме, но даже и частные молельни. Через три года, в 50 году, решили уничтожить храм Исиды и Сераписа. Однако ни один ремесленник не захотел приложить руку к этому злостному делу. Тогда сам консул, Эмилий Павел, схватил топор и первым вбил его в стену храма.

Но и разрушение храмов ничего не дало. Превращенные в развалины культовые здания отстраивались заново. Исида была сильнее консулов. Как мы увидим, она была способна даже мстить им.

Тот же 58 год, который начался в Риме грозным возмущением приверженцев египетской богини, в самом Египте изобиловал чрезвычайными событиями.

Проблема Кипра

Летом 58 года, через несколько месяцев после того как Птолемей наконец добился успеха и был признан Римом, он утратил свое царство. Авлет стал правителем без земли и подданных. Как это могло случиться?

На протяжении более чем двадцати лет Птолемей XII исходил в своей политике из того, что его судьба зависит от милости Рима. Чтобы иметь средства для приобретения благосклонности властителей мира, он все более жестоко грабил население своей страны. Лишь к жрецам и храмам он был милостив и раздавал им привилегии, надеясь, что это косвенным образом повлияет и на отношение к нему народа. Но такие поступки царя, как помощь римлянам во время войны с Иудеей, казались недостойными всем жителям Египта — как грекам и иудеям, так и коренному населению. В народе все еще жило убеждение, что страна на Ниле — это великая держава, которая имеет право не только на полную независимость, но и на господство над соседними землями, некогда находившимися под властью фараонов и еще совсем недавно зависевшими от первых Птолемеев.

Катастрофа произошла весной 58 года, когда александрийцам стало известно о судьбе Кипрского царства. Кипр издавна входил в состав монархии Птолемеев. В 80 году, когда Птолемея XII призвали на египетский трон, Кипр был отдан его младшему брату, носившему то же имя — Птолемей. Однако злополучное завещание Птолемея XI касалось не только Египта, но и Кипра. В течение двадцати лет Авлет добивался того, чтобы Рим признал его законным царем Египта, но он никогда не поднимал вопроса о своем брате. Делалось это, конечно, из эгоистических побуждений. Заговорить еще и о Кипре значило бы усложнить свои собственные дела. И в 59 году, купив у Цезаря признание и титул союзника и друга римского народа, он не потребовал, чтобы в договоре был хоть словом упомянут Кипр. Так Птолемей предоставил брата его собственной судьбе.

Между тем в первые месяцы 58 года народный трибун Клодий добился принятия закона, согласно которому Кипр включался в состав Римской державы в качестве новой провинции; личное имущество кипрского царя передавалось в казну республики и должно было пойти на покупку земли для наделения безземельных крестьян. Этот законопроект был, безусловно, подготовлен с ведома триумвиров, и в особенности Цезаря. Таким способом Цезарь хотел заставить людей забыть, что год назад, добившись признания Птолемея XII, он изменил своей прежней политике. И Клодием отчасти руководили личные соображения. Девять лет назад, в 67 году, на Востоке, он попал в плен к пиратам, которые потребовали большого выкупа. Когда Клодий обратился за помощью к царю Кипра, тот предложил ему... 2 таланта. Если бы не флот Помпея, он бы погиб.

Оптиматы резко обрушились на законопроект Клодия. Они говорили, что совершается несправедливость по отношению к царю Кипра, который, как и его предки, был верным союзником Рима. А теперь он ни за что ни про что будет лишен всего своего достояния и чуть ли не выставлен на продажу вместе с порфирой, скипетром и диадемой!

Однако протесты оптиматов ни к чему не привели. Сторонники Клодия утверждали, что царь Кипра не является истинным другом Рима и что он якобы поддерживает врагов республики и пиратов. Все это невозможно было ни доказать, ни опровергнуть. Озлобленный Клодий добился также того, что привести в исполнение закон о Кипре народное собрание поручило одному из столпов партии оптиматов, ярому противнику захвата острова, Марку Катону. Как ни протестовал Катон, в конце концов ему пришлось уступить воле народа. То, что столь почетная внешне миссия была поручена именно ему, аргументировалось так: Катон — единственный человек, который может гарантировать сохранность кипрских сокровищ и доставку их в Рим! Это была блестящая характеристика Катона, но как выглядели прочие римские государственные деятели! Коррупция и цинизм достигли в Риме такой степени, что подобного рода заявления воспринимались вполне серьезно.

Отъезд Катона из Рима весной 58 года был ударом

для оптиматов, тем более чувствительным, что незадолго до этого — 20 марта — столицу покинул еще один выдающийся сенатор — Цицерон. На этот раз Цицерону не была предложена официальная миссия. Он бежал из Рима, потому что ему грозила смертельная опасность. И виной этому был опять-таки Клодий, представивший законопроект, по которому «лишался огня и воды», то есть подлежал изгнанию, всякий, кто без суда казнил римских граждан. Всем было ясно, что законопроект Клодия направлен в первую очередь против Цицерона, который в 63 году добился в сенате казни катилинариев. Как же, должно быть, сожалел великий оратор о том, что несколько месяцев назад отказался принять предложение Цезаря и не поехал в Египет!

В конце марта уехал из Италии и Цезарь. Ему предстояло в течение пяти лет быть наместником двух провинций, расположенных на территории современной Северной Италии и Южной Франции, — Цисальпийской и Трансальпийской Галлии. В дальнейшем он собирался захватить всю Галлию, простиравшуюся от Атлантического океана до Рейна. Полученные от египетского царя деньги играли определенную роль в этих планах. Они должны были быть использованы для финансирования военной кампании. Так судьбы столь отдаленных друг от друга народов, как египтяне и галлы, оказались связанными между собой.

Что касается Катона, то он не поехал прямо на Кипр, а задержался на острове Родос и оттуда повел переговоры с незадачливым кипрским царем. Прежде всего он постарался убедить его не оказывать римлянам вооруженного сопротивления. Обезопасить себя Катону было необходимо, так как его сопровождали только чиновники для поручений. Уполномоченный Рима пообещал царю, что, если не произойдет никаких эксцессов, он назначит его жрецом в храме Афродиты в кипрском городе Пафосе. Потрясенный и униженный царь, разумеется, отказался от столь сомнительной чести. Сначала он хотел лишить римлян добычи, на которую те рассчитывали, — он собирался погрузить на корабли все свое имущество и утопить его в море, но потом отказался от этого плана, опасаясь, что взбешенные римляне возместят ущерб за счет жителей острова, то есть отнимут их имущество, а людей продадут работорговцам.

У царя осталась единственная форма протеста — смерть. И он покончил с собой, выпив яд. Так ушел из жизни последний правитель Кипра из династии, которая царствовала на острове более двухсот лет.

Вскоре после описанных событий, летом того же 58 года, на Родос, где по-прежнему находилась резиденция Катона, пришел корабль из Александрии. На его борту находился Птолемей Авлет, родной брат трагически погибшего царя. Он прибыл на Родос отнюдь не для того, чтобы хоть с опозданием, но вмешаться в кипрские дела. Птолемей XII вынужден был бежать из своей страны, потому что его подданные откликнулись на кипрские события более решительно и достойно, чем царь.

Советы Катона

Едва высадившись на острове, Птолемей отправил к Катону посольного с просьбой, чтобы наместник соизволил посетить его. Так подобало поступать монарху. Царь — даже если он лишен своего царства — это все-таки царь, наместник же всего лишь чиновник, а в данном случае даже не слишком высокого ранга. Но Катон ответил, что он не может выйти из дома, потому что принял слабительное, и, если у царя к нему срочное дело, он охотно примет его у себя.

Волей-неволей Птолемею пришлось самому отправиться в дом наместника. Здесь его ждало еще одно унижение: Катон не соизволил даже выйти к нему на встречу. Когда царь появился в дверях его комнаты, римлянин преспокойно продолжал сидеть и любезно приветствовал его, так, словно перед ним был кто-нибудь из его добрых знакомых. Гость был вне себя. Неучтивость Катона потрясла его. Вместе с тем он не мог не отметить и то, с каким достоинством тот держался.

В беседе с Катоном Птолемей не скрывал своих планов на будущее. Но о причинах, которые побудили его покинуть свою столицу, говорил весьма туманно. Ведь в Александрии не было открытого восстания против царя. Конечно, народ был возбужден, бурно протестовал против захвата римлянами Кипра и требовал, чтобы царь добивался возвращения этого острова — исконной и не-

отъемлемой части монархии. В случае, если римские власти откажутся признать исторические права Египта на Кипр, александрийцы хотели расторгнуть заключенный год назад договор о дружбе.

Птолемей говорил об этом с истинно благородным негодованием. Разве может такая слабая страна, как Египет, самовольно расторгнуть союзнический договор? Какое бесстыдство! Что за безумие! Легко можно себе представить, какой была бы реакция державы-союзника! Царю Египта пришлось бы разделить судьбу своего брата на Кипре. Он, Птолемей, никогда не допустит этого! Двадцать лет он добивался заключения договора, а теперь должен губить дело всей своей жизни! Да еще под давлением простонародья и тайных организаций! Ни в коем случае! Именно поэтому он и покинул свою столицу. Его жизни, правда, не угрожала непосредственная опасность, но он должен показать черни, кто в действительности правит страной. Конечно, он вернется, но только в сопровождении римских войск. Пусть все увидят, что служит истинной опорой его власти!

Не трудно догадаться, что подоплекой этих туманных рассуждений была самая обычная трусость. Авлет слишком хорошо помнил о судьбе своего предшественника, растерзанного народом Александрии. Поэтому при первых же признаках беспорядков он бежал.

К изумлению царя, Катон не одобрил его действий. Наместник сказал ему приблизительно следующее:

— Какое легкомыслие — бросать спокойную жизнь! Царь, видимо, не отдает себе отчета в том, что его ждет сейчас, какие потребуются усилия, старания, расходы; потому что, если он действительно хочет получить помощь от Рима, он должен привлечь на свою сторону влиятельных людей. А на это не хватит денег, даже если продать весь Египет. Мысль о поездке в Рим нужно оставить. Самое разумное, что можно сделать сейчас, это отправиться обратно в Александрию и каким-то образом договориться со своими подданными. В этом случае он, Катон, готов служить посредником.

Царь, казалось, признал правоту Катона, но, расставшись с ним, он, очевидно под влиянием своих друзей, переменял решение. Корабль Птолемея ушел с Родоса, но не направился в Александрию, а взял курс на запад, в Италию.

Серапис

Насыщенный политическими событиями в жизни Рима и Александрии 58 год был важным этапом и в судьбе верховного жреца в Мемфисе — Пшерени-Птаха. Это был год, когда он женился на четырнадцатилетней Та-Имхотеп.

Коль скоро мы вспомнили о Мемфисе, будет уместно объяснить имя, которое уже появлялось в нашем повествовании. Речь идет о Сераписе. Как мы помним, в начале 58 года, в связи с разрушением алтарей Сераписа и Исиды, в Риме вспыхнули волнения. Об Исиде пишется и говорится достаточно много, что же касается Сераписа, то культ этого бога и его сущность известны менее широко.

Умерший бык Апис, как мы уже говорили, отождествлялся с богом Осирисом. Его труп бальзамировали и укладывали на вечный покой в одном из коридоров подземного кладбища, которое находилось не по соседству с храмом и даже не в самом Мемфисе, а в пустыне, к западу от города, в некотором отдалении от возделываемых полей. Первые такие катакомбы, как мы бы их сейчас назвали, возникли при фараонах в XIV веке до н. э., а может быть, и раньше. В более позднее время здесь был возведен храм, посвященный Осирису-Апису, то есть единой сущности всех умерших священных быков. В конце IV века до н. э. культ этого божества переняли греки. Первоначально они называли его Озорарисом, а позднее в эллинском мире распространилась другая форма того же имени — Сарапис или Серапис.

Культ этого бога приобрел особое значение при Птолемеях I, основателе династии. Царь хотел, чтобы Серапис стал общим богом для обоих народов, населявших его монархию, — для греков и для египтян. Этот культ должен был сплотить страну и стать символом ее единства. О том, почему выбор пал именно на Сераписа, мы можем только догадываться. Но то, что главным для Птолемея была политика, а религия служила интересам государства, не подлежит сомнению. Царь следовал примеру Александра Великого, воздавшего почести быку Апису. Той же политики придерживались и потомки Птолемея I, подобно фараонам короновавшиеся в Мемфисе.

Для того чтобы греки могли принять культ Сераписа, представление о нем должно было несколько измениться. Его уже не связывали со священным быком, а стали изображать в виде молодого бородатого мужчины. В обрядах и богослужениях Сераписа объединяли со многими эллинскими богами: с отцом богов и людей Зевсом, с повелителем подземного царства Плутоном, с добрым врачом Асклепием, с побеждающим смерть Дионисом. В мемфисском святилище Сераписа поклонялись не только ему, но и ряду других богов: Исиде, Имхотепу (греческому Асклепию), Хатхор-Астарте (греческой Афродите) и многим другим.

На протяжении веков в Серапейон тянулись паломники. Они приносили жертвы богам и их спутникам, просили их во время сна возвестить свою волю и подать совет, молили о покровительстве или выздоровлении. Иногда верующие давали обеты и поселялись здесь в качестве добровольных узников — служителей бога наподобие позднейших христианских монахов. Среди пестрого разноязычного скопления людей не было недостатка в разного рода обманщиках: толкователях снов, самозванных лекарях, фокусниках и шарлатанах. Торговцы и ремесленники разбивали здесь палатки, к услугам приезжих были харчевни и ночлежные дома. Жрецы сами не смогли бы поддержать порядок в этом разношерстном сборище людей. Поэтому неподалеку находился пост стражников. Он был расположен на границе между пустыней и возделываемыми полями, в храме Анубиса, бога с собачьей головой, считавшегося сторожем кладбищ. Отсюда до Серапейона вела аллея более километра длиной. По обеим ее сторонам стояли огромные каменные сфинксы — свыше четырехсот! Но ко времени царствования Клеопатры большинство из них было уже почти полностью засыпано песком.

У мемфисского Серапейона был опасный конкурент — обширный и великолепный храм Сераписа в Александрии. Храм этот был построен еще при первых Птолемеях. Именно отсюда культ Сераписа распространился по многим странам, в том числе и очень отдаленным. Сераписа всегда сопровождала Исида, поэтому на Капитолии стояли алтари обоих этих богов.

Поначалу в Риме все складывалось благоприятно для Авлета. Царя без царства взял под свое покровительство сам Помпей. Он отдал в распоряжение Птолемея свою виллу, расположенную немного южнее города, на Альбанском озере. Очень скоро нашлись ростовщики, готовые ссудить царя деньгами, которые нужны были ему как на содержание двора, так и на подкуп сенаторов. Необходимо было привлечь на свою сторону как можно больше влиятельных людей. Легкость, с которой царь получил почти неограниченный кредит, была хорошим предзнаменованием. Если бы не было надежды на то, что сенат согласится помочь Птолемею, ни один ростовщик не рискнул бы вложить в это предприятие ни сестерция. А чем больше деловых людей давало деньги Птолемею, тем сильнее становился нажим на сенаторов. Одним из самых щедрых заимодавцев был Рабирий Постум, и прежде оказывавший царю важные услуги.

Монарх уверенно смотрел в будущее. Советы Катона он вспоминал разве лишь для того, чтобы посмеяться над почтенным мудрецом. Но если бы он получше разобрался в политической ситуации в Риме, то почувствовал бы тревогу. Во-первых, его гостеприимный хозяин, Помпей, уже не был в Риме так всемогущ, как прежде. Союз его с Крассом и Цезарем распался, и Помпей стал объектом яростных нападок со стороны народного трибуна Клодия. Он так боялся вооруженных банд своего врага, что в течение многих месяцев почти совсем не выходил из дома. Клодий, несомненно, действовал по наущению Красса или Цезаря, а может быть, их обоих. Но Цицерону разногласия между триумвирами принесли большую пользу. В 57 году народное собрание по инициативе Помпея и консула этого года Лентула, стремившихся досадить Клодию, разрешило Цицерону вернуться в Рим.

В такой ситуации Помпей охотно взял бы на себя какое-нибудь важное поручение и уехал бы из столицы, чтобы вновь завоевать славу и богатство. Миссия в Египет открывала прекрасные возможности, тем более что с военной точки зрения поход в Александрию не представлял никаких трудностей. В то время ходили слухи, будто доверенные лица Помпея в Александрии специ-

ально уговорили царя уехать из Египта, потому что полководец якобы был уверен, что именно ему поручат восстановить Птолемея на троне.

Однако самоуверенный и гордый Помпей не стал открыто добиваться этого поручения. Он рассчитывал, что сенат сам обратится к нему с просьбой принять на себя эту миссию. Между тем очень скоро обнаружилось, что Египет представляет лакомый кусок для многих, в том числе для самого консула 57 года Лентула. Ему-то летом того же года сенат и поручил оказать помощь Птолемею. Осуществить это предстояло через несколько месяцев, после того как Лентул станет наместником Киликии. Хотя Помпей выступил в поддержку Лентула, но втайне, через своих друзей, он добивался отмены этого постановления.

Между тем новое событие еще более усложнило и без того трудное положение. В Италию прибыли послы из Александрии.

Убийства из-за угла

Когда Птолемей уезжал из Александрии, старшей из его детей, царевне Беренике, было около двадцати лет, а Клеопатре — всего одиннадцать (она родилась в 69 году). Третья дочь, Арсиноя, была еще моложе. Старший из сыновей Птолемея — оба сына носили его имя — родился в 61 году, а младший, вероятно, в 58-м.

Внезапное бегство царя вызвало у населения столицы крайнее беспокойство. Некоторое время никто не знал, каковы судьба и дальнейшие намерения монарха. Тревожная обстановка в стране вызвала волнения в некоторых областях. Около города Гераклеополя крестьяне, измученные произволом чиновников, а возможно, и грабежами разбойников, грозили бросить работу и уйти со своих мест.

Когда наконец выяснилось, что царь находится в Италии, его намерения стали понятны: Авлет хочет вернуться при помощи римлян, чтобы и дальше властвовать, не считаясь со своими подданными. Его противники в Александрии решили помешать этим планам. Они свергли Птолемея с престола и провозгласили ца-

рицей Беренику. Теперь нужно было сорвать мероприятия царя в Риме и открыть глаза римлянам на положение в Египте. В Риме должны были понять, что царь ненавистен своим подданным, потому что он обирает их и притесняет, и что Египет сохранит лояльность по отношению к республике, если Рим не будет вмешиваться в его внутренние дела.

Катон предостерегал Птолемея, что он поступает легкомысленно, надеясь на помощь римлян, ибо никаких сокровищ не хватит, чтобы удовлетворить их алчность. Но что бы он сказал сейчас о наивности alexandрийцев! Из Александрии в Рим было направлено посольство, насчитывавшее более ста человек, представителей различных социальных групп и политических партий. Депутацией руководил философ Дион. Александрийцы, по-видимому, рассчитывали, что их послы благодаря своему красноречию, достоинству и дельности аргументаций убедят римский сенат и народ в своей правоте. Это свидетельствовало о недопустимой неопытности и полном непонимании обстановки в Риме. Урок, полученный послами, был жестоким.

Корабль из Александрии бросил якорь в порту Путеолы в Неаполитанском заливе. Это были главные во-
рота, связывавшие Рим со странами Востока. Едва ступив на берег, послы попали в руки наемных убийц, оплаченных царем и его кредиторами. Последние помогали Птолемею не за страх, а за совесть. Ведь если бы царь лишился трона, им пришлось бы попрощаться со своими деньгами! Множество alexandрийцев было убито в порту, по пути в Рим и в самом городе. Часть послов, испугавшись, вернулась на родину, а некоторых царю удалось подкупить. Труднее всего было справиться с Дионом, который отличался мужеством и смекалкой. Философ поселился у двух братьев, которые прежде, в Александрии, были его учениками, и какое-то время ловко избегал всевозможных ловушек.

Вся эта история получила широкую огласку, хотя перепуганные послы не только не приступили к осуществлению своей политической миссии, но даже не осмелились потребовать у властей проведения расследования по делу об убийствах. Однако один из народных трибунов решил воспользоваться этим преступлением как поводом для разоблачения бездарности и продажно-

сти сенаторов. В качестве свидетеля был вызван Дион. Но философу не удалось даже проникнуть в дом, где проходили заседания. Вскоре и он был убит.

В 56 году состоялись два судебных процесса по делу об убийстве Диона, на которых в качестве защитника выступал Цицерон. Оба процесса закончились оправданием подсудимых. Особенно интересным был второй процесс, имевший широкую политическую и нравственную подоплеку. Перед судом предстал Целий, бывший любовник Клодии, сестры знаменитого народного трибуна Клодия, который в 58 году добился изгнания Цицерона, а позднее враждовал с Помпеем. Клодия славилась красотой и распушенностью. Долгие годы в нее был страстно влюблен поэт Катулл. Этой женщине, считавшейся чуть ли не проституткой, он посвятил самые прекрасные любовные стихи, какие когда-либо были написаны на латинском языке. Когда Целий покинул ее, Клодия поклялась отомстить. Подкупленные ею люди выдвинули против него обвинение следующего содержания: Целий якобы взял взаймы у Клодий большую сумму денег и подкупил раба в доме, где жил Дион. Этот раб убил философа. По их словам, Целий соби-
рался позднее отравить и Клодию.

Цицерон без труда доказал, что это обвинение вымышлено и не имеет под собой никаких оснований. Он во всеуслышание заявил перед судебным трибуналом:

— Человек, который действительно виновен в смерти Диона, не только не боится последствий своего преступления, но даже признаётся в нем — потому что это царь!

Но и царю пришлось посчитаться с общественным мнением. Именно поэтому во время судебных процессов его не было в Риме. В конце 57 года Авлет уехал в Малую Азию и обосновался в знаменитом храме Артемиды в Эфесе. Этот храм с незапамятных времен пользовался правом убежища. Правитель, который так щедро надеялся этим правом святилища в своей стране, сейчас должен был смиренно воспользоваться им на чужбине.

Храм в Эдфу

В то же самое время, в конце 57 года, в Верхнем Египте, в долине Нила, состоялся большой религиозный праздник — было завершено строительство храма Гора

в Эдфу. Сын Исиды и Осириса, изображавшийся в виде сокола над крылатым солнечным диском, победитель Сета, Гор испокон веков был символом единства страны и царской власти. Более того, царствующий монарх считался плотской оболочкой души этого бога и именовался «живым Гором».

Строительство храма в Эдфу было начато в 237 году до н. э. и продолжалось около двухсот лет. Все цари из династии Птолемеев старались внести свою лепту в строительство и украшение этого храма. Огромный комплекс зданий с каждым годом расширялся и становился все более пышным. Храм в целом и отдельные детали были строго выдержаны в египетском стиле. Не зная истории строительства этого храма, почти невозможно догадаться, что он воздвигался в эпоху, когда Египтом правили чужеземцы. Все сооружение носит единый архаический характер, без сколько-нибудь заметных греческих наслоений. Египетскими являются не только основные элементы архитектуры: пилоны, толстые стены, массивные колонны, но и декоративные детали: росписи, надписи. Получается парадокс: храм в Эдфу, один из наиболее хорошо сохранившихся памятников древнеегипетского стиля, обязан своим возникновением династии чужеземных завоевателей.

Окончание работ в Эдфу было ознаменовано церемонией «прикрепления» отделанных бронзой ворот из кедрового дерева. Украшался же храм еще многие годы после этого.

Чтобы увековечить память о столь важном событии, у входа в храм, на пилонах, была высечена надпись — ее можно прочесть и сейчас, — которая гласила, что храм закончен в первый день месяца хойак (5 декабря), на двадцатом году царствования Птолемея, Нового Диониса, и его сестры, Клеопатры Трифены. Фактически же в это время в Египте царствовала Береника. А Птолемея вовсе не было в стране. Как можно датировать такую надпись? Вопрос решается очень просто: руководившие окончанием строительства жрецы попросту игнорировали то, что произошло в Александрии. Для них законным правителем по-прежнему был Птолемей XII. (Впрочем, жрецы могли спокойно сделать любую надпись, потому что тайной иероглифов владели лишь немногие греки.)

Таким образом, политика царя, его непрестанные усилия привлечь на свою сторону жрецов принесли хотя бы такие плоды.

Мужья Береники

Между тем александрийцы прилагали все усилия, чтобы укрепить положение своей царицы. Традиция не допускала, чтобы женщина в Египте царствовала одна. Нужно было найти для Береники мужа, притом непременно царевича, в жилах которого текла бы кровь Птолемеев. Этого требовало чувство верности династии, все еще жившее в высших слоях общества.

Прежде всего обратились к сирийскому царевичу Антиоху, тому самому, который в 75 году вместе с братом ездил в Рим, где безуспешно добивался египетского трона, а на обратном пути был ограблен наместником Сицилии Верресом. Антиох так и оставался царевичем без владений, потому что Сирия в 64 году превратилась в римскую провинцию. Предложение александрийцев открывало перед Антиохом блестящие перспективы, и он принял его с радостью. Однако ему не было суждено занять трон фараонов и Птолемеев — он внезапно скончался во время приготовлений к отъезду.

Другой кандидат в мужья Береники тоже был найден в Сирии. Он принадлежал к роду Селевкидов и охотно женился бы на Беренике, но наместник провинции, Авл Габиний, запретил ему выезжать за пределы страны. (Габиний — это тот самый консул, который в начале 58 года подавил волнения приверженцев Исиды в Риме.)

Наконец, отыскался и третий — молодой человек, якобы принадлежавший к побочным линиям обоих родов — Селевкидов и Птолемеев. Когда будущего монарха привели во дворец, оказалось, что он ведет себя как простолюдин, что у него манеры базарного торговца. Его сразу окрестили *kybiosaktes*, что значит «торговец соленой рыбой». После, нескольких дней совместной жизни возмущенная Береника приказала его задушить.

Лишь в конце 56 года нашлась подходящая кандидатура. Это был царевич Архелай, отец которого прежде

служил в армии понтийского царя Митридата, а потом перешел на сторону римлян. Благодаря покровительству Помпея Архелай отправлял обязанности верховного жреца Великой Матери богов в одном из храмов в Малой Азии. Но богослужения и забота о храмовом имуществе не давали достаточного выхода энергии и не удовлетворяли честолюбия молодого царевича. Поэтому, узнав, что римляне готовят поход против парфян, он оказался в войске наместника Сирии. Здесь он подружился с молодым начальником конницы Марком Антонием и вступил в переговоры с египетскими посланцами, которые все еще искали супруга для своей царицы. Архелай убедил их, что он сын самого царя Митридата, который, в свою очередь, состоял в родстве с Птолемеями. Таким образом, Архелай удовлетворял необходимым условиям и мог жениться на Беренике.

Узнав об этих переговорах, Габиний взял Архелая под стражу. Правда, вскоре он освободил его. Но почему наместник поступил таким образом? Был ли он подкуплен? Или вел двойную игру? Может быть, он был заинтересован в том, чтобы ситуация в Александрии усложнилась еще больше? Не исключено, что за Архелая вступился тогда Антоний. Во всяком случае бывший верховный жрец прибыл в Александрию, женился на Беренике и разделил с ней египетский трон.

Для Птолемея Авлета, находившегося в храме Артемиды в Эфесе, все это было большим унижением. Что же получалось? Недавний служитель Великой Матери богов сделался египетским царем, а бывшему царю Египта не оставалось ничего иного, как с соизволения римлян стать верховным жрецом Артемиды в Эфесе!

Сивиллины книги

В начале января 56 года произошло событие необычайное и зловещее: молния ударила в статую Юпитера в его храме неподалеку от Рима, на Альбанской горе. Как всегда в подобных случаях, в этом увидели знамение богов. Обратились за толкованием к Сивиллиным книгам. Коллегия жрецов, хранившая Сивиллины книги, нашла в них следующий совет:

«Если египетский царь обратится за помощью, не отказывайте ему в дружбе, но и не давайте войска, ибо подвергнете себя многим трудностям и опасностям».

Совершенно ясно, что устами Сивиллы говорили те группировки, которые относились отрицательно к серьезному вмешательству в дела Египта. Всем было известно, что пророчества — это только прием в борьбе партий, используемый издавна и в различных ситуациях, но всякий, кто решился бы заявить об этом публично, был бы провозглашен безбожником. К тому же большинство сенаторов стремилось оттянуть решение вопроса о Египте.

Дебаты велись без конца, предлагались все новые решения. Лентул, которому несколько месяцев назад поручили восстановить Птолемея на троне, уже уехал в провинцию Киликию в Малой Азии и с нетерпением дожидался окончательного решения. Его доброжелатель Цицерон регулярно посылал ему письма в эту далекую горную страну. Но как бы он этого ни хотел, не мог сообщить ничего утешительного. Насколько запуталась ситуация, как много было разных суждений и сколь яростной стала борьба партий, показывает фрагмент письма Цицерона Лентулу:

«...Гортенсий, Лукулл⁴² и я уступаем требованиям религии в вопросе о войске⁴³, ибо иначе нельзя удерживать положения; но сенат на основании того постановления, которое было принято по твоему предложению, определяет, чтобы царя возвратил ты, что ты можешь сделать с выгодой для государства; хотя религиозные соображения устраняют войско, но сенат оставляет тебя как исполнителя. Красс предлагает назначить трех послов и не исключает Помпея, так как считает, что они должны быть также из тех, кто облечен военной властью. Бибул предлагает назначить трех послов из числа частных лиц. С⁴⁴ним соглашаются прочие консуляры, кроме Сервилия⁴⁵, который вообще утверждает, что возвращать не следует, кроме Волкация, предлагающего — по представлению Лупа — поручить это Помпею, и Афрания, присоединяющегося к Волкацию. Это вызывает подозрения насчет намерений Помпея, ибо было обращено внимание на то, что его друзья согласны с Волкацием. Спорят сильно, решение колеблется. Явная для всех беготня и усилия Либона и Гипсея и рвение

всех друзей Помпея заставили полагать, что он, видимо, жаждет назначения»⁴⁸.

Вскоре и Помпей потерял надежду. Когда обсуждалось предложение о том, чтобы именно он вернул Птолемея на царство, полководец сразу заявил, что для блага республики готов вернуть царя в Александрию без большого войска, поскольку это запрещает оракул. Однако сенат отклонил его предложение и поблагодарил за добрые намерения любезным заявлением:

— Не следует подвергать опасности столь заслуженного человека!

Но вскоре египетская проблема была вытеснена другими событиями: во-первых, скандальным поведением Клодия в Риме и, во-вторых, свиданием триумвиров в городе Луке в апреле 56 года. Цезарь, Красс и Помпей возобновили соглашение 60 года, распределив между собой провинции и высшие должности в государстве. Цезарю был продлен срок управления Галлией, а Помпея и Красса намечалось избрать консулами на 55 год, после чего первый должен был получить в управление Испанию, а второй — Сирию.

Все это не устраивало ни Птолемея в Эфесе, ни его кредиторов в Риме, в особенности Рабирия Постума. На царя были израсходованы огромные средства, а надежды получить их обратно не было пока никакой, потому что долговые обязательства содержали оговорку о том, что долг будет выплачен лишь после восстановления царя на троне.

Со временем, однако, оказалось, что новое соглашение триумвиров, с точки зрения Птолемея, имело и свои положительные стороны. Прежде всего поднялся престиж Помпея. Правда, Помпей, поскольку ему предстояло стать консулом, сейчас не мог отправиться на Восток, но он сумел подтолкнуть это дело иным способом. Он добился того, что Габинию был продлен срок управления Сирией еще на один, 55 год, и убедил его в необходимости заняться Египтом. Переговоры между Габинием и Птолемеем перед стоическим послом, что в Риме, который поручился, что наместник получит от царя в награду за помощь огромную сумму — десять тысяч талантов.

Габиний рисковал многим. Он должен был действовать без постановления сената и вопреки запрещению

Сивиллиных книг. Поэтому не удивительно, что он колебался и медлил. Окончательно убедил его и подтолкнул к решительным действиям военачальник из его штаба Марк Антоний.

Войско Габиния вышло из Сирии в марте 55 года — под предлогом, что сирийскому побережью грозит опасность со стороны флота Береники и Архелая. Говорилось также, что море полно пиратов, которых якобы поддерживают и укрывают нынешние правители Египта.

Марк Антоний

Римляне правильно оценивали боеспособность египетских войск. Они знали, что война с ними не представит особых трудностей, сложнее всего будет добраться до пограничной крепости Пелусий и овладеть ею. Путь к этой крепости от Газы шел вдоль побережья по песчаной и безлюдной местности.

Впереди во главе конницы продвигался Марк Антоний. Он действовал быстро и успешно, в чем была большая заслуга иудейского сановника по имени Антипатр. Антипатр организовал доставку продовольствия и воды, а позднее, когда конница Антония в бездействии стояла у ворот Пелусия, оказал римлянам еще большую услугу: убедил гарнизон, состоявший в основном из иудеев, сдать крепость. Таким образом, ворота Пелусия, а следовательно, и всего Египта оказались открытыми. Правда, гарнизон едва не поплатился за свою капитуляцию жизнью — двигавшийся с главным корпусом римлян Птолемей потребовал поголовного уничтожения всех солдат. Только решительный отпор со стороны Антония вынудил царя отказаться от этого намерения.

В самом Египте римляне продвигались двумя корпусами. Архелай пытался оказать сопротивление. Он приказал всем мужчинам в Александрии рыть укрепления перед стоическим послом, что в Риме, который поручился, что наместник получит от царя в награду за помощь огромную сумму — десять тысяч талантов. Римляне разошлись по своим домам, любезно посоветовав царю поручить это дело кому-нибудь другому. Отдельные отряды и личная охрана остались верны Архелая. Кое-где произошли небольшие стычки. Вскоре Архелай погиб. По поводу его смерти существуют две версии. Согласно одной, царь

попал в руки Габиния и был сразу убит. По другой — он пал на поле боя и по приказу Антония был облачен в царскую порфиру и достойно похоронен.

Мог ли Антоний тогда вообразить, что ровно через двадцать пять лет в тех же местах повторятся подобные трагические события, только в роли Архелая выступит он сам!

Относительно Береники все источники единогласно утверждают, что она была убита по приказу своего отца. Прочие члены царской семьи пережили катастрофу. Теперь старшей среди детей Птолемея оказалась четырнадцатилетняя Клеопатра.

Некоторые древние авторы передают, будто царица, несмотря на свой юный возраст, произвела большое впечатление на Антония, которому тогда было уже около тридцати лет. Хотя так и могло быть в действительности — девушки в южных странах развиваются рано, а Антоний был весьма неравнодушен к женской красоте, — скорее всего это романтический домысел древних историков, старавшихся найти истоки любви, которая позднее прогремела на весь свет.

Столица Египта, несомненно, произвела огромное впечатление на Антония, умевшего ценить прелести большого города.

Отец Марка Антония умер сравнительно молодым. Будучи аристократом по происхождению, он не брезговал темными делами. Его обвиняли даже в тайном соучастии с пиратами. Тем не менее он не оставил никакого наследства. Мать Марка, Юлия, происходила из рода Юлиев и состояла в родстве с Цезарем. Овдовев, она вышла замуж вторично и вскоре снова овдовела. Ее второй муж, участник заговора Каталины, в 63 году был убит в тюрьме. Таким образом, Марк воспитывался без мужской опеки и пользовался всеми благами полной свободы. Он был строен и красив, имел множество друзей и считался одним из предводителей «золотой» молодежи. Голова Антония была полна всевозможных замыслов. Единственное, чего ему не хватало, это денег. Зато кутежей и долгов было более чем достаточно. Понимая, что без денег карьеру сделать невозможно, Антоний не слишком интересовался политикой. Лишь на короткое время он оказался в числе единомышленников отличавшегося необычайной энергией народного три-

буна Клодия. Но вскоре, павший духом и преследуемый кредиторами, Антоний уехал в Афины якобы для занятий философией и риторикой. Потом он внезапно покинул этот город и поплыл в Сирию.

В это время поползли слухи, что готовится поход в Парфию — тот самый, в котором хотел принять участие Архелай. Этот военный поход не состоялся, и войска отправились подавлять восстание в Иудее. Тогда-то Антоний и познакомился с Антипатром, который чрезвычайно помог ему во время египетской кампании.

При всем желании Антоний и Габиний не могли долго оставаться в Александрии, потому что начались волнения в Сирии. Римский корпус покинул Египет, оставив для охраны царя несколько когорт, состоявших преимущественно из германцев и кельтов.

В 54 году Габиний вернулся в Италию, где, он надеялся, его ожидает триумф. А его соратник, Антоний, боясь кредиторов, даже не заглянул в город. После знойной сирийской пустыни он сразу перенесся далеко на запад, в лесистую Галлию, чтобы вступить в сражавшуюся там армию Цезаря.

Темные дела Рабирия

Вернувшись в Александрию, Авлет сразу принялся выколачивать деньги из своих подданных. Ему необходимо было рассчитаться с долгами, сделанными за три года пребывания на чужбине. Самыми неотложными были претензии Габиния — десять тысяч талантов!

Птолемей начал свою деятельность с истребления самых богатых и выдающихся граждан Александрии. Царь хотел достичь сразу двух целей: наказать сторонников Береники и за счет конфискованного имущества частично расплатиться с кредиторами. А поскольку для сбора всей огромной суммы долга требовалось слишком много времени, царь счел целесообразным передать дело в опытные руки Рабирия Постума. Этот ловкий делец получил назначение на должность диойкета — чиновника, ведавшего финансами Египта. Римский гражданин стал подданным и слугой египетского монарха.

Рабрий взялся за дело весьма энергично. Ему помогала целая армия приехавших из Италии доверенных

лиц, рабов и отпущенников. Они должны были собрать у населения не только десять тысяч талантов для Габиния, но и сумму, одолевшую Птолемея, а также и все имущество Рабирия. Рабирий к тому же пользовался всякой возможностью, чтобы попутно обделывать свои делишки. Он, например, вывозил в Италию папирус, льняное полотно, изделия из стекла, то есть наиболее ходовые египетские товары.

Все шло хорошо. На ропот населения Рабирий не обращал внимания. Он привык к этому в других странах, где ему приходилось орудовать. И вдруг, совершенно неожиданно для Рабирия, спокойная работа сборщиков была прервана вмешательством царских солдат. Рабирия и его помощников бросили в тюрьму, а плоды их многомесячных стараний конфисковали в пользу государственной казны. И это еще не все. С диойкетом обращались в тюрьме чрезвычайно жестоко, то и дело угрожая расправой. Затем, так же внезапно, ростовщика выпустили из тюрьмы, но приказали немедленно покинуть Египет. Нищим, в рубище уезжал Рабирий Постум из Египта. А ведь недавно он прибыл сюда полный радужных надежд, чувствуя себя почти хозяином и властелином страны.

Между тем весной 54 года вследствие сильного разлива Тибра Рим пережил несколько тревожных дней. Вода вышла из берегов и залила низменные районы города. Были разрушены дома, погибло множество людей. В этом увидели божью кару за то, что не вняли прорицанию Сивиллы о Египте. Гнев населения обратился против человека, который осмелился вооруженной рукой вернуть на царство Авлета и тем навлек на город столь страшное несчастье. Ненависть народа к Габинию, безусловно, разжигалась приверженцами Исиды и Сераписа, хорошо помнившими, как резко он выступил 1 января 58 года против восстановления разрушенных алтарей египетских богов.

Ночью, тайком возвратился Габиний в Рим. Несколько дней он не выходил из дома, а вскоре предстал перед судом. Во время судебного разбирательства в помещение суда ворвалась толпа, готовая растерзать наместника Сирии на куски. А после того как подкупленные судьи оправдали подсудимого, им самим пришлось бежать из здания суда, спасаясь от гнева народа. На

втором судебном процессе Габиний все-таки был осужден. Он должен был выплатить государственной казне сумму, которую Птолемей заплатил Рабирию. Это было огромные деньги. Рабирий к тому же не было, удалился в изгнание.

Во всей этой истории морально скомпрометировал себя Цицерон, который на первом процессе чрезвычайно резко осуждал Габиния, а на втором, под давлением Помпея, выступил в его защиту.

Судьбу наместника Сирии разделил Рабирий. Вернувшись на родину, он сразу же предстал перед судом и был осужден за соучастие с Габинием. Рабирий объявил себя банкротом и отказался расплачиваться со своими компаньонами и работодателями. Таким образом, он втянул в финансовую катастрофу многих римлян.

Ободренный всем этим Авлет прекратил выплату долгов. В конце 54 года Цицерон писал одному из своих друзей, поехавшему в Галлию, в армию Цезаря в надежде нажить там состояние:

«Словно ты привез императору⁴⁶ не рекомендательное письмо, а долговую расписку — так ты торопился, взяв деньги, возвратиться домой; при этом тебе не приходило на ум, что те самые люди, которые прибыли с долговыми расписками в Александрию⁴⁷, до сего времени не смогли взять ни гроша»⁴⁸.

Доброе слово об Авлете

В конце мая 51 года, на тридцатом году царствования, умер царь Птолемей XII, Новый Дионис, Филопатор Филадельф. В последние месяцы, с марта, он, по-видимому, царствовал совместно со своей старшей дочерью Клеопатрой. Об этом можно судить по датировке некоторых документов.

Завешание царя было готово давно, и его содержание не являлось тайной. Наученный горьким опытом, Птолемей постарался заранее исключить какие-либо сомнения относительно своей последней воли. Он составил документ в двух экземплярах. Один был послан в Рим для хранения в государственном архиве — по некоторым соображениям этот экземпляр временно находился у Помпея, — а второй оставался в Александрии. Исполни-

телем своей последней воли монарх назначил римский народ, заботам которого он поручил свою страну и семью. Разумеется, это было полным отказом от самостоятельности, но вместе с тем и уловкой, которая должна была защитить Египет от возможных попыток беспринципных римских политиков захватить страну.

Своими преемниками царь назначил старшего сына, Птолемея XIII, которому тогда было десять лет, и старшую дочь, восемнадцатилетнюю Клеопатру, ставшую седьмой царицей с этим именем в династии Птолемеев. Брат и сестра должны были вступить в брак и разделить египетский престол.

По-видимому, не было человека, который провожал царя в последний путь искренними слезами. В глазах собственной семьи он был прежде всего убийцей своей дочери Береники. Хотя жители Александрии в свое время сами призвали его на трон, впоследствии в нем видели лишь тирана, силой навязанного римлянами. Для своих подданных Птолемей был угнетателем, отнимавшим у народа последние крохи, чтобы насытить алчность римских покровителей. Единственное, что он приобрел благодаря щедрости по отношению к храмам и наделению их правом убежища,— это нейтралитет жрецов. И наконец, римляне считали его типичным восточным деспотом: трусливым по отношению к сильным, тираном для беззащитных. Искренне сожалели о монархе, мон«ет быть, только члены дворцового хора и оркестра.

И древние и современные историки неизменно судят Птолемея XII очень строго. Что же можно сказать в его защиту? Разве что следующее.

Птолемей XII, безусловно, не видел никакого выхода и спасения ни для себя, ни для своего царства. Египет мог существовать только в качестве римского сателлита, и только слабость давала возможность уцелеть. Рим допускал существование лишь таких государств, которые ни при каких обстоятельствах не могли стать для него опасными. Поэтому единственное, что оставалось Птолемею,— это постараться как можно дольше сохранить для себя и своих потомков выгодную должность царя милостью Рима, пока великодержавный молох не поглотит все. В борьбе за трон он не останавливался ни перед чем — подкупал, плел интриги, убивал даже своих близких. Это была борьба за существование. Он не имел

никакой политической программы, достойной этого наименования. О какой политике может думать бессильная пешка?

Поэтому основным и наиболее важным занятием царя была игра на флейте. Во времена, когда нет возможности оказывать хотя бы малейшее влияние на ход исторически важных событий, лучший способ примирения с судьбой — найти занятие, которое позволяет рассеяться, никому не приносит вреда и не вызывает подозрений. Можно играть на флейте, писать стихи или философские эссе, разводить кур или розы, заниматься рыбной ловлей, изучать древнюю историю.

Но Клеопатра, молодая женщина, отличалась более широким кругозором и непомерным честолюбием.

КЛЕОПАТРА И ЦЕЗАРЬ

Священный бык Бухис

В марте 51 года, в самом начале совместного царствования с отцом, Клеопатра отправилась в далекое путешествие на юг, к верховьям Нила. Царица осматривала эту часть страны и принимала присягу от своих подданных. Она посетила, в частности, Фивы, город, который много веков назад, в эпоху политического расцвета фараоновского Египта, был прославленной столицей государства, огромной и великолепной. Величественные храмы бога Амона, построенные давними правителями страны, во времена Клеопатры еще не были разрушены. И по сей день их руины словно смеются над бегом тысячелетий. Но уже тогда они были всего лишь свидетелями былой славы города, надменно взирающими на жалкие постройки вокруг. В то время в Фивах не осталось ни дворцов, ни сколько-нибудь значительных строений. И только вокруг храмов все еще сновали толпы паломников и жрецов. Страбон, который побывал в этих краях приблизительно через тридцать лет после Клеопатры, утверждает, что нашел здесь только поселения деревенского типа. Что же послужило причиной упадка города?

На протяжении многовековой истории на Фивы обрушивалось много бедствий. Особенно сильные разрушения постигли город около 85 года — за одно поколение до Клеопатры, — когда было жестоко подавлено большое восстание, уже не первое в этих краях, потому что Верхний Египет неоднократно пытался освободиться от власти Птолемеев. Поездка на юг только что вступившей на престол царицы имела определенное политическое зна-

чение. Еще более важным было ее участие в религиозной церемонии в честь одного из богов Верхнего Египта.

Неподалеку от Фив, вверх по течению Нила, находился небольшой, но широко известный городок Гермонтис. Его богом-покровителем был в виде человека с головой сокола. Этот бог первоначально был символом воинственности и бесстрашия фараонов. Позднее его стали объединять с богом солнца Ра и с покровителем соседних Фив — Амоном, и тогда бог-сокол почти полностью утратил свое самостоятельное значение; образовалась троица: Монт — Амон — Ра. Одновременно все большее значение в Гермонтисе приобретало другое божество — все шире распространялся культ быка Бухиса, который жил в огромном храме именно в этом городе и постепенно сделался эквивалентом мемфисского Аписа для южных областей Египта. После смерти очередного священного животного жрецы находили новое; Бухис считался бессмертным. Труп, разумеется, мумифицировался, но не так тщательно, как останки Аписа. Жители Гермонтиса были более экономны — они применяли дешевые способы приготовления мумий, когда внутренности не вынимались, а просто заливались смоляной массой.

До наших дней сохранилось кладбище Бухисов. Самые древние захоронения были сделаны незадолго до прихода в Египет Александра Великого, последние — в годы царствования римского императора Диоклетиана, то есть в конце III века н. э. Следовательно, культ быка в Гермонтисе засвидетельствован на протяжении более шести столетий. Возник же он, разумеется, значительно раньше, а наибольшего расцвета достиг при последних Птолемеях. Клеопатра, по-видимому, воздала священному животному особые почести.

Найдя нового Бухиса, жрецы прежде всего привозили его в Фивы. Вместе с быком туда же доставляли и его мать, которую с этого момента торжественно именовали «великой короной, которая родила бога Ра». Из Фив обоих животных переправляли в Гермонтис на барке, сопровождаемой большим числом кораблей. После смерти быка составлялась надгробная надпись, в которой точно обозначались год и день церемонии «вступления»

быка в постоянное святилище. Много таких надписей сохранилось до наших дней. Традиционная формула надписей сообщает, что в церемонии принял участие царствовавший в то время монарх. В большинстве случаев можно легко установить, что названная особа находилась в указанное время совсем в другом месте, часто весьма удаленном от Гермонтиса. Однако это не относится к Клеопатре. И надпись об этом составлена менее стереотипно. Кажется весьма правдоподобным, что церемония 22 марта 51 года прошла особенно торжественно, потому что речную флотилию, перевозившую священного быка из Фив в Гермонтис, возглавляла сама царица⁴⁹.

Медицина и магия

Несмотря на разрушения, о которых говорилось выше, Фивы неизменно пользовались среди греков широкой известностью как великая сокровищница древнейшей египетской мудрости. Считалось, что фиванские жрецы владеют многими науками, в том числе и черной магией. Об этом очень интересно рассказывается во вступлении к одному медицинскому трактату. Его автор, некий Фессал, жил — если верить его введению, — в то время, когда император Август, следовательно, он мог помнить Клеопатру. Возможно, что это небольшое сочинение возникло несколько позднее. Впрочем, это не столь существенно. Важно другое — рассказ Фессала живо и непосредственно знакомит с тогдашними верованиями, проистекавшими из глубокого убеждения, что бог может открыть человеку нечто необычайное и даже дать ключ к чудотворству. Путь же к богу известен жрецам египетских храмов.

Но предоставим слово Фессалу.

«В Азии я тщательно изучил грамматику, я овладел ею лучше тамошних учителей. Поэтому я решил использовать свои знания. Я поплыл в город, который очаровывает и привлекает всех,— в Александрию. Денег у меня было достаточно, и я посещал лекции знаменитых философов, и все они хвалили мою страсть к учению и способности в овладении пауками.

С особым старанием я занимался диалектической Me-

дициной; мной овладела необыкновенная жажда проникнуть в тайны этой науки. Когда стало приближаться время возвращения на родину, я занялся поисками в библиотеках; медициной я уже овладел хорошо. Наконец мне попала книжка, написанная фараоном Нехепсо; в ней говорилось о двадцати четырех способах лечения тела от всяких болезней при помощи камней и растений, но с учетом знаков зодиака. Величие этой мысли меня просто ошеломило. Но вскоре я обнаружил, что эту книгу следовало бы назвать обманом или плодом невежества. Сколько я ни испытывал рецепты, которые так расхваливал автор, каждый раз я терпел неудачу.

Это было для меня хуже смерти. Я был в отчаянии. Слепо поверив книге Нехепсо, я в письме к родителям похвалился знанием необыкновенных рецептов; я сообщил им также, что вернусь, когда испытаю их действие. И получилось так: в Александрии я не мог больше находиться из-за насмешек товарищей (естественно, что любое смелое начинание вызывает зависть); с другой стороны, я не спешил домой, ибо видел, что не смогу выполнить свои обещания.

В таком состоянии я отправился в путешествие по Египту, подгоняемый ранящим душу жалом. Я искал среди египетских жрецов надежду, которую так легкомысленно стал питать в связи с трактатом фараона; в случае неудачи я готов был совершить самоубийство. Я слышал внутренний голос, который говорил мне, что я встречусь с богами. Поэтому я без усталости воздевал руки к небу, смиренно прося бессмертных богов оказать мне милость — явиться во сне или наяву или послать озарение,— чтобы я мог гордиться, вернувшись в Александрию и на родину.

Наконец я прибыл в Фивы, древнейшую столицу Египта, в которой очень много храмов. Там я задержался надолго, главным образом, из-за ученых жрецов, владеющих многими науками. Время шло, и моя дружба со жрецами крепла. Однажды я осмелился обратиться к ним с вопросом — известны ли им какие-либо приемы Магии. Большинство возмутилось. Но один, возбуждавший особое доверие достоинством поведения и преклонным возрастом, не обманул моих ожиданий. Он сказал, что умеет вызывать богов при помощи миски с водой.

Однажды я попросил этого жреца отправиться со

мной на прогулку по самой безлюдной части города. Мы дошли до рожицы, в которой царила глубокая тишина. Там я с горькими слезами кинулся на землю перед моим спутником и обхватил руками его ноги. Он с изумлением спросил, что у меня на сердце. И я ответил:

— Моя жизнь в твоих руках. Я должен говорить с богом! Если мое желание не исполнится, я убью себя!

Жрец поднял меня с земли и дружески успокоил. Он обещал выполнить мою просьбу и велел мне поститься три дня начиная с этого момента. Взволнованный до глубины души, я целовал ему руки и благодарил его; слезы струились из моих глаз. Таков закон природы — внезапная радость вызывает больше слез, чем горе.

Из-за нетерпения три дня поста показались мне тремя годами. Наконец настал срок. Я вышел из дома на рассвете и поспешил приветствовать жреца; он уже приготовил чистую комнату и все, что нужно для опыта. Я же предусмотрительно принес папирус и краски, чтобы записать то, что услышу; но сохранил это в тайне.

Жрец спросил, с кем бы я предпочел говорить: с тенью умершего человека или с богом.

— С богом Асклепием, — ответил я и добавил, что он увенчал бы свою доброту, если бы позволил мне остаться наедине с богом.

Жрец согласился, хотя был очень недоволен; это было видно по его лицу.

Затем он велел мне сесть лицом к возвышению, на котором должен был появиться бог. Силой таинственных заклинаний он вызвал Асклепия и вышел, закрыв двери на ключ. А я остался почти уничтоженный душой и телом — столь дивное я увидел зрелище. Никакими человеческими словами нельзя описать черты лица и сияние бога.

Асклепий поднял правую руку, приветствуя меня, и сказал:

— Счастливый Фессал! Сейчас бог оказывает тебе милость, а вскоре, узнав о твоей победе, люди будут чтить тебя как бога. Спрашивай, что тебе нужно. Я на все отвечу тебе от чистого сердца.

Я почти не мог говорить, ибо не владел собой, ослепленный красотой бога. Наконец я спросил:

— Почему меня постигла неудача, когда я применял рецепты царя Нехепсо?

Асклепий ответил:

— Нехепсо был мудрецом. Он владел всеми тайнами магии. Но он не слышал из уст бога ни одного из тех секретов, которые я тебе открою. Благодаря прирожденной проницательности Нехепсо постиг родство камней и растений со звездами, но он не мог определить ни времени, ни мест, в которых следует собирать травы. А ведь рост и движение всех плодов зависят от влияния звезд»⁵⁰.

Клеопатра и сыновья Бибула

Осенью 50 года, на втором году царствования Клеопатры и ее брата-супруга, на страну обрушилось бедствие. Разлив **Нила** не достиг обычного уровня. Животворные воды Нила не покрыли всех возделываемых полей и не оставили плодородного ила. Народ увидел в этом проявление божьего гнева и предзнаменование несчастий. Было ясно, что неурожай вызовет голод и дороговизну. Наивысший подъем уровня воды в реке бывал ранней осенью, затем вода постепенно спадала. Первые плоды складывались в хранилища весной. Не было сомнения в том, что весна 49 года будет тяжелой как для населения, так и для молодой царской четы, ответственной за судьбу государства.

А между тем в том же 50 году в Александрии произошли события, которые в политическом смысле грозили последствиями еще более пагубными, чем слабый разлив Нила — для экономики страны.

Наместником провинции Сирии в это время был Марк Бибул, тот самый человек, который девять лет назад вместе с Цезарем отправлял обязанности консула и упорно, хоть и безуспешно, противился мероприятиям своего коллеги. В частности, он всячески старался помешать Цезарю, получившему шесть тысяч талантов, добиться признания Птолемея XII египетским царем. В настоящее время Бибула тревожили парфяне, угрожавшие Сирии с востока, из-за Евфрата, поэтому он решил укрепить свои легионы отрядами из Египта.

В Египте все еще находились солдаты, которых пять лет назад оставил для охраны восстановленного на троне Птолемея Габиний. Они прочно осели в стране на

Ниле, обзавелись хозяйством и жили прекрасно, не имея недостатка в легких заработках. Многие женились и обзавелись семьями. Двор всячески добивался их расположения, потому что Габиниевы солдаты — так их называли по имени бывшего командира — были надежной опорой трона. Если учесть изменчивое настроение населения, это было крайне важно. Ряды наемников постоянно пополнялись за счет всевозможных авантюристов, а также бежавших из Рима рабов. Всем было известно, что, поступив в Египте на военную службу, можно получить право убежища и защиту от преследований закона. Египетские власти, как правило, не выдавали беглецов.

Вполне понятно, что Габиниевы солдаты с большим неудовольствием выслушали предложение возвратиться в римскую провинцию. Действительно, что их там ожидало? Железная дисциплина, лагерная служба, походы... С какой стати должны они отказаться от жизни в прекрасном городе, покинуть свои семьи, бросить имущество? Чтобы воевать в знойных бескрайних сирийских пустынях? И с кем? Само слово «парфяне» наводило страх. Всего три года назад, в 53 году, парфяне нанесли сокрушительное поражение римской армии, которая перешла Евфрат. Римлянами командовал тогда один из триумвиров, Марк Красс, желавший сравняться военной славой со своими товарищами по власти — Цезарем и Помпеем. Прекрасный финансист, Красс не имел никакого военного опыта и в результате погубил себя и римские легионы. Парфяне заманили его в ловушку и убили. Тогда же погиб и сын Красса, Публий, на вдове которого, Корнелии, вскоре женился Помпей.

Но не только это повлияло на настроение Габиниевых солдат. Они были раздражены тем, что их вызывал именно Бибул, человек враждебно относившийся к Авлету. А ведь это им — солдатам Габиния — Птоле-
мей XII был обязан своим восстановлением на троне!

К несчастью, привести солдат Габиния из Египта Бибул поручил двум своим сыновьям. Когда молодые люди прибыли в военный лагерь, чтобы сообщить приказ, там начались волнения. Оба сына Бибула были убиты.

Нетрудно догадаться, что это происшествие ужаснуло Клеопатру. Даже если бы речь шла не о сыновьях

наместника соседней провинции, убийство римских граждан знатного рода должно было бы повлечь за собой серьезные последствия. Царица всячески старалась показать, что она потрясена этим преступлением. Она приказала схватить двух непосредственных виновников убийства и отправила их в Сирию, в резиденцию наместника. Однако, ко всеобщему изумлению, Бибул принял известие о трагедии с невозмутимым спокойствием. Убийц он немедленно отослал обратно в Александрию, а царице написал коротко:

— Вынесение приговора по этому делу относится к компетенции сената, а не моей.

Неурожай

Вопрос об убийствах так и заглох. Зато Габиниевы солдаты, чуть не ставшие причиной межгосударственных осложнений, уже через несколько месяцев, весной 49 года, сослужили Клеопатре хорошую службу. Слабый разлив Нила минувшей осенью, как и ожидали, привел к недороду. Весенняя жатва была скудной. Сносный урожай сняли только в Центральном Египте и в Фаюмском оазисе.

Особенно серьезную тревогу вызывало положение в столице. Снабжение такого большого города, как Александрия, всегда доставляло много хлопот. Александрийцы часто выступали против властей. Судьба растерзанного толпой Птолемея XI все еще служила грозным предостережением. Поэтому правительство сочло необходимым принять административные меры. Был издан указ о том, что закупленный в Центральном Египте хлеб может продаваться только в Александрии; нарушившие это предписание подлежали смертной казни.

В результате неурожая в некоторых областях начались волнения. Но чаще народ оказывал пассивное сопротивление. Крестьяне уходили со своей земли и отказывались платить государственные налоги. Для наведения порядка посылались карательные экспедиции. Вот тут-то и пригодились Габиниевы солдаты.

Подобные формы пассивного сопротивления были

известны в Египте с давних времен. Порой случалось так, что население, измученное притеснениями и поборами, покидало целые области; и только жрецы, не желавшие прерывать богослужений, оставались в своих храмах. Крестьяне бросали землю и шли искать лучшей жизни в городах, главным образом в Александрии. Многие вступали в разбойничьи шайки и безнаказанно грабили людей — болота в дельте Нила и пустыни служили прекрасными убежищами. Таким образом, жители деревень и небольших городков оказывались под двойным гнетом.

Хозяйство, полученное царской четой в наследство от предков, находилось в плачевном состоянии. Упадок экономики наметился в Египте еще несколько поколений назад. Народ беднел. Селения становились безлюдными. А поскольку государственная казна нуждалась в средствах для подкупа римлян, требования сборщиков не уменьшались. Рабочих рук становилось все меньше, а поборы росли. Письменные документы и археологические раскопки показывают, что в ряде областей занятые строениями территории к тому времени значительно сократились по сравнению с тем, что было в начале правления династии Птолемеев.

Разумеется, слабый разлив Нила был явлением, но зависящим от воли людей. Подобные бедствия случались и при самых лучших правителях. Удивляет другое: на государственных складах не оказалось никаких запасов хлеба. Об этом свидетельствует продиктованный отчаянием указ Клеопатры и ее брата. Зернохранилища огромного города были совершенно пусты. Почему? Как это могло случиться? Ведь с незапамятных времен в Египте знали, что часть сборов в урожайные годы надо сохранять, чтобы пополнять недороды неурожайных лет.

Молодая царская чета не была повинна в отсутствии хлебных запасов в стране. Как раз весной 49 года по требованию союзника и друга — Рима им пришлось отправить из Александрии большой транспорт хлеба. Римляне настаивали также, чтобы по крайней мере часть Габиниевых солдат ушла из Египта.

Все это было связано с драматическими событиями в самом Римском государстве.

Царский двор с удовлетворением следил за событиями в Риме, в особенности за углубляющимся разладом между двумя ведущими политическими деятелями. После того как Красс в 53 году погиб в Парфии, триумvirат фактически перестал существовать. Два оставшихся триумвира относились друг к другу с подозрительностью, которой они почти не скрывали, а позиция Помпея по отношению к Цезарю была попросту враждебной. Полководец, некогда пронесший орлы римских легионов⁵¹ через многие страны Востока, от Кавказа до Иерусалима, не мог перенести того, что Цезарь своими победами в Галлии, за Рейном, в Британии затмевает блеск его славы. Поэтому Помпей сблизился с сенатом, который, как мы знаем, всегда относился к Цезарю весьма враждебно.

Результаты новой коалиции скоро дали о себе знать. Завоевателю Галлии не продлили срок управления провинцией и не разрешили повторно добиваться консульства. Это вело Цезаря к катастрофе. Утратив провинции и легионы и став частным лицом, он не смог бы противостоять грозным событиям. Многие прямо говорили, что он будет обвинен в том, что начал войну с Галлией без постановления сената. Судебный процесс, несомненно, закончился бы изгнанием Цезаря, то есть крушением дела всей его жизни и полным разорением. Цезарь хорошо понимал это и не раз предлагал Помпею соглашение. Он искренне стремился достигнуть договоренности и готов был пойти на любой разумный компромисс. Однако Помпей, уверенный в поддержке сената, вел себя заносчиво. Он заранее отвергал всякие попытки уладить конфликт.

Все это было на руку Александрии. Поглощенный своими заботами Рим не мог вмешиваться в дела Египта и предоставил страну на Ниле ее собственной судьбе. А в тот момент обессиленному Египту только это и было нужно. Страна стремилась к спокойному существованию. Клеопатре и ее советникам было совершенно безразлично, кто победит — Помпей или Цезарь. Помпей, у которого хранилось завещание Авлета, считался исполнителем последней воли покойного монарха и опекуном его детей. Цезарь тоже относился к Птолемеям

дружелюбно — особенно после того, как десять лет назад получил упомянутые шесть тысяч талантов.

Но в самом начале 49 года в Александрию стали поступать тревожные сообщения. В Италии вспыхнула гражданская война. Цезарь перешел реку Рубикон и быстро продвигается на юг полуострова. Помпей отступает, так как войска в Италии немногочисленны. Ему придется переправиться через Адриатическое море.

В результате римского вооруженного конфликта у александрийского двора возникли сложные проблемы. Было ясно, что каждая из сторон потребует помощи. Египет же, по вполне попятным причинам, стремился сохранить нейтралитет и благоразумно дожидаться результатов гражданской войны, втайне надеясь, что противники истекут кровью и уничтожат друг друга, а Римская держава будет поколеблена до основания и рухнет. Тогда Египет, как и другие зависимые государства, сможет подумать о завоевании самостоятельности и даже о возвращении территорий, которые недавно захватил Рим: Киренаики и Кипра.

Такие мысли и надежды рождались, по-видимому, у египетских сановников, а может быть, и у самой Клеопатры. Но высказывать их никто не решался. Между тем события принимали все более драматический оборот.

Клеопатра и сын Помпея

В начале марта 49 года Помпей и большинство сенаторов оказались в Греции и Македонии. Однако полководец отнюдь не собирался прекращать борьбу. Напротив, он повсюду набирал людей, корабли, добывал деньги. Несмотря на утрату столицы и Италии, он был бодр и верил в победу. Эта уверенность подкреплялась тем, что находившиеся под его властью восточные провинции были очень богаты и густо населены. Во все страны Востока из ставки Помпея понеслись требования о безотлагательной помощи. Они были обращены не только к местным римским провинциям, но также и к дружественным государствам и народам, формально не зависимым от Рима. О Египте, конечно, вспомнили прежде всего. В Александрию прибыл старший сын главноко-

мандующего, носивший то же имя, что и отец, — Гней Помпей. Мы не знаем, чего он требовал в Египте, но знаем, что получил. Молодой сын полководца отплыл из Александрии во главе пятидесяти военных кораблей, на палубах которых находилось пятьсот всадников, отобранных из Габиниевых солдат (на этот раз они не посмели воспротивиться!). Кроме того, транспортные суда везли хлеб.

Скорее всего, молодой Помпей вначале требовал большего. Можно только удивляться, что такая богатая и обширная страна, как Египет, дала так мало солдат, да и то, в сущности, не своих, а бывших людей Габиния, которых Рим домогался и прежде. Коренные египтяне не были посланы вообще. Римляне, правда, были невысокого мнения о боеспособности египетских солдат, но они могли бы использовать их в качестве гребцов, охраны, в резерве. В тот острый момент люди Помпея повсюду забирали всех и все и только в Египте повели себя так сдержанно и скромно.

Если верить Плутарху, Клеопатра сохранила приятное воспоминание о Гнее Помпее, потому что ей якобы удалось очаровать молодого человека. Здесь, по-видимому, и кроется причина того, что участие Египта в войне против Цезаря было столь незначительным. Восхищенный царицей Помпей сочувственно выслушал ее объяснения и поверил, что вследствие неурожая Египту грозят голодные бунты и страна не может обойтись без защитников порядка.

Переговоры вели молодые люди, близкие по возрасту: ему было двадцать пять лет, ей — двадцать.

Традиция единогласно передает, что Клеопатра никогда не была классической красавицей. Сейчас об этом трудно судить, потому что мы не имеем ее достоверного изображения. Но та же традиция утверждает, что она обладала бездной обаяния, блестящим умом, обширными познаниями и мелодичным голосом. Она свободно изъяснялась на нескольких языках. Клеопатра была убеждена — и доказала это многократно, — что для достижения политических целей есть множество путей кроме дискуссий в залах для заседаний.

Многие античные авторы намекают на то, что египетская царица отличалась необычайно пылким темпераментом. Толки о безнравственности Клеопатры можно

было бы назвать выдумками ее врагов, стремившихся опорочить правительницу Египта в глазах общественного мнения. Но не следует забывать и того, что Александрия всегда славилась разнuzданностью, а царский дворец служил городу прекрасным примером. Впрочем, не имеет значения, сколько именно любовников побывало на ложе Клеопатры. Важно другое: когда дело касалось серьезных государственных вопросов, она никогда не была невольницей своих страстей.

Египетская флотилия, которую привел из Александрии молодой Помпей, оставалась под его командованием. Однако верховным командующим над всем флотом, находившимся в Адриатическом море и Ионическом заливе, был Марк Бибул, давний смертельный враг Цезаря. Собранный здесь из различных стран Востока флот насчитывал более пятисот кораблей. На море Цезарь ничего не мог противопоставить этой силе. И, однако, все это внушительное скопление судов оказалось совершенно бесполезным! Поздней осенью 49 года Цезарь переправился из Италии на восточное побережье Адриатического моря и высадился около города Диррахий в Эпире (на территории современной Албании).

Начался новый этап гражданской войны.

Клеопатра в изгнании

В разгар лета 48 года египетский флот вернулся из Адриатического моря в Александрийский порт. Это произошло потому, что находившиеся под командованием Бибула корабли, как только пришло известие о поражении Помпея в сухопутной битве в Северной Греции, под Фарсалом, тут же рассеялись.

Египетский флот вернулся без потерь. Египтяне не совершили подвигов, но и не пострадали. А это было важнее всего. Когда корабли вошли в порт, их команды, не успев даже сойти на берег, услышали чрезвычайную новость: в Египте тоже вспыхнула гражданская война; ее начали царствующие супруги. Птолемей XIII прогнал свою сестру и жену. Клеопатра бежала в Палестину. Там она собрала войско, с которым в настоящее время направляется в Египет. Царь и его советники на-

ходятся на границе, около крепости Пелусий, преграждая путь Клеопатре.

Вряд ли такой поворот событий кому-нибудь в Александрии мог показаться неожиданным. Несмотря на практику внутрисемейных браков, династические распри, преступления и даже войны между членами семьи при Птолемах были обычным явлением.

Разница в возрасте между Клеопатрой и ее братом-супругом была довольно значительной. Она была уже взрослой женщиной, а он — тринадцатилетним юнцом. После смерти их отца опеку над ними взял на себя дворцовый триумвират: евнух Потин, учитель риторики Теодот и предводитель войск Ахилла. О очень скоро пришла к выводу, что она уже достаточно взрослый человек, чтобы самостоятельно принимать решения. Это, разумеется, не понравилось трем сановникам, которые надеялись пробыть у власти долго, пока Птолемей не станет совершеннолетним.

Таким образом, конфликт между Клеопатрой и опекунами был неизбежен. Доискиваться, какая из сторон виновата больше, не имеет смысла. В ту пору существовало мнение, что гражданская война началась только по вине царицы, которая была слишком честолюбива и стремилась отстранить от власти или даже убить своего брата — об этом есть упоминания в античной литературе. Но как знать, не были ли эти слухи распущены враждебными Клеопатре группировками, стремившимися таким образом восстановить народ против царицы. Тридцать два года назад юный Птолемей XI убил свою жену царицу Беренику и заплатил за это жизнью. Сейчас, если верить молве, готовилось еще одно такое же преступление, жертвой которого должен был стать тринадцатилетний мальчик: старшая сестра замыслила его погубить. События последующих лет показали, что Клеопатра была способна без колебаний совершить такой поступок.

Даже современники, в том числе и жители Александрии, были не в состоянии разобраться в клубке дворцовых интриг. Поэтому подробности конфликта в царской семье никогда не будут выяснены до конца. Непонятно, например, почему Клеопатру изгнали, а не убили — как подсказывал трезвый расчет и как обычно поступали в аналогичных ситуациях все Птолемеи. А может быть,

Клеопатра, увидев, что ее влияние падает и жизнь находится в опасности, предусмотрительно бежала?

Известие об изгнании сестры и супруги царя подданные приняли довольно равнодушно. Очевидно, Клеопатра не пользовалась особой популярностью в стране. Впрочем, события последних лет никак не могли способствовать росту симпатии к ней египтян. Несколько месяцев назад царица па глазах у всего двора старалась обольстить молодого Помпея. Ее враги наверняка обвиняли ее в том, что она, несмотря на тяжелое положение в стране, послала римлянам пятьдесят кораблей и хлеб, что она совершенно не заботится о благе своего народа, а думает только о благосклонности могущественного союзника, то есть продолжает пагубную политику своего отца.

Без сомнения, против Клеопатры была самая сильная часть египетского войска — Габиниевы солдаты. Ведь это она после убийства сыновей Бибула отослала убийц к наместнику Сирии, она отправила в армию Помпея пятьсот всадников, бывших легионеров Габиния. Поэтому Габиниевы солдаты неизменно сохраняли верность молодому царю и с ненавистью относились к Клеопатре.

Куда же бежала царица? Где и у кого искала она помощи и как сумела ее получить? На эти вопросы источники почти не дают ответа. Известно, что царица пыталась вторгнуться в Египет со стороны Палестины. Видимо, там она и собирала войска, у набатеев или в пограничных с Сирией мелких княжествах, где всегда было достаточно авантюристов. Силы, с которыми царица двинулась на Египет, вероятно, были немалые, если советники царя сочли необходимым стянуть к границе почти целую армию.

Много дней враждующие стороны стояли друг против друга в бездействии на песчаном морском берегу. Но к ним уже катилась грозная волна, поднятая ураганом в далекой Греции, на полях под Фарсалом.

Поражение при Фарсале и бегство Помпея

Цезарь разгромил большую, но плохо организованную армию Помпея в битве на Фарсальской равнине в Северной Греции. Это произошло жарким летним днем 48 года.

Было уже далеко за полдень. Судьба сражения была решена, и люди Цезаря ворвались в лагерь противника. Верхом на коне, в сопровождении всего лишь четырех человек Помпей галопом мчался по равнине. Мрак опустился на землю, наступила ночь, а они все скакали в глубоком молчании. Никто не решался произнести ни слова, понимая, как горьки должны быть мысли их полководца. На протяжении тридцати четырех лет Помпей побеждал. Он громил врагов в Италии, в Африке, в Азии, в Иудее. Он освободил от пиратов Средиземное море — от западных границ до восточных. Перед ним трепетали народы Кавказа и Пиренейского полуострова. Но безжалостная и неумолимая судьба уготовила ему позор поражения на склоне дней. Всего несколько часов назад Помпей был предводителем огромной армии, одним из властителей Рима. А сейчас он спасался от преследователей, как беглый раб. В пути к Помпею присоединилось еще несколько воинов разгромленной армии республики. Собралось около тридцати человек. На рассвете они подошли к стенам Ларисы. Жители города кричали со стен, что предоставят им убежище. Но Помпей приказал мчаться дальше, без отдыха. Наверное, он боялся, что вероломные греки выдадут его победителю.

Продвигаясь вдоль реки Пеней, Помпей и его спутники спустились к ее излучине между отрогами Осы и Олимпа. Смертельно усталые, томимые жаждой, они не имели даже кубков, чтобы зачерпнуть воду из реки. Вся серебряная и золотая посуда, к радости победителей, была брошена в палатках под Фарсалом. Помпею пришлось спешиться, лечь на землю и пить прямо из реки, как беднейшему из пастухов.

Беглецы провели ночь в хижине рыбака, недалеко от устья реки Пеней. С первыми лучами солнца Помпей и несколько его спутников сели в небольшую лодку. Рабам, которые остались ему верны до последней минуты, Помпей приказал отправиться к Цезарю, убедив их, что там им не причинят вреда.

Лодка очень медленно плыла вдоль берега. Было **ясно** что так **они** никуда **не** доедут. Увидев издали транспортный корабль, **они** стали звать на помощь, кричать и размахивать плащами. Капитаном корабля был некий римлянин, который **хотя** и не был знаком с Помпеем, но в лицо его знал. Минувшей ночью он видел сон, о котором как раз в это время рассказывал своим друзьям:

— Приснился мне Помпей, как живой. Но не в гордой позе, как я часто видел его. Нет. Он показался мне человеком сломленным и униженным.

Рассказывают, будто в ту же самую минуту **один** из моряков закричал:

— Недалеко от берега лодка! Люди подают сигналы, кричат что-то...

Помпея и его спутников радушно приняли на корабль. Полководцу прислуживал один из бывших преторов, который сам снял с него сандалии и омыл ноги.

Всю ночь корабль простоял на якоре у побережья Македонии около города Амфиполь. **Помпей** пригласил к себе тамошних сановников. Он потребовал у них денег и приказал всем молодым людям провинции явиться для принесения присяги. Вероятно, он надеялся собрать новую армию. Тем временем доложили о том, что легионы Цезаря близки. Нужно было немедленно плыть дальше.

Корнелия

Через два дня корабль подошел к острову Лесбос. Здесь, в городе Митилене, Помпея ждала его жена Корнелия и младший сын — Секст.

Корнелия твердо верила, что не сегодня-завтра придет радостная весть о победе над Цезарем. Недавно она получила сообщение об успехе Помпея при Диррахии. Прибывший наконец к Помпею был так измучен и удручен, что забыл даже произнести обычное приветствие. С трудом он выдавил из себя несколько слов:

— Помпей на чужом корабле. Поспешу увидеть его!

Корнелия лишилась чувств. Придя в себя, она по-

бежала к пристани и, обняв Помпея, горько **плакала** и винила себя во всех несчастьях. **Она** говорила, что на ней лежит проклятие судьбы. Ее первый муж, Публий Красс, погиб в Парфии, а второй, недавно командовавший флотом в пятьсот кораблей, сейчас вынужден спасаться бегством на чужом судне.

— Я должна была умереть раньше Красса,— причитала она.— Лучше бы я покончила с собой сразу после его смерти, так, как хотела.

Вся семья погрузилась на корабль. Беглецы очень спешили, но неблагоприятные ветры два дня прoderжали их около острова. Тем временем к ним присоединилось еще несколько кораблей. Флотилия поплыла на юг вдоль азиатского побережья. Останавливались только для того, чтобы пополнить запасы продовольствия и воды. Вскоре они встретили военную эскадру с группой сенаторов. Позднее, уже у берегов Киликии, состоялся большой военный совет.

До сих пор Помпей и его спутники бежали с одной мыслью: быстрее и дальше. Теперь необходимо было определить цель. Постепенно стало ясно, что положение не так уж безнадежно: костяк военного флота почти не пострадал, уцелели и отдельные отряды сухопутных войск. Но они были рассеяны в разных местах. Где их искать? Как собрать воедино? Помпей понял свою основную стратегическую ошибку.

— Надо было дать решительное сражение не на суше, а на море,— говорил он,— я же позволил увлечь себя в глубь Греции и принял бой там, где не мог использовать флот.

На вопрос, куда направиться сейчас, Помпей ответил — в Парфию! Это неожиданное решение было не лишено разумных оснований.

Действительно, Парфия всегда представляла угрозу для Рима. Пять лет назад в борьбе с парфянами погибли Марк Красс и его сын Публий. Но сейчас только парфяне могут дать войска для борьбы с Цезарем. Конечно, они не сделают этого даром. Наверняка они потребуют возвращения некоторых азиатских провинций, в особенности тех, которые Помпей недавно присоединил к Риму. Можно временно отдать им эти территории, чтобы потом, после победоносного окончания войны с Цезарем, снова их отнять.

Однако предложение полководца вызвало резкие возражения у окружающих его людей, которые попросту боялись парфян. Особенно решительно протестовал Феофан, грек, в течение ряда лет бывший чем-то вроде официального летописца великих деяний Помпея. Феофан рассуждал так.

Неразумно доверять свою жизнь вероломному парфянскому царю, если через три дня мы можем быть у берегов Египта. Юный царь Птолемей должен быть благодарен Помпею за помощь его отцу. Александрийский двор наверняка отнесется к нам дружелюбно. Египет — богатая страна, и мы без труда получим там продовольствие, корабли, деньги. И, наконец, — Корнелия. Как можно доверить ее судьбу парфянам, которые убили ее свекра и мужа!

Эти аргументы показались Помпею убедительными. Римские корабли поплыли сначала к острову Кипр, откуда они должны были повернуть к Сирии и затем, плывя вдоль побережья к югу, достигнуть Египта. Однако во время стоянки в кипрском порту Пафос стало известно, что проживавшие в сирийской Антиохии римские граждане выступили против Помпея. Они вооружились и предупредили, что не впустят корабли Помпея в порт, а также не примут сторонников побежденного полководца, которые нашли пристанище в соседних странах. Все это было продиктовано не враждебностью к Помпею, а страхом перед Цезарем, который приближался с невероятной быстротой.

Пришлось плыть прямо в Александрию. А между тем — они узнали об этом только на Кипре — в Александрии шла война. Рассказывали, что царь Птолемей стоит под Пелусием, преграждая путь войскам своей сестры Клеопатры. Но выхода уже не было. Об отступлении не могло быть и речи — корабли Цезаря плыли прямо к Кипру! Помпей потребовал денег у римских купцов, ведущих свои дела на Кипре, вооружил и погрузил на корабли на вербованных здесь солдат, почти две тысячи человек, и во главе небольшой флотилии направился к Пелусию.

Совещание у египетского царя

Несомненно, Помпей считал законным царем Египта Птолемеем, а не его сестру Клеопатру, изгнанную из страны. Да и что за польза была ему обращаться к лишенной царства царице! Ему пришлось бы вместе с ней отвоевывать Александрию, тогда как он сам нуждался в немедленной помощи. Поэтому корабли Помпея бросили якоря неподалеку от Пелусия, поблизости от лагеря Птолемея XIII. Послы Помпея отправились к юному царю и сразу же получили аудиенцию. Их речи, обращенные к его величеству, тринадцатилетнему царю, были кратки.

— Судьба переменчива, — говорили они. — Ровно десять лет назад твой отец лишился трона и был вынужден скитаться на чужбине. В Риме, куда он пожаловал, его радушно принял Помпей, который протянул ему руку помощи и благодаря своему влиянию добился его восстановления на троне. Твой отец высоко ценил возникшую тогда дружбу. Он назначил исполнителем своей последней воли римской народ и один экземпляр завещания передал на сохранение Помпею. Сейчас у тебя есть возможность заплатить долг благодарности. Помпей просит принять его в Александрии и поддерживать продовольствием, кораблями, деньгами. Не забывай, что, несмотря на поражение, силы, которыми мы располагаем, огромны. К сожалению, они находятся далеко. Но как только мы соединимся с ними, все переменится. А ты завоюешь благодарность не только Помпея, но и всего римского народа!

Когда прием был окончен, посланцев Помпея попросили подождать решения царя. Римляне свободно прогуливались по лагерю, где их приезд произвел сенсацию. Они беседовали с солдатами, среди которых верховодили бывшие легионеры Габиния. Многие из них в прежние годы воевали под командованием Помпея, и сейчас они в недоумении спрашивали:

— Почему войско Помпея потерпело поражение? Каково положение сейчас? Что намерен предпринять полководец, до сих пор считавшийся непобедимым?

Посланцы Помпея не ограничивались рассказами о сражении и бегстве. Они старались представить поражение чуть ли не как заранее продуман-

ческий маневр. Более того, они прямо призывали бывших римских солдат, которые сейчас состояли на службе в египетской армии, сохранять верность своему бывшему командиру.

Все эти разговоры тут же стали известны царским советникам, обсуждавшим вопрос о Помпее, и произвели на них весьма неблагоприятное впечатление. Не исключено, что именно это повлияло на исход дебатов.

Советники царя высказывали различные мнения.

Одним из первых взял слово верховный жрец в Мемфисе — Акорея. Под этим именем, которое, очевидно, является искажением какого-то египетского титула, скорее всего выступал супруг Та-Имхотеп — Пшерени-Птах. Он призывал по справедливости оценить заслуги Помпея перед царской семьей. Другие ораторы предлагали не принимать Помпея и не оказывать ему помощи. Их доводы были разумны и справедливы. Они утверждали, что гражданская война римлян — это их внутреннее дело и что Египет должен сохранять строгий нейтралитет.

Затем выступил евнух Потин. Он резко обрушился на позицию верховного жреца. Его аргументация была циничной, но убедительной. Спустя сто лет римский поэт Лукан, вероятно основываясь на достоверных источниках, воспроизвел речь Потина. Вот ее содержание.

Правитель должен всегда быть на стороне судьбы и богов, то есть он должен поддерживать тех, кому сопутствует удача, и пренебрегать людьми в несчастье. Ибо справедливость и корысть далеки друг от друга, как звезды и земля, и различны, как огонь и вода. Престиж властей падает, как только они начинают руководствоваться принципами справедливости. Причиной крушения многих замков была честность их хозяев. Всякая власть ненавистна народу, это бесспорно и всем известно. Что же служит ее защитой и оружием? Свобода совершения преступлений!

Далее Потин обращался непосредственно к своему царю:

— Царь! Помпей попросту пренебрегает тобой из-за твоего юного возраста. Он думает, что ты не решишься прогнать его от берегов своей страны. Для нас же ясно одно: мы должны спасти Египет от вторжения римлян.

То, что не принадлежало Помпею во время войны, не станет добычей его победителя. Полководцу, от которого отрекся целый свет, некуда бежать. Он ищет страну, которая бы вместе с ним кинулась в пропасть. От кого бежит Помпей? Он бежит не только от Цезаря! Он страшится тех сенаторов, которые сейчас по его вино стали пищей коршунов на Фарсальской равнине. Он боится народов, которые он искупал в крови, и царей, которых он затянул в пучину своего поражения. Никто не хочет его принять, и он обращается к нашей стране — ибо ее он еще не погубил!

Следует правильно оценивать силу и возможности своего царства. Помпей в своем падении придавил целый Рим. Какой же опорой для него можешь стать ты, господин? Можешь ли ты воскресить солдат, павших под Фарсалом? Или ты хочешь, чтобы война ворвалась в нашу страну? До сих пор мы не участвовали в ней. Неужели мы примкнем к лагерю Помпея, когда целый свет его покинул?

Впрочем, что бы ни говорили советники царя, весть о том, что посланцы Помпея агитируют солдат в пользу римского полководца, подействовала как удар грома. Аргументы сторонников радикальных мер стали казаться еще более убедительными. Выступивший вслед за Потинем наставник царя, мастер риторики Теодот в своих предложениях пошел еще дальше Потина:

— Отпустить Помпея ни с чем для нас так же опасно, как принять его и окружить заботой. Ибо, оказав ему помощь, мы вызовем гнев Цезаря, а не приняв его, наживем двух врагов. Один возненавидит нас за то, что мы его отвергли, а другой — за то, что ему придется дольше преследовать своего врага. Правильнее всего мы поступим, если сами решим исход гражданской войны римлян. Мы должны склонить победу на сторону Цезаря. Для этого нужно просто убрать Помпея. Так мы завоеваем благодарность Цезаря и навсегда избавимся от опасности со стороны Помпея.

С точки зрения интересов Египта эта позиция была наиболее правильной. Как мог воевавший против своей сестры Птолемея вступить в войну еще и с войском Цезаря, который шел буквально по пятам за Помпеем! Царь оказался бы в тисках: с одной стороны войска Клеопатры, с другой — римская армия. Легко было

предвидеть, что в таком случае Цезарь немедленно договорится с Клеопатрой и признает ее правительницей Египта.

У египтян был еще один выход — схватить Помпея и выдать его Цезарю. В этом случае они поставили бы Цезаря в чрезвычайно затруднительное положение, зато сняли бы с себя ответственность за убийство. Но, как это часто бывает с политиками, стремящимися во что бы то ни стало угодить сильнейшему, египетские сановники проявили излишнее рвение.

Смерть Помпея

Привести в исполнение решение царя и его советников поручили Ахилле, который взял себе в помощники Сальвия и командира Габиниевых солдат Септимия. Оба когда-то сражались с Помпеем. Оба должны были помочь заманить его в ловушку.

На палубе корабля сгрудились сопровождавшие полководца сановники. Все были встревожены и удивлены, увидев приближавшуюся со стороны берега небольшую лодку. В чем дело? Разве так надлежит принимать именитого гостя? Многие считали, что лучше не ждать подхода лодки, а уходить немедленно.

Между тем лодка была уже близко. Септимий поднялся и прокричал латинское приветствие:

— Salve, imperator!

Ахилла обратился к Помпею по-гречески. Он почтительно пригласил полководца сойти в лодку.

— Мы прислали бы за тобой триеру³³, — сказал он, — но здесь отмели, и она не могла бы подойти к берегу.

В это время Помпей и его спутники заметили, что некоторые египетские корабли выполняются людьми, а на берегу в боевом порядке выстроились вооруженные отряды. К чему они готовятся — к торжественной встрече или предательскому нападению? Но в любом случае о бегстве нечего было и думать. Одна лишь такая попытка стала бы поводом к резне.

Помпей решил сойти в лодку. Он поцеловал плачу-

щую Корнелию и в сопровождении двух центурионов, отпущенника Филиппа и верного раба Скифа, стал спускаться в лодку. Ахилла уже протягивал ему руку, а полководец еще раз обернулся к своим и процитировал по-гречески слова поэта Софокла:

— Тот, кто входит в дом тирана, становится рабом, хотя бы и пришел свободным!

Они плыли уже довольно долго, но никто не сказал Помпею ни слова. Он первый прервал молчание.

— Мне кажется, мы были когда-то товарищами по оружию, — сказал он Септимию.

Но тот лишь кивнул головой. Полководец больше не пытался поддерживать разговор. Он занялся чтением речи на греческом языке, которую приготовил для аудиенции у царя.

Берег был уже близок. Корнелия, внимательно следившая за тем, что делается в лодке, вздохнула с облегчением. Когда-то Помпей должен был пристать к лодке, толпой спешили придворные. Казалось, римляне ждут подобающий прием. Опершись на руку Филиппа, полководец поднялся со скамьи, но в ту же минуту Септимий вонзил меч ему в спину. Сальвий и Ахилла тоже обнажили оружие. Помпей не произнес ни слова. Он закрыл голову тогой и с глухим стоном принимал удары.

На корабле Помпея раздался ужасающий крик. Люди не стали ждать приказаний. Немедленно был поднят якорь. Попутный ветер спас римлян от погони.

Помпей погиб накануне дня своего рождения, когда ему должно было исполниться 58 лет. Полководцу отрубили голову и отнесли ее царю, а труп долго еще лежал на песке, на морском берегу. Вокруг толпились любопытные. Отпущенник Филипп остался у останков своего господина. Когда народ разошелся, он обмыл тело морской водой и надел на него свою тунику. Нигде вокруг не было ни деревца. С большим трудом Филипп нашел на берегу обломки рыбацкого челна и сложил из них скромный погребальный костер. Ему помогал неизвестный человек преклонного возраста, который когда-то служил в легионах Помпея.

Рассказ Цезаря

В соответствии с распространенной в древности манерой, чтобы придать изложению видимость беспристрастности, Цезарь в своих дневниках ведет рассказ от третьего лица. Этот стилистический прием имеет чисто внешний характер. Оба сочинения Цезаря, как первое — о войне с галлами, так и второе — о гражданской войне, чрезвычайно тенденциозны и необъективны. Вот что говорит Цезарь в конце третьей книги «Записок о гражданской войне»:

«Цезарь пробыл в Азии лишь несколько дней. Услыхав, что Помпея видели на Кипре, он предположил, что Помпей направляется в Египет по причине близких связей с царствующим домом и разных удобств этой страны. Тогда и сам он прибыл в Александрию с одним легионом, которому приказал следовать за собой из Фессалии, и с другим, который он взял у легата Фуфия Калена и вызвал из Ахайи, с восемью сотнями всадников, с сотней родосских военных кораблей и несколькими азиатскими кораблями. В обоих легионах было около трех тысяч двухсот человек; остальные были больны от ран, полученных в сражении, и изнурены военными тяготами и долгим путем и потому не могли последовать за ним. Но Цезарь так полагался на славу о своих подвигах, что без колебания двинулся в эту экспедицию с недостаточными силами, в расчете, что везде будет в безопасности. В Александрии он узнал о смерти Помпея. Тут же, при выходе с корабля, он вдруг услышал крики солдат, которых царь оставил для охраны города. Оказывается, они бежали толпой на него из-за того, что перед ним понесли фасы³⁴. Толпа заявляла, что этим умаляется царское величество. На этот раз шум затих, но все-таки в следующие за тем дни от стечения народной массы часто происходили беспорядки, и многих из его солдат убивали на улицах в разных частях города.

Тогда он вызвал еще два легиона из Азии, которые были образованы им из Помпеевых солдат. Сам же он вынужден был остаться из-за сильных пассатных ветров, делавших отплытие из Александрии очень затруднительным. Между тем он был убежден, что спор между царем и царевной принадлежит решению рим-

ского народа и его консула и тем более касается его Должности, что именно в его предыдущее консульство, по постановлению народа и сената, был заключен с Птолемеем-отцом союз. Поэтому он заявил, что, по его мнению, царь Птолемей и его сестра Клеопатра должны распустить свои войска и решать свой спор лучше легальным путем перед его трибуналом, чем между собой оружием.

Царством управлял по малолетству царя его воспитатель евнух по имени Пофин⁵⁵. Он, прежде всего, начал жаловаться среди своих приверженцев, что царя вызывают на суд для защиты своего дела. Затем, найдя себе нескольких помощников в задуманном деле среди царских друзей, он тайно вызвал войско из Пелусия в Александрию и командующим всеми силами назначил того же Ахиллу, о котором мы выше упоминали. Соблазнив его обещаниями от себя и от имени царя, он дал ему понять — письменно и через гонцов, — чего от него хочет. В завещании царя Птолемея были названы наследниками старший из двух сыновей и старшая из двух дочерей. Об исполнении этой воли Птолемея в том же завещании заклинал римский народ всеми богами и союзами, заключенными с Римом. Один экземпляр его завещания был через его послов доставлен в Рим для хранения в государственном казначействе (но хранился у Помпея, так как из-за политических смут его нельзя было передать в казначейство); другой с тождественным текстом был оставлен в Александрии и был предъявлен Цезарю запечатанным.

Когда это дело разбиралось перед Цезарем и он всячески старался в качестве общего друга и посредника уладить спор между царем и царевной, вдруг сообщили о прибытии в Александрию царского войска и всей конницы. Силы Цезаря отнюдь не были настолько значительными, чтобы на них можно было положиться в случае сражения вне города. Не оставалось ничего иного, как держаться в подходящих местах внутри города и узнать намерения Ахиллы. Во всяком случае Цезарь приказал своим солдатам быть под оружием, а царя уговорил отправить наиболее влиятельных из своих приближенных послами к Ахилле и объявить ему свою волю.

Посланные им Диоскорид и Серапион, которые пе-

ред этим оба были послами в Риме и пользовались большим влиянием у его отца Птолемея, прибыли к Ахилле. Как только они показались ему на глаза, то он, не давая себе труда выслушать их и узнать о цели их прибытия, приказал схватить их и казнить. Один из них был тяжело ранен, но был вовремя подобран и унесен своими как убитый, а другой был убит на месте. После этого Цезарь овладел особой царя. Он полагал, что царское имя будет иметь большое значение у его подданных, и желал придать делу такой вид, что война начата не столько по воле царя, сколько по частному почину немногих отдельных людей и притом разбойников.

Войска, бывшие под командой Ахиллы, ни по своей численности, ни по личному составу, ни по боевой опытности, по нашему мнению, отнюдь не были ничтожными. У него было под оружием двадцать тысяч человек. Это были прежде всего Габиниевы солдаты, которые уже освоились с александрийской вольной жизнью и отвыкли от римского имени и военной дисциплины; они успели здесь жениться и большей частью имели детей. К ним присоединялись люди, набранные из пиратов и разбойников в провинциях Сирии, Киликии и в окрестных местностях. Кроме того, сюда же сошлись осужденные за уголовные преступления и изгнанники»³⁶.

Рассказ историка

Так пишет Цезарь — просто, сжато, логично. Спокойная деловитость изложения сама по себе вызывает доверие. Ход событий кажется понятным и последовательным.

Сразу после смерти Помпея Цезарь с незначительными силами прибыл в Александрию. Точной даты в тексте нет, но из других источников известно, что это произошло в первые дни октября (по тогдашнему календарю). С самого начала полководец столкнулся с враждебным отношением населения. Поэтому он отдал приказ направить из Малой Азии в Александрию два легиона. Отплыть из города он не мог из-за неблагоприятных ветров. Цезарь попытался уладить спор между царствующими супругами, по его миротворческие уси-

лия были сведены на нет опекуном молодого царя Потинном. Потин увел из-под Пелусия и с ним войска, которыми командовал Ахилла. Ахилла так отчаянно рвался в бой, что не хотел даже выслушать послов Цезаря. Тогда Цезарь установил строгое наблюдение за царем и начал готовиться к обороне той части города, где находился царский дворец. Все эти события произошли в сравнительно короткий срок — с начала октября до первых дней ноября 48 года.

При чтении рассказа Цезаря, казалось бы беспристрастного и убедительного, по размышлении возникают сомнения и вопросы в связи с тем, что Цезарь обходит молчанием весьма существенные моменты. Он, например, ничего не пишет о том, что происходило в течение этого месяца с Клеопатрой, где она находилась — в столице или по-прежнему у египетской границы, под Пелусием, как отнеслась к его попыткам фликти.

Рассказ Цезаря полезно сопоставить с другими источниками. Наиболее обстоятельное изложение тех же событий содержится в «Римской истории» Диона Кассия, написанной по-гречески. Дион жил двумя столетиями позже, но его данные, основанные на изучении более ранних и весьма надежных документов, дневников и хроник, вполне заслуживают доверия и в большинстве случаев, где это можно проверить на основании других источников, представляются весьма достоверными. Вот что рассказывает Дион о прибытии Цезаря в Александрию и о первом периоде его пребывания там:

«Известие о том, что Помпей плывет в Египет, ужаснуло Цезаря. Он опасался, что побежденный полководец захватит эту страну и укрепит свои силы; поэтому он сразу пустился в погоню, однако настичь Помпея живым ему не удалось. Он смело поплыл к Александрии, хотя при нем было мало его людей, потому что он сильно опередил свои войска. Он прибыл в город раньше, чем царь Птолемей вернулся туда из-под Пелусия. В связи с недавними событиями народ в Александрии был сильно возбужден, и Цезарь не решился сойти на берег; его корабль стоял на якоре. Полководец выжидал, пока не увидел голову и перстень Помпея, присланные царем. Только тогда корабль пристал к бе-

регу. Цезарь вышел, сопровождаемый ликторами, что было воспринято народом весьма враждебно; поэтому Цезарь был рад, когда наконец оказался в царском дворце. Напиравшая со всех сторон толпа отобрала у некоторых легионеров оружие; поэтому остальные вернулись на корабли. Они стояли на якоре до тех пор, пока не подошел остальной флот.

Глядя на голову Помпея, Цезарь плакал и горько сетовал. Он вспоминал, что покойный был его зятем; перечислял услуги, которые они когда-то друг другу оказали. А что касается убийц Помпея, то он не только не выказал им благодарности, но даже резко их обвинял. Голову он приказал украсить, тщательно забальзамировать и сохранить. Все это заслуживало бы уважения, но его лицемерие кажется смешным. Ведь с самого начала Цезарь всеми силами стремился к единовластию, а Помпея ненавидел как противника и конкурента. Он действовал во вред Помпею всеми способами, развязал войну, чтобы его погубить, а самому выдвинуться на первое место. И в Египет он прибыл, чтобы окончательно его уничтожить, если бы Помпей был еще жив.

Уверенный, что после смерти Помпея никто больше не будет ему сопротивляться, полководец надолго задержался в Египте. Он собирал деньги и одновременно пытался уладить спор между Птолемеем и Клеопатрой. Народ был сильно возмущен притеснениями и вымогательствами. Особенное негодование вызывало то, что ограблению подвергались даже храмы, а надо помнить, что среди всех народов египтяне отличаются особой приверженностью своим богам; случается, что на этой почве они ведут войны даже между собой, потому что у них бывают разные верования.

Кроме того, египтяне опасались, как бы их правительницей не стала Клеопатра, которая оказывала на Цезаря большое влияние. Все это привело к взрыву возмущения».

О Клеопатре Дион Кассий рассказывает следующее:

«Сначала она хлопотала о себе перед Цезарем через посредников. Потом, узнав, как он падок на женские прелести, сама обратилась к нему с просьбой:

— Поскольку друзья не излагают мои дела верно, я думаю, что мы должны встретиться лично.

Она была прекрасна и сияла очарованием юности.

У нее был прелестный голос, она умела быть обаятельной со всеми. Наслаждением было и смотреть на нее и слушать ее речи. Она могла легко покорить любого человека — даже мужчину, уже немолодого и пресытившегося любовью.

Когда ей разрешили предстать перед диктатором, она приготовилась и нарядилась очень тщательно — так, чтобы, сохраняя достоинство своего сана, одновременно возбудить сочувствие к своему положению изгнанницы. В город и во дворец она проникла тайно, ночью, прячась от Птолемея и его сторонников. Цезарь был покорен сразу, как только увидел ее и услышал ее голос. Тотчас же, не дождавшись рассвета, он послал за Птолемеем. Цезарь старался примирить брата и сестру; недавний судья Клеопатры превратился в ее защитника. Зато молодой человек пришел в бешенство. С криком, что его предали, он кинулся в толпу придворных, сорвал с головы диадему и бросил ее на пол.

Возникло замешательство. Люди Цезаря силой увели царя, а среди египтян продолжались волнения. Они атаковали дворец с суши и моря. И, вероятно, захватили бы его — потому что у римлян не было достаточных сил для защиты, — если бы в последний момент Цезарь, испугавшись, не вышел навстречу атакующим. Он встал в безопасном месте и громко крикнул, что выполнит все их требования.

Позднее диктатор выступил перед народом Александрии. В присутствии Клеопатры и Птолемея он прочитал завещание их отца. В нем говорилось, что брат и сестра по египетскому обычаю должны вместе жить и совместно царствовать под опекой римского народа. Затем Цезарь сказал:

— В качестве диктатора я представляю римский народ. Выполнение воли их отца — мой долг.

Таким образом, он возвел на трон обоих. Младшим детям Птолемея XII, царевне Арсиное и царевичу Птолемею, он отдал остров Кипр. Ибо в то время в египетских владениях, но еще прибавил за счет того, что принадлежало Риму.

Тогда, наконец, пришло успокоение. Но немного позже снова вспыхнули волнения, а потом началась война. Это произошло так.

Царским имуществом управлял евнух Потин. Это он подстрекал египтян, ибо жил в постоянном страхе, что его привлекут к ответственности. Он пришел к тайному соглашению с Ахиллой, который все еще стоял под Пелусием. Постепенно заговор охватил всю армию. Солдаты считали унижительным подчиняться приказам женщины и подозревали, что Цезарь дал власть двоим только для того, чтобы успокоить народ, а со временем он сделает царицей одну Клеопатру. Они считали, что справятся с римским гарнизоном, и стремительно двинулись на Александрию.

Цезаря испугало их число и энергия. Он отправил послов к Ахилле, но не от своего имени, а якобы от Птолемея. Послы передали приказ полководцу немедленно прекратить всякие действия. Но Ахилла разгадал, от кого исходят эти приказы. Он не только не послушался, но еще стал насмехаться над Цезарем как над трусом. Он созвал солдатскую сходку, на которой расхваливал Птолемея и яростно нападал на Цезаря и Клеопатру. Потом он стал подстрекать солдат против послов, хотя оба они были египтянами. Он делал это сознательно: он хотел связать своих людей общим преступлением и таким образом принудить их к дальнейшему ведению войны»⁹⁷.

Рассказ Плутарха

Плутарх родился спустя столетие после гражданской войны между Цезарем и Помпеем. Он жил долго, около восьмидесяти лет. С юности и до последних дней жизни он посвящал все свое время наукам, главным образом философии. Его многочисленные сочинения — это в основном эссе и трактаты на этические, религиозные и литературные темы. Интерес Плутарха к нравственным проблемам преобладает даже в трудах чисто исторических. Биографии выдающихся греков и римлян Плутарх писал, не только руководствуясь желанием приблизить к своим современникам знаменитых исторических деятелей прошлого, но также и для того, чтобы показать, каким образом черты человеческой личности влияют на судьбы общества. Плутарх не стремился дать

исчерпывающее описание тех событий, в которых участвовали его герои. Больше, чем великие исторические события, его порой занимали мелкие, казалось бы, незначительные бытовые подробности, которые могли быть использованы как любопытный портретный штрих или наглядный урок морали. В своих «Сравнительных жизнеописаниях» Плутарх опирался на надежные источники, но использовал их достаточно свободно. В любой биографии можно найти много умолчаний, упрощений и даже просто ошибок, особенно хронологических. Все достоинства и недостатки подобного метода составления биографий видны, в частности, в разделе, посвященном Цезарю. Описание событий в Александрии может служить наглядным примером.

«Цезарь прибыл в Александрию, когда Помпей был уже мертв. Здесь Теодот поднес ему голову Помпея, но Цезарь отвернулся и, взяв в руки кольцо с его печатью, пролил слезы. Всех друзей и близких Помпея, которые, скитаясь по Египту, были взяты в плен царем, он привлек к себе и облагодетельствовал. Своим друзьям в Риме Цезарь писал, что в победе для него самое приятное и сладостное — возможность даровать спасение все новым из воевавших с ним граждан.

Что касается Александрийской войны, то одни писатели не считают ее необходимой и говорят, что единственной причиной этого опасного и бесславного для Цезаря похода была его страсть к Клеопатре; другие выставляют виновниками войны царских придворных, в особенности могущественного евнуха Потина, который незадолго до того убил Помпея, изгнал Клеопатру и тайно злоумышлял против Цезаря. По этой причине, чтобы обезопасить себя от покушений, Цезарь, как сообщают, и начал тогда проводить ночи в попойках. Но Потин и открыто проявлял враждебность — во многих словах и поступках, направленных к поношению Цезаря. Солдат Цезаря он велел кормить самым черствым хлебом, говоря, что они должны быть довольны и этим, раз едят чужое. К обеду он выдавал глиняную и деревянную посуду, ссылаясь на то, что всю золотую и серебряную Цезарь, якобы, отобрал за долги... Потин советовал ему покинуть Египет и заняться великими своими делами, обещая позже вернуть деньги с благодарностью. Цезарь ответил на это, что он меньше всего нуждается в еги-

петских советниках, и тайно вызвал Клеопатру из изгнания.

Клеопатра, взяв с собой лишь одного из друзей, Аполлодора Сицилийского, села в маленькую лодку и при наступлении темноты пристала вблизи царского Дворца. Так как иначе трудно было остаться незамеченной, то она забралась в мешок для постели и вытянулась в нем во всю длину. Аполлодор обвязал мешок ремнем и внес его через двор к Цезарю. Говорят, что уже эта хитрость Клеопатры показалась Цезарю смелой и пленила его. Окончательно покоренный обходительностью Клеопатры и ее красотой, он примирил ее с царем для того, чтобы они царствовали совместно. Во время всеобщего пира в честь примирения раб Цезаря, цирюльник, из трусости (в которой он всех превосходил) не пропускавший ничего мимо ушей, все подслушивавший и выведывавший, проведал о заговоре, подготовляемом против Цезаря военачальником Ахиллой и евнухом Потинном. Узнав о заговоре, Цезарь велел окружить стражей пиршественную залу. Потин был убит, Ахилле же удалось бежать к войску, и он начал против Цезаря продолжительную и тяжелую войну, в которой Цезарю пришлось с незначительными силами защищаться против населения огромного города и большой египетской армии»⁵⁸.

Чем по-настоящему дорожила Клеопатра

Рассказ Плутарха о событиях гражданской войны в Александрии содержит серьезную хронологическую погрешность. Несомненно, это выглядело бы весьма эффектно — во время торжественного пира в честь примирения царской четы Цезарь чуть ли не в последний момент узнаёт об опасном заговоре. Легионеры мгновенно обнажают мечи и окружают праздничные столы. Предатель Потин, смертельно раненный, истекая кровью, падает на мраморный пол, и только Ахилла благодаря своей безграничной отваге вырывается из железного кольца стражи.

В действительности же — а здесь мы скорее должны верить рассказу Цезаря — Ахилла вообще не появлялся

во дворце. С самого начала конфликта он находился с конском иод Пелусием и сносился с Потинном только через посланцев. Это верно, что, узнав о происках Потина, римский полководец приказал убить его; не исключено, что какую-то роль при этом сыграл цирюльник Цезаря и что царского опекуна убили во время пира, но все это случилось позднее, когда гражданская война была уже в разгаре.

Зато вполне заслуживает доверия рассказ Плутарха о встрече Цезаря с Клеопатрой, тем более что он совпадает с описанием этих событий у Диона Кассия. Правда, между обеими версиями есть небольшое расхождение: по Диону, инициатива исходила от Клеопатры, а Плутарх пишет, что диктатор сам вызвал царицу. Впрочем, это не столь существенно. Гораздо интереснее другой факт, который мы должны признать абсолютно бесспорным: Клеопатра проявила тогда поразительную смелость. Прекрасно понимая, что она рискует жизнью, царица не побоялась почти совсем одна приехать в город и проникнуть во дворец, где на каждом шагу ее подстерегали смертельные враги. Если бы ее схватили — в порту или во дворце, — она была бы тут же убита и никто никогда не догадался бы о том, что с ней произошло.

Царица решилась на такое безрассудство, очевидно, потому, что считала свое положение отчаянным. По-видимому, Цезарь все более определенно склонялся на сторону Птолемея и его сановников. И в этом нет ничего удивительного. Клеопатры он тогда еще не знал, и судьба ее была ему совершенно безразлична, а Птолемей и его сторонники уже оказали ему немалые услуги. Какие бы официальные заявления ни делал Цезарь, факт оставался фактом — смерть Помпея была для него даром небес. Клеопатра все это понимала. Поэтому она видела единственный шанс на спасение в личной беседе с диктатором. Но, решившись на такой шаг, царица показала, что власть для нее дороже жизни.

Смелая поездка в Александрийский дворец дает ключ для понимания поступков Клеопатры и в дальнейшем, во многие переломные моменты ее жизни. Царицей всегда и прежде всего руководили честолюбие и жажда власти. Вот почему, проиграв в борьбе за власть, она лишила себя жизни.

Сражение за Восточный порт

Цезарь утверждает, будто он пренебрег опасностью и остался в Александрии из-за неблагоприятных ветров — этесий, которые помешали ему выйти из порта. Какую еще причину мог привести он — государственный муж, консул и диктатор, повелитель Рима? Не мог же он написать в своих записках прямо:

«Я остался в Александрии ради Клеопатры, потому что в случае моего отъезда она оказалась бы в смертельной опасности. Ради нее я сражался с войсками Ахиллы, хотя казалось, что они одним ударом уничтожат горстку моих солдат. Ради нее я пренебрег делами Рима, хотя мои враги накапливали силы и готовились к новым войнам в разных провинциях...».

Однако, несмотря на предусмотрительную сдержанность Цезаря, подлинная причина александрийской войны с самого начала была известна всем. То, о чем деликатно умолчал полководец, дополнили очевидцы событий, свидетельства которых благодаря сочинениям Диона Кассия и Плутарха пережили века. До нас дошли и некоторые мелкие, но небезынтересные подробности о событиях тех лет. Например, то, что в глазах у Цезаря, когда он увидел отрубленную голову Помпея, стояли слезы. Как настоящий мужчина, Цезарь ни разу не упомянул о своем впечатлении от этого ужасного зрелища. Зато лаконизм, с каким он пишет об отправленных к Ахилле послах, вызван причинами менее похвальными. Говоря, будто Ахилла приказал убить послов, даже не выслушав их, Цезарь хочет одного — опорочить египтянина. Действительно, такой поступок египетского военачальника был бы более чем странным. Это драматическое событие с большей достоверностью описано у Диона Кассия. По Диону, Ахилла, сразу разгадав намерения Цезаря, созвал солдатскую сходку, во время которой и были убиты послы. Он сделал это не сам, а подстрекнул своих людей, чтобы посредством преступления теснее связать их с собой.

Как же развивались события после того, как войска Ахиллы вступили в Александрию?

Здесь лучше всего снова предоставить слово Цезарю, потому что его записки все же являются наиболее интересным и непосредственным источником:

«Полагаясь на эти войска и презируя малочисленность отряда Цезаря, Ахилла занял всю Александрию, кроме той части города, которая была в руках Цезаря и его солдат, и уже с самого начала попытался одним натиском ворваться в его дом. Но Цезарь расставил по улицам когорты и выдержал его нападение. В это же время шло сражение и у гавани, и это делало борьбу крайне ожесточенной. Войска были разделены на отряды; приходилось сражаться одновременно на нескольких улицах, и враги своей массой пытались захватить военные корабли. Пятьдесят из них было послано на помощь Помпею, и после сражения в Фессалии они снова вернулись сюда; все это были quadriremy и quinqueremy⁵⁹, отлично снаряженные и готовые для плавания. Кроме них двадцать судов — все палубные — стояли перед Александрией для охраны города. С их захватом враги надеялись отбить у Цезаря его флот, завладеть гаванью и всем морем и отрезать Цезаря от продоволь-

ствия и подкреплений. Поэтому и сражались с упорством, соответствовавшим значению этой борьбы: для одних от этого зависела скорая победа, для нас — наше спасение. Но Цезарь вышел победителем и сжег все эти корабли вместе с теми, которые находились в доках, так как не мог охранять такого большого района малыми силами. Затем он поспешно высадил своих солдат на Фаросе.

Фарос, чудо строительного искусства, — очень высокая башня на острове, от которого она и получила свое имя. Этот остров лежит против Александрии и образует ее гавань. Но прежние цари устроили на море каменную дамбу в девятьсот шагов длиной и таким образом соединили остров с городом узким, похожим на мост путем. На острове находятся дома александрийцев и поселок величиной с город. Те корабли, которые по неосторожности или от бурь меняли свой курс и попадали сюда, делались добычей жителей Фароса, которые грабили их, точно пираты. Но против воли тех, кто занимает Фарос, ни один корабль не может войти в гавань вследствие узости прохода. Именно этого и боялся Цезарь; поэтому в то время как враги были заняты сражением, он высадил туда солдат, захватил Фарос и поставил там гарнизон. Таким образом, и провиант, и подкрепления могли безопасно подходить к нему морским путем. Он разослал гонцов по всем ближайшим провинциям и вывел оттуда вспомогательные войска. В остальных частях города сражения оканчивались вничью. Ни одна из сторон не была отогнана (этому мешала узость места), и лишь немногие с обеих сторон оставались на поле битвы. Цезарь занял наиболее необходимые места и за ночь укрепил их. В той стороне города была часть царского дворца, где вначале Цезарю отвели помещение. К ней примыкал театр, который образовывал своего рода крепость с свободным доступом к гавани и к царской верфи. Эти укрепления Цезарь в следующие дни усилил так, чтобы они служили ему стеной и не приходилось бы принимать бой против воли. Между тем младшая дочь царя Птолемея, в надежде овладеть вакантным престолом, удалилась из дворца к Ахилле и вместе с ним стала руководить военными действиями. Но скоро между ними начались споры о первенстве, вследствие чего увеличались подарки солдатам, так как каждый привлекал их

на свою сторону не иначе, как **ценой** больших жертв. В то время как враги были заняты этим, Пофин (воспитатель молодого царя и правитель царства, находившийся в городской части, занятой Цезарем) посылал к Ахилле гонцов и ободрял его продолжать начатое **дело** и не падать духом. Но эти посредники были выданы и арестованы, и Цезарь приказал казнить Пофина»⁶⁰.

Этот рассказ Цезаря, как и предыдущий, требует дополнительных пояснений, касающихся трех моментов.

Прежде всего — об острове Фарос. При чтении приведенного отрывка может показаться, что Цезарь захватил весь остров. Но из всего дальнейшего ясно следует, что римляне первоначально овладели лишь небольшим восточным мысом Фароса. Правда, эта часть острова представляла собой наиболее выгодную стратегическую позицию, потому что именно там высился огромный маяк, прикрывавший вход в Восточный порт. Остальная же часть длинного и узкого острова, где находились жилые районы, оставалась в руках неприятеля. Благодаря этому египтяне господствовали над Западным портом.

Второй вопрос связан с упоминанием о пожаре. Цезарь говорит, что он приказал сжечь верфи и стоявшие в гавани корабли, потому что у него не хватало солдат, чтобы захватить их. Некоторые более поздние писатели древности сообщают, что огонь уничтожил часть знаменитой Александрийской библиотеки, крупнейшего книгохранилища античного мира, в котором благодаря щедрости Птолемеев были собраны почти все произведения греческой литературы. Однако утверждения о пожаре в библиотеке относятся к более позднему времени и содержат некоторые неясности. Хорошо известно, что на протяжении семи последующих веков, вплоть до нашего времени, Александрийская библиотека продолжала считаться исключительно богатой. Поэтому мы должны предположить, что в рассказах о пожаре содержится ошибка или преувеличение. Скорее всего, сгорели какие-то свитки папирусов, но не в самой библиотеке, а в прибрежных складах. При чтении Цезаря возникает еще один, может быть самый интересный, вопрос.

Население Александрии относилось к римлянам чрезвычайно враждебно. При этом часть жителей оказалась внутри римских укреплений, в районе царского дворца и театра. Почему они были пассивны? Каким образом

горстка солдат Цезаря — всего несколько тысяч человек — смогла удержать в повиновении огромную массу людей, десятки тысяч? Если бы александрийцы восстали и в этой части города, римляне были бы уничтожены в течение нескольких часов. Но они не восстали. Почему?

Ответ очень прост. Часть города, в которой укрепился Цезарь, была населена в основном иудеями, дружелюбно относившимися к римскому полководцу. Они считали Цезаря врагом Помпея, одержавшим над ним победу. Помпею не простили того, что несколько лет назад он захватил Иерусалим и осквернил иерусалимский храм. Цезарь же казался им справедливым мстителем и исполнителем божественного предначертания.

Можно сказать без преувеличения: в самые критические моменты войны Цезаря и Клеопатру спасло благожелательное отношение иудейского населения столицы. По прихоти судьбы опрометчивый шаг, сделанный Помпеем около пяти лет назад, привел к тому, кто был повинен в его гибели.

Арсиноя и Ганимед

Дневники Цезаря заканчиваются кратким упоминанием о том, как был разоблачен и убит Потин. Несомненно, автор продолжил бы свой рассказ, но 15 марта 44 года кинжалы заговорщиков положили конец его жизни и трудам.

Что же касается Арсинои и Ганимеда, то о них сохранился довольно подробный рассказ Диона Кассия.

«Евнуху Ганимеду удалось вывести Арсиною из царского дворца и переправить в лагерь египтян. Сделать это было не трудно, так как римляне не слишком внимательно следили за царевной. Александрийцы сразу провозгласили Арсиною царицей и, получив предводительницу из рода Птолемеев, стали сражаться с еще большим воодушевлением. А Цезарь из опасения, что Потин выкрадет самого царя, приказал убить евнуха. Мальчика стали сторожить очень строго, отбросив всякие приличия. Это возмутило египтян. К тому же их ряды непрерывно росли, тогда как римляне не получали никаких подкреплений. Крайне обеспокоенный всем этим, Цезарь предпринял кое-какие попытки повлиять

на александрийцев и хоть немного их успокоить. Он велел привести молодого царя на возвышенное место откуда его было хорошо видно и слышно, и приказал ему громко сказать народу, что никто не причиняет ему зла и что он всей душой стремится к окончанию войны и примет личное участие в мирных переговорах и заключении соглашения. Если бы Птолемей говорил все это по своей воле, он, наверное, убедил бы александрийцев прекратить войну. Но, понимая, что царь действует по распоряжению Цезаря, жители Александрии не сдались.

Вскоре в лагере сторонников Арсинои возник конфликт. Ганимеду удалось спровоцировать убийство Ахиллы, он объявил его предателем, из-за которого александрийцы якобы потерпели поражение в битве за Восточный порт, и взял на себя верховное командование египетским войском»⁶¹.

Но наибольшее значение для нас имеет то, что в столице Египта мы находим не у Диона Кассия, а в небольшом латинском сочинении под названием «Александрийская война», которое является продолжением дневников Цезаря, но принадлежит, бесспорно, не ему. Совершенно ясно, что это произведение написано современником описываемых событий, возможно, даже очевидцем или участником, то есть кем-нибудь из римских военачальников. Некоторые из ученых нового времени среди других имен называют Авла Гирция, который, как известно, закончил воспоминания Цезаря о войне с галлами. Однако в этом вопросе еще не все ясно, и авторство Гирция остается сомнительным.

«Александрийская война» начинается описанием оборонительных мероприятий Цезаря в первые дни осады. Мы узнаём, в какие страны диктатор обратился за помощью и какие фортификационные работы проводил: некоторые участки города он приказал укрепить, в других были снесены все дома. Главная задача Цезаря заключалась в том, чтобы отрезать от города южный район, расположенный вблизи нильского канала. Здесь он имел бы пресную воду и пастбища для лошадей. Но этой Цели полководец не достиг.

Автор трактата должным образом оценивает и энергию александрийцев. Вот как он об этом пишет:

^a «Но и александрийцы действовали без промедления задержек. Они послали уполномоченных и вербовщи-

ков для набора во все стороны, куда только распространяется область и царство египетское, свезли в город большое количество оружия и метательных машин и сосредоточили в нем бесчисленное множество вооруженных людей. Равным образом в городе были заведены очень большие оружейные мастерские. Кроме того, были вооружены взрослые рабы; ежедневное пропитание и жалование давали им их господа — те, которые были побогаче. Расставив повсюду эту массу, александрийцы охраняли, таким образом, укрепления даже в отдаленных частях города, а свободные от другой службы когорты из старых солдат они держали в людных кварталах, чтобы иметь возможность посылать на помощь против неприятеля свежие силы всюду, где шел бой. Все улицы и закоулки были перегорожены валом (он был сделан из квадратных камней и имел в высоту не менее сорока футов), а нижние части города были укреплены высокими башнями в десять этажей. Кроме того, были построены другие подвижные башни во столько же этажей. Их двигали на колесах канатами и лошадьми по прямым улицам всюду, где было нужно.

Очень богатый и обильно снабженный город обеспечивал все нужды населения. Сами его жители, люди изобретательные и остроумные, воспроизводили все, что видели у нас, с такой ловкостью, что, казалось, именно наши подражали их работе, да многое они и сами изобретали. Таким образом, они не только защищали свои укрепления, но и угрожали нашим. Их главарь так говорил на совещаниях и сходках: римский народ мало-помалу привыкает к мысли захватить это царство в свои руки. Несколько лет тому назад стоял в Египте со своими войсками А. Габиний; туда же спасался бегством Помпей, теперь пришел с войсками Цезарь, и смерть Помпея нисколько не помешала Цезарю оставаться у них. Если они его не прогонят, то царство их будет обращено в римскую провинцию.

Тем временем, как выше было указано, возникли раздоры между начальником ветеранов Ахиллой и младшей дочерью царя Птолемея — Арсиной, причем оба они строили козни друг против друга и каждый стремился присвоить себе верховную власть. С помощью своего воспитателя, евнуха Ганимеда, Арсиноя опередила Ахиллу и приказала убить его. После его смерти

она одна, без товарищей и без опеки, держала в своих руках всю власть. Войско было передано Ганимеду. Последний, взяв на себя эту должность, увеличил подарки солдатам, но всем остальным руководил с такой же бдительностью, как Ахилла»⁶².

Битва за воду

«Почти вся Александрия,— продолжает свой рассказ автор „Александрийской войны“,— подрыта и имеет подземные каналы, которые идут к Нилу и проводят воду в частные дома, где она мало-помалу осаживается и очищается. Ее употребляют домохозяева и их челядь; ибо та вода, которая идет прямо из Нила, до того илиста и мутна, что вызывает много различных болезней. Но тамошний простой народ и вообще все население по необходимости довольствуется ею, так как во всем городе нет ни одного источника. Но эта река находилась в той части города, которая была в руках александрийцев. Это навело Ганимеда на мысль, что римлян можно отрезать от воды; будучи распределены для охраны укреплений по кварталам, они брали воду из каналов и водоемов частных домов.

Его план был одобрен, и он теперь приступил к этому трудному и важному делу. Прежде всего он приказал заложить подземные каналы и отгородить все части города, которые занимал сам. Затем по его распоряжению начали энергично выкачивать массу воды из моря вальками и машинами и беспрерывно пускать ее с верхних местностей в ту часть, где был Цезарь. Вследствие этого вода, которую там добывали из ближайших домов, стала солонее обыкновенного, и люди очень изумлялись, почему это случилось. Но они не доверяли самим себе, так как жившие ниже их говорили, что вода, ими употребляемая, сохранила прежнее качество и вкус; поэтому они вообще стали сравнивать ту и другую воду и определять их разницу на вкус. Но через короткое время ближайшая к неприятелю вода стала совсем негодной к Употреблению, а вода в нижних местах оказывалась испорченной и более соленой.

Когда, таким образом, были устранены все сомнения,

то солдатами овладел такой страх, что все стали считать себя стоящими на краю гибели, некоторые упрекали Цезаря за то, что он медлит с приказом садиться на корабли, другие боялись худшего, ввиду того что приготовлений к бегству нельзя было скрыть от александрийцев, которые так близко от них находились, да и отступление на корабли оказалось совершенно невозможным, когда те стали бы насаждать и преследовать их.

В части, занимаемой Цезарем, было много горожан, которых он не выселил из их домов, так как они наружно притворялись верными нам и казались изменившими своим. (Но, по моему мнению, если бы пришлось защищать александрийцев от обвинения в лживости и легкомыслии, то много слов было бы потрачено попусту, стоит только познакомиться с их национальными и природными свойствами и тогда ни для кого не останется уже сомнения в чрезвычайно большой способности этого народа к предательству.)

Цезарь старался уменьшить страх своих людей утешениями и ободрениями: пресную воду можно добыть, если вырыть колодцы, так как все морские берега имеют от природы пресноводные жилы. Если же египетский берег по своим природным свойствам отличается от всех других, то ведь римляне беспрепятственно владеют морем, а у неприятеля нет флота; следовательно, им нельзя помешать добывать воду морским путем — или слева, из Паретония, или справа, с острова; так как оба эти рейса направляются в разные стороны, то противные ветры никоим образом не могут одновременно сделать их неосуществимыми. О бегстве нечего и думать не только людям, занимающим первые ранги, но даже и тем, которые помышляют исключительно о спасении своей жизни. Очень трудно выдерживать атаки неприятелей уже теперь, укрываясь за укреплениями; если же оставить эти укрепления, то нельзя будет сравняться с неприятелем ни по численности, ни по позициям. Посадка на корабли трудна и требует много времени, особенно с лодок; александрийцы же очень проворны и хорошо знают местность и дома. Победа только увеличит их гордость, и они ринутся вперед, захватят раньше нас высокие места и дома и, таким образом, помешают нашим бежать на корабли. Поэтому лучше забыть об этом

плане и думать только о том, что надо во что бы то ни стало победить.

Снова подняв такой речью мужество у своих солдат, Цезарь поручил центурионам временно оставить все другие работы, обратить все внимание на рытье колодцев и не прекращать его даже ночью. Все взялись за дело, напрягши свои усилия, и в одну ночь открыли пресную воду в большом количестве. Таким образом, все хлопотливые ухищрения и сложные попытки александрийцев были парализованы кратковременным трудом»⁶³.

Прибытие 37-го легиона

После окончания бескровного сражения за воду произошло, как рассказывает автор «Александрийской войны», еще одно драматическое событие, которое могло привести римлян к поранению, однако закончилось их победой.

«Через два дня после этого пристал к берегам Африки, несколько выше Александрии, посаженный на корабли Домицием Кальвином 37-й легион из сдавшихся Помпеевых солдат, с хлебом, всякого рода оружием и метательными машинами. Эти корабли не могли подойти к гавани из-за восточного ветра, дувшего много дней подряд; но вообще вся местность там очень удобна для стоянки на якоре. Однако так как экипаж надолго задержался и начал страдать от недостатка воды, то он известил об этом Цезаря, послав к нему быстроходное судно.

Желая принять самостоятельное решение, Цезарь сел на корабль и велел всему флоту следовать за собой, но солдат с собой не взял, так как предполагал отплыть на Довольно большое расстояние и не хотел оставлять укрепления беззащитными. Когда он достиг так называемого Херсонеса и высадил гребцов на сушу за водой, то некоторые из них в поисках добычи зашли слишком далеко от кораблей и были перехвачены неприятельскими всадниками. Те узнали от них, что Цезарь сам лично пришел с флотом, но солдат у него на борту нет. Это известие внушило им уверенность, что сама судьба Дает им очень благоприятный случай отличиться. Поэтому александрийцы посадили на все готовые к пла-

ванию корабли солдат и вышли со своей эскадрой на встречу возвращавшемуся Цезарю. Он не желал сражения в этот день по двум причинам: во-первых, у него совсем не было на борту солдат, во-вторых, дело бы то после десятого часа дня, а ночь, очевидно, прибавила бы самоуверенности людям, полагавшимся на свое знание местности; между тем для него оказалось бы недействительным даже крайнее средство — ободрение солдат, так как всякое ободрение, которое не может отличить ни храбрости, ни трусости, не вполне уместно. Поэтому он приказал все корабли, какие только можно было, вытащить на сушу там, куда, по его предположениям, не могли подойти неприятели.

На правом фланге у Цезаря был один родосский корабль, находившийся далеко от остальных. Заметив его, враги не удержались и, в числе четырех палубных и нескольких открытых кораблей, стремительно атаковали его. Цезарь принужден был подать ему помощь, чтобы не подвергнуться на глазах неприятелей позорному оскорблению, хотя и признавал, что всякое несчастье, которое может с ним случиться, будет заслуженным. В начавшемся затем сражении родосцы проявили большой пыл: они вообще во всех боях отличались своей опытностью и храбростью, а теперь в особенности не отказывались принять на себя всю тяжесть боя, чтобы устранить разговоры о том, что урон понесен по их вине. Таким образом, сражение завершилось полным успехом. Одна неприятельская квадриема была взята в плен, другая потоплена, две лишились всего своего экипажа; кроме того, и на остальных кораблях было перебито множество солдат. И если бы ночь не прервала сражения, то Цезарь овладел бы всем неприятельским флотом. Это поражение навело ужас на неприятелей, и Цезарь со своим победоносным флотом, при слабом противном ветре, отшел на буксире грузовые корабли в Александрию.

Александрийцы видели, что их победила не храбрость солдат, но опытность моряков. Поражение это так сокрушило их, что они готовы были отказаться от защиты даже своих домов, и загородились всем бывшим у них строевым лесом, опасаясь даже нападений нашего десанта на сушу. Но Ганимед на собрании поручился за то, что он не только заменит потерянные корабли новыми, но и вообще увеличит их число; и тогда те же

александрийцы с большими надеждами и уверенностью стали поправлять старые корабли и отдались этому делу со всем старанием и увлечением. Хотя они потеряли в гавани и в арсенале более ста десяти кораблей, однако не отказались от мысли о восстановлении своего флота. Они понимали, что при наличии у них сильного флота для Цезаря будет невозможен подвоз подкреплений и провианта. Кроме того, как жители приморского города, они были прирожденными моряками и с детства имели дело с морем. Поэтому они стремились извлечь пользу из этого естественного и местного преимущества, так как видели, каких больших успехов они достигли даже со своими маленькими судами.

Итак, они употребили все свои силы на создание флота.

Во всех устьях Нила были расставлены сторожевые суда для взимания портовой пошлины; в секретном царском арсенале имелись старые корабли, которые уже много лет не употреблялись для плавания; их они стали чинить, а сторожевые суда вернули в Александрию. Не хватало весел: снимали крышу с портиков, гимнасиев и общественных зданий, и планки заменяли весла; в одном им помогала природная ловкость, в другом городские запасы. Наконец, они готовились не к дальнему плаванию, но думали только о нуждах настоящего момента и видели, что предстоит бой в самой гавани. Поэтому в несколько дней они построили, вопреки всем ожиданиям, двадцать две квадриемы и пять квинкверем; к ним они прибавили несколько судов меньшего размера и беспалубных. Устроив в гавани пробную греблю для проверки годности каждого отдельного судна, они посадили на них надежных солдат и вполне приготовились к бою.

У Цезаря было девять родосских кораблей (послано было ему десять, но один затонул в пути у египетских берегов), понтийских — восемь, киликийских — пять, азиатских — двенадцать. Из них было десять квинкверем и квадрирем, остальные были меньшей частью беспалубные. Однако, полагаясь на храбрость своих солдат и зная силы врагов, он стал готовиться к решительному бою»⁶⁴.

Сражение в Западном порту

«Когда обе стороны прониклись уверенностью в своих силах, Цезарь объехал со своим флотом Фарос и выстроил свои суда против неприятеля: на правом фланге он поместил родосские корабли, на левом — понтийские. Между реста шагов, который казался достаточным для развертывания кораблей. Остальные корабли стояли за этой первой линией в качестве резерва, причем каждому резервному кораблю было указано, за каким кораблем первой линии должен он следовать и какому приходить на помощь. Александрийцы также без колебания вывели и выстроили свой флот. Во фронте у них было двадцать два корабля, остальные занимали в качестве резерва вторую линию. Кроме того, они взяли с собой большое количество судов меньшего размера и лодок с зажигательными стрелами и бочками, которыми могли бы зажечь корабли и лодки наших. Между двумя флотами были отмели с узким проходом, прилегающие к Африке (александрійцы утверждают, что их город наполовину находится в Африке). Обе стороны долго выжидали, какой из флотов начнет проходить, так как очевидно было, что те, которые войдут, должны будут встретиться с большими затруднениями как при развертывании своего флота, так и при отступлении — в случае, если их постигнет несчастье.

Родосскими кораблями командовал Эвфранор, которого по мужеству и храбрости следует сравнить скорее с нашими соотечественниками, чем с греками. Родосцы выбрали его главным командиром своего флота именно за его всем известную опытность в морском деле и мужество. Как только он заметил, что Цезарь колеблется, он сказал ему: мне кажется, Цезарь, ты боишься, что если ты войдешь в эти отмели с первыми кораблями, то вынужден будешь принять сражение прежде, чем успеешь развернуть остальной флот. Предоставь это дело нам: мы выдержим сражение, и ты в нас не ошибешься, лишь бы только остальные немедленно последовали за нами. Но вот то, что враги так долго хвастаются у нас на глазах, — это для нас очень позорно и обидно. Цезарь, с своей стороны, воодушевил его и вся-

чески похвалил, а затем дал сигнал к бою. Когда четыре родосских корабля прошли за отмель, то александрийцы окружили их и атаковали. Те выдержали эту атаку и стали развертываться с большим искусством и ловкостью. Специальная подготовка родосских моряков проявилась в том, что они не отступили ни на шаг: при неравном числе боевых сил все-таки ни один корабль не стал бокком к неприятелю, ни у одного не были сбиты весла, и при каждой неприятельской атаке они шли фронтом. Тем временем подошли прочие корабли. Тогда, вследствие узости прохода, уже по необходимости было оставлено искусство, и судьба боя определялась исключительно храбростью сражающихся. А в Александрии все без исключения — как наши, так и горожане — перестали думать о шанцевых работах и о боях друг с другом, но всецело сосредоточились на том, чтобы, высматривая вездех, откуда открывался вид, удобные пункты, чтобы следить за боем; в молитвах и обетах они просили у бессмертных богов победы для своих соотечественников...

В этом сражении взята была в плен одна квинкверема и одна бирема⁶⁵ с солдатами и греками. Остальные корабли, в то время как наши все остались невредимыми. Остальные суда спаслись бегством к городу вследствие близости расстояния; там их защитили с плотины и с высоких зданий над ней, а нашим не дали подойти ближе»⁶⁶.

Сражение за остров Фарос и дамбу

«Чтобы подобные случайности больше не повторялись, Цезарь решил приложить все усилия к овладению островом и примыкающей к нему плотиной. Так как его укрепления в городе были в значительной степени готовы, то он был уверен в возможности единовременной попытки напасть и на остров, и на город. Согласно с этим планом, он посадил на небольшие суда и лодки десять когорт вместе с отборными легковооруженными солдатами и наиболее надежными галатскими всадниками. А на другую часть острова он напал с палубным флотом, имея целью разъединить неприятельские силы;

тем, кто первый возьмет остров, он обещал большие награды. Сначала фаросцы выдержали нашу атаку: они одновременно отбивались с крыш и с оружием в руках защищали берега, куда нашим нелегко было подойти вследствие крутизны; наконец, они охраняли узкий проход лодками и военными судами, действуя с быстротой и со знанием дела. Но как только наши, познакомившись с местностью и нащупав брод, твердо стали на берегу, а за ними немедленно последовали другие и энергично атаковали на ровном берегу врага, то все фаросцы обратились в бегство. Оставив охрану гавани, они причалили к берегам и к поселку и бросились с кораблей на сушу для защиты своих домов.

Но и за укреплениями они не могли долго продержаться. Правда, их дома, если сравнивать малое с большим, были по своей постройке довольно похожи на александрийские, и их высокие, соединенные друг с другом башни служили оборонительной стеной, тогда как наши не запаслись лестницами, фашинами и другими материалами для штурма. Но страх отнимает у людей ум и сообразительность и ослабляет физические силы, что тогда и случилось. Те самые люди, которые надеялись помериться с неприятелем на ровном и открытом месте, теперь были уstraшены бегством своих и гибелью весьма немногих из них. Они не осмелились держаться в домах на высоте тридцати футов, бросились с плотины в море и проплыли до города расстояние в девятьсот шагов. Но многие из них были взяты в плен и убиты. Вообще же пленных было шесть тысяч.

Цезарь разрешил солдатам воспользоваться добычей и приказал разграбить дома. Форт у моста поблизости от Фароса он укрепил и поставил там гарнизон. Бежавшие фаросцы оставили его; другой мост, более крепкий, по соседству с городом, охраняли александрийцы. Но Цезарь на другой день атаковал и его, так как видел, что занятие их обоих воспрепятствует выходу александрийских кораблей и внезапным разбойничьим набегам. Он уже успел выбить метательными орудиями и стрелами с кораблей тех, которые занимали этот пункт военной силой, и отогнал их назад в город, а также высадил на сушу около трех когорт — больше не могло поместиться вследствие узости места; остальные его силы несли караульную службу на кораблях. После этого он

приказал построить на мосту вал против неприятеля, а то место под сводами мостовой арки, где был проход для кораблей, заложить камнями и застроить. Одна из этих работ была уже окончена, так что ни одна лодка не могла пройти, другая работа была начата. Тогда все александрийские силы бросились из города и стали против укреплений моста на более широком месте; в то же время они поставили у плотин те суда, которые обыкновенно высылались для поджога кораблей. Наши сражались с моста и с кораблей перед плотиной.

Пока Цезарь был занят этими делами и ободрением солдат, на плотину бросилось с наших военных кораблей большое количество гребцов и флотских солдат. Часть их была привлечена любопытством, другая также желанием сразиться. Сперва они начали бой, чтобы отогнать неприятельские корабли от плотины, и, сражаясь камнями и пращами, массой пускаемых снарядов, казалось, много содействовали нашему успеху. Но после того, как несколько дальше от этого места, на их незащищенном фланге, осмелилось высадиться с кораблей небольшое количество александрийцев, наши начали спасаться бегством на свои суда так же беспорядочно, как и проникли сюда, — без знамен и не держа строя. Ободренные их бегством, александрийцы стали уже в большем количестве высаживаться со своих судов и, пользуясь замешательством наших, начали еще энергичнее преследовать их. Вместе с тем и те, которые остались на военных кораблях, спешили хватать лестницы и отваливать, чтобы неприятели не овладели кораблями. Наши солдаты, принадлежавшие к тем трем когортам, которые стояли на мосту и в начале плотины, также были уstraшены всем происходящим: сзади себя они слышали крики и видели бегство своих, а с фронта должны были выдерживать массу пускаемых в них снарядов; ввиду этого, боясь быть обойденными с тылу, а с уходом кораблей и вообще отрезанными от отступления, они бросили начатое на мосту укрепление и пустились бежать к кораблям. Часть из них добралась до ближайших кораблей, но те, от множества людей и тяжести, потонули вместе с ними; другая часть пыталась сопротивляться, но не знала, что предпринять, и была перебита александрийцами. Некоторым посчастливилось: они достигли кораблей, готовых к отплытию, и

уцелели; немногие, подняв над собой щиты и напрягая все душевные силы, доплыли только до ближайших кораблей.

Цезарь, насколько мог, старался ободрениями удерживать своих солдат у моста и укреплений, но и сам он находился в такой же опасности; когда же он заметил, что все до одного отступают, то спасся на свой корабль. Но следом за ним туда же ломилась масса народа, так что не было возможности ни управлять кораблем, ни оттолкнуться. Предполагая то, что и случилось, он бросился с своего корабля и доплыл до судов, стоявших дальше. Отсюда он посылал лодки своим изнемогавшим людям и таким образом спас некоторых. Но собственный его корабль, перегруженный множеством солдат, погиб вместе с людьми. В этом сражении Цезарь потерял около четырехсот легионеров и немного более того флотских солдат и гребцов. Александрийцы поставили на этом месте форт и укрепили его сильными шанцами и метательными машинами, а из моря снова удалили камни и таким образом очистили проход для своих судов»⁶⁷.

Так на основании рассказа автора «Александрийской войны» можно представить себе ход сражения за Фарос и дамбу. Другие античные источники лишь вскользь упоминают об этих событиях, зато сообщают некоторые живописные подробности о спасении Цезаря. Так, по Светонию, полководец проплыл около двухсот футов с поднятой над водой левой рукой, стараясь не замочить находящихся в ней важных документов, а полу своего пурпурного плаща держал в зубах, чтобы не оставить его врагу в качестве трофея. Дион Кассий описывает этот эпизод несколько иначе. И он говорит, что Цезарь все время держал в левой руке документы, но плащ, по его словам, полководец скинул, потому что он мешал ему плыть и служил мишенью для неприятеля. Этот плащ александрийцы выловили из воды и повесили около памятника победы, который был установлен на месте сражения»⁶⁸.

Автор «Александрийской войны» особо подчеркивает, что поражение не только не обескуражило римских солдат, но даже увеличило их энергию в атаках на неприятельские позиции. Ободрения Цезаря не были нужны; напротив, скорее приходилось удерживать легионеров от наиболее опасных вылазок.

«Таким образом,— продолжает автор,— александрийцы видели, что удача придает римлянам силу, а неудачи — мужество. Какой-либо третьей военной комбинации, способной усилить их самих, сколько мы можем предполагать, у них не было. И вот,— то ли по совету царских друзей, находившихся у Цезаря под охраной, то ли согласно со своим прежним замыслом,— они отправили, с одобрения царя, с которым были в тайных сношениях, угодных ему лиц к Цезарю, просивших отпустить царя и позволить ему вернуться к своим и указавших, что все население, которому чрезвычайно надоело временное царствование девочки и жестокая тирания Ганимеда, готово повиноваться всем приказам царя и что если по его воле они должны будут перейти под покровительство Цезаря и заключить с ним дружественный союз, то населению нечего будет бояться, и тем будут устранены препятствия для сдачи.

Хотя Цезарь хорошо знал этот лживый народ, который думает одно, а для виду делает другое, однако счел целесообразным согласиться на их просьбу в уверенности, что если они действительно желают того, о чем просят, то отпущенный им царь останется ему верным, если же,— что более соответствовало их характеру,— они хотят иметь в лице царя вождя для ведения войны, то для него будет благовиднее и почетнее вести войну с царем, чем с шайкой пришлых авантюристов и беглых рабов. Поэтому он стал уговаривать царя подумать об отцовском царстве, посадить свой славный родной город, обезображенный отвратительными пожарами и разрушениями, своих сограждан прежде всего образумить, а затем спасти, доказать свою верность римскому народу и ему, так как сам он, со своей стороны, настолько доверяет царю, что отпускает его к вооруженным врагам римского народа. Тут он взял взрослого мальчика за правую руку и стал с ним прощаться. Но

молодой царь, приученный к величайшему лукавству в полном соответствии с характером своего народа, стал, наоборот, со слезами молить Цезаря не отпускать его: самый трон не так ему мил, как вид Цезаря. Цезарь успокоил плакавшего мальчика, слезы которого, однако, подействовали на него самого, и отпустил его к своим с обещанием скорого свидания, если его чувства действительно искренни. Тот, словно его выпустили из клетки на открытую арену, так энергично повел войну против Цезаря, что слезы, которые он обронил при прощании, были, очевидно, слезами радости. Многие легаты, друзья, центурионы и солдаты Цезаря радовались случившемуся, именно тому, что над чрезмерной добротой Цезаря насмеялся лукавый мальчик, словно Цезарь в данном случае действовал только под влиянием доброты, а не из высших практических соображений.

Получив теперь вождя, александрийцы стали, однако, замечать, что ни сами они не сделались сильнее, ни римляне слабее; кроме того, к их великому огорчению, солдаты начали издеваться над юностью и слабостью царя. Убеждаясь в безуспешности всех своих действий и ввиду возникающих слухов, что к Цезарю идут сухим путем сильные подкрепления из Сирии и Киликии (о чем, однако, сам Цезарь еще не слыхал), они решили перехватить провиант, который шел морем к римлянам. Поэтому, расставив на карауле у Канона в удобных местах готовые к плаванию суда, они подстерегали наших и их транспорт. Как только об этом дали знать Цезарю, он приказал изготовить и снарядить весь флот, а командование над ним поручил Тиберию Нерону. В этой эскадре были и родосские корабли под командой Эвфранора, без которого не обошлось ни одно из сражений, которые происходили в это время. В результате постоянных стычек на суше и на море войска Цезаря понесли большой урон.

не подал никто — может быть, потому, что ввиду его храбрости и счастья считали его самого достаточно сильным, а монет быть, и потому, что боялись за себя. Таким образом, тот, кто один из всех в этом сражении отличился, тот один и погиб со своей победоносной квадримой»⁶⁹.

Похвалой отважному Эвфранору заканчивается описание морского сражения под Каноном. Об исходе сражения автор не пишет. Если последнюю фразу приведенного отрывка понимать буквально, то можно подумать, что результат сражения был неблагоприятным для римлян. Между тем другие источники сообщают, что Цезарю удалось сохранить выход к морю и подвоз продовольствия не был прерван. Светоний утверждает, что римские корабли одержали победу благодаря своему командиру, Тиберию Нерону. Рассказывая о битве под Каноном, автор «Александрийской войны», по-видимому, дал волю своим личным симпатиям и антипатиям; он, несомненно, был близким другом Эвфранора, поэтому он восхваляет и превозносит его даже в ущерб Тиберию. (Кстати, Тиберий был отцом того Тиберия Нерона, который через шестьдесят лет стал римским императором.)

Подкрепления

По тогдашнему календарю был февраль или март 47 года. Бои шли уже почти полгода, но не принесли ни одной из сторон решительного перевеса. Несмотря на то, что римляне не раз получали подкрепления, все сражения по-прежнему нуждались в подкреплениях. В результате постоянных стычек на суше и на море войска Цезаря понесли большой урон.

К счастью, слухи, которые еще раньше доходили до жителей Александрии, оказались правдивыми. К защитникам дворца приближалась помощь. Вдоль палестинского побережья по суше шли подкрепления из Сирии и Киликии. И вот что удивительно — это не были римские легионы! В состав разноязычного войска входили сирийские, финикийские, арабские, греческие, иудейские отряды; собственно римлян там было немного. Жители стран и городов, расположенных между Евфратом

и Синайским полуостровом, посылая помощь Цезарю, заботились главным образом о том, чтобы заслужить благодарность повелителя Рима. Правда, известную роль могла сыграть и всеобщая в тех местах ненависть к египтянам.

Войско, шедшее на помощь Цезарю, организовал и возглавлял тоже неримлянин. Это был Митридат, родившийся в прославленном городе Малой Азии — Пергаме. В нем текла кровь иранская, греческая, а по матери даже кельтская. Митридат рос и воспитывался при дворе царя Понта, которого тоже звали Митридатом. Обе семьи, понтская и пергамская, были связаны родством. Царь Понта трижды воевал с Римом; в результате третьей войны он лишился своего царства и бежал в Крым, где, покинутый всеми, покончил с собой. Его юный воспитанник, Митридат из Пергама, примирился с господством римлян. Когда в Риме вспыхнула гражданская война, он, как все на Востоке, оказался в лагере Помпея. Поэтому позднее, после поражения Помпея, он усердно старался заслужить милость победителя. Митридат примкнул к Цезарю и, преследуя Помпея, осенью 48 года прибыл в Александрию. Очевидно, он сумел завоевать доверие Цезаря, потому что уже в самом начале военных действий в Египте полководец именно его послал за подкреплениями. Митридат оказался наиболее надежным из всех, в том числе и римских, друзей диктатора. Вот почему горячо преданный Цезарю автор «Александрийской войны» не жалеет самых лестных эпитетов при всяком упоминании о царевиче из Пергама. Но полным молчанием он обходит заслуги Антипатра из Иудеи. Между тем Антипатр присоединился к корпусу Митридата и первым ворвался на стены крепости Пелусий. А позднее, когда войска шли по территории Египта, он склонял на сторону римлян иудейское население страны. Антипатр действовал так же, как восемь лет назад, когда помог Габинию восстановить на троне Авлета.

Из Пелусия Митридат не пошел прямо в Александрию, чтобы избежать бесчисленные каналы и болота. Он выбрал кружной, более длинный, зато и более легкий путь. Продвигаясь вдоль восточного берега Нила, он достиг места, где река разделяется на два рукава, то есть начала Дельты. В окрестностях города Мемфиса

войско Митридата переправилось на противоположный берег и вдоль западного рукава Нила направилось к Александрии. По пути Митридат одержал победу над сильными отрядами египетской армии. Известие об этом очень скоро дошло и до Птолемея, и до Цезаря. Понимая, что исход войны зависит от того, удастся ли осажденным соединиться с подкреплениями, оба поспешно выступили из Александрии. Несмотря на то что царь воспользовался более коротким путем — он двинулся в верховья Нила на кораблях, а Цезарь шел по суше, — диктатору все же удалось опередить Птолемея и вовремя соединиться с войском Митридата.

Гибель царя

«Царь стоял со своим войском на позиции, укрепленной от природы: она лежала высоко над всей окрестной долиной (которая повсюду шла под ней) и была различным образом прикрыта с трех сторон: один бок примыкал к реке Нилу, другой поднимался высоко вверх и образовывал часть лагеря, третий был окружен болотом.

Между лагерем и дорогой, которой шел Цезарь, была узкая река с очень высокими берегами, впадавшая в Нил и находившаяся от царского лагеря приблизительно в семи милях. Когда царь узнал, что Цезарь идет этим путем, он послал к этой реке всю конницу и отборных пехотинцев в боевой готовности, чтобы помешать Цезарю переправиться через реку и начать с ее берегов бой издалека, невыгодный для неприятеля, так как храбрость не могла тогда иметь никакого успеха, а трусость не подвергалась никакой опасности. Наши солдаты и всадники были очень огорчены тем, что им слишком долго приходится вести с александрийцами борьбу, для обеих сторон безрезультатную. И вот часть германских всадников, рассеявшись на поиски брода на реке, переплыла ее там, где берега были ниже; одновременно с ними легионеры срубили большие деревья, длины которых хватало от берега до берега, спустили их в реку, поспешно засыпали и по ним перешли на другой берег. Неприятеля до того испугались их атаки, что стали искать спасения в бегстве. Но это было на-

прасно: лишь немногие из бежавших спаслись к царю, а почти вся остальная масса была перебита.

После этого блестящего дела Цезарь решил нагнать страху на александрийцев самой внезапностью своего приближения и тотчас же после победы двинулся против лагеря царя. Но ввиду того что лагерь был укреплен сильными верками и валом, а также самим расположением, а вал был занят густыми массами вооруженных людей, Цезарь не захотел немедленно вести на штурм своих утомленных походом и боем солдат и разбил свой лагерь на некотором расстоянии от неприятеля. На следующий день он двинулся со всеми силами в атаку и взял тот форт, который царь укрепил в ближайшем к своему лагерю селении, и с целью удержания этого селения соединил его боковыми шанцами с лагерными верками. Конечно, этого результата нетрудно было бы достигнуть и при меньшем числе солдат, но главной целью Цезаря было воспользоваться вслед за победой паникой александрийцев и немедленно двинуться на штурм царского лагеря. Таким образом, наши солдаты тем же беглым маршем, которым они преследовали бегущих александрийцев от форта до лагеря, подошли к лагерным укреплениям и начали ожесточенный бой издала. Приступить к штурму они могли с двух сторон: там, где, как я указал, был свободный подход к лагерю, и, во-вторых, там, где между лагерем и рекой Нилом был небольшой промежуток. Ту сторону, где подход был наиболее легким, защищали главные, и притом отборные александрийские силы; равным образом и оборонявшиеся в районе реки Нила с полным успехом отбивались от наших и наносили им большие потери, так как обстреливали нас с двух противоположных сторон — по фронту с лагерного вала, а в тылу со стороны реки, на которой стояло много их кораблей с пращниками и стрелками, бившими в наших.

Цезарь видел, что его солдаты сражались как нельзя более храбро и все-таки дело мало подвигалось вперед вследствие топографических затруднений. Но вот он заметил, что самый высокий пункт лагеря оставлен александрийцами, ибо он представлялся им вполне защищенным от природы, и его защитники быстро сбегали вниз к месту сражения из желания принять участие в битве, а отчасти из любопытства. Тогда он при-

казал трем когортам под командой Карфулена, отличавшегося своей храбростью и знанием военного дела, обойти лагерь и атаковать тот высокий пункт. Когда наши солдаты появились там и вступили в ожесточенный бой с немногими защитниками укрепления, то александрийцы, уstraшенные криком и атакой с двух противоположных сторон, стали суетливо бегать по лагерю во всех направлениях. Это замешательство неприятелей до такой степени возбудило боевой пыл у наших, что они со всех сторон пошли в атаку: между тем передовые отряды уже занимали самый высокий пункт лагеря и, сбега оттуда, перебили множество врагов в лагере. Большая часть александрийцев, спасаясь от них, толпами бросилась вниз с вала в ту часть лагеря, которая примыкала к реке. Передав своей массой в самом рву укрепления первых из спасавшихся, остальные облегчили этим себе бегство. Известно, что царь также бежал из лагеря и спасся на одном из кораблей; но последний затонул вместе с царем от множества людей, старавшихся доплыть до ближайших судов»⁷⁰.

Короткое сообщение о гибели юного царя можно дополнить сведениями из других античных авторов. Правда, упоминания об этом скупы, а порой и противоречивы. По Плутарху, «царь пропал без вести». Другие авторы утверждают, что тело царя после битвы было найдено в речном иле и опознано благодаря золотым доспехам, которые Цезарь позднее показал александрийцам как доказательство своей окончательной победы⁷¹.

Распоряжения победителя

Цезарь возвращался в Александрию не тем обходным путем, каким шел на соединение с Митридатом. Сейчас он двигался к городу кратчайшей дорогой и вступил в те кварталы, которые находились в руках неприятеля. Он рассчитывал, что, узнав о поражении своих войск и смерти царя, испуганные жители Александрии не будут даже помышлять о сопротивлении. Полководец был настолько уверен в этом, что ехал во главе конницы впереди главного корпуса армии.

I И он не обманулся в своих предположениях. Толпы горожан вышли ему навстречу. Они бросали оружие и

покидали укрепления, которые так долго и с таким упорством обороняли. Александрийцы надели одежды, в которых молящие обыкновенно просят о милосердии; в большой процессии они несли все свои святыни и предметы культа — так египтяне обычно делали в моменты бедствий или торжеств.

Таким образом, прямо через неприятельские укрепления Цезарь вступил в город и вошел в ту его часть, где находился царский дворец и где он так долго выдерживал осаду. Соотечественники и сподвижники с энтузиазмом приветствовали его.

Это было 27 марта 47 года до н. э.

Вскоре диктатор сообщил свое решение о будущем Египта. Многие египтяне и римляне думали, что эта богатая и мятежная страна станет новой провинцией Римской державы. Ведь подобные планы обсуждались в Риме много лет и выдвигал их не кто иной, как Цезарь! А поскольку последние события показали, как египтяне ненавидят римлян, не было никаких оснований сохранять их политическую независимость. Но победитель проявил поразительное милосердие.

Прежде всего он подтвердил, что завешание Птолемея XII сохраняет свою силу для римского народа, а следовательно, и для него как представителя этого народа. Трагическая гибель молодого царя Птолемея XIII, естественно, заставляет внести в него некоторые изменения. Супругом и соправителем Клеопатры станет ее младший, десятилетний брат, а воевавшая против своей сестры царица Арсиноя покинет Египет и отправится в Рим. Согласно обещанию, данному несколько месяцев назад, Кипр будет возвращен Птолемеям.

Что же явилось причиной столь милостивого отношения Цезаря к стране, в которой он едва не погиб?

Клеопатра и война

Автор «Александрийской войны» упоминает о Клеопатре только в одном месте, когда говорит, что после своей победы Цезарь возвел на царский престол младшего сына Птолемея и его старшую дочь Клеопатру, «которая сохранила верность ему и всегда оставалась в его ставке»¹².

Таким образом, он, как и Цезарь, хранит деликатное молчание о поступках и роли царицы во время многомесячной осады.

Однако совершенно очевидно, что Клеопатра не могла оставаться пассивным наблюдателем разыгравшихся вокруг драматических событий. Ведь эта война велась ради нее и решала ее участь. В те дни, когда горстка римлян с огромным напряжением отражала атаки десятков тысяч жителей Александрии и солдат Ахиллы и Ганимеда, не только судьба трона, но и сама жизнь царицы была в опасности. С каким же трепетом должна была она следить за перипетиями кривизны на улицах города и в порту! Вместе со всеми она ждала вестей о подкреплениях, тревожилась, когда Цезарь предпринимал особенно смелые вылазки: в Западный порт, где он едва не погиб; на полуостров Херсонес, где находился 37-й легион; в глубь страны, куда он направился на соединение с корпусом Митридата. Только такими и могли быть чувства Клеопатры. Но каковы были ее поступки? Не включалась ли она сама в различного рода интриги и политическую борьбу? Ведь война двух лагерей в Александрии велась не только на городских укреплениях и кораблях! Эти и подобные вопросы остаются без ответа из-за отсутствия не только каких-либо данных, но даже и косвенных указаний в источниках. И все же поставить их следует.

Как отнеслась Клеопатра к бегству своей сестры Арсинои в лагерь неприятеля? Было ли это для нее полной неожиданностью? А может быть, она заранее знала обо всем, но молчала или даже тайно помогала сестре выбраться из дворца, скрыв свое участие как от римлян, так и от самой Арсинои? В этом не было бы ничего удивительного. Избавляясь от сестры, Клеопатра одновременно компрометировала ее в глазах Цезаря и устраняла возможную претендентку на престол. В честолюбии дочери Птолемея ничуть не уступали друг другу. Обе были способны на любое преступление в борьбе за власть. Арсиноя доказала это во время столкновения с Ахиллой, которого она убрала при помощи наемных убийц. Вот почему, отправив царицу после своей победы в Рим, где она должна была украсить его триумф, Цезарь подверг ее унижению, но вместе с тем спас Арсиною жизнь. Нетрудно догадаться, что

ной, останься она в Египте на милость своей сестры.

А смерть Потина? Воспитатель юного Птолемея XIII с самого начала был врагом Клеопатры, непримиримым и коварным. Именно он — подлинный виновник ее изгнания. Царица, несомненно, приложила все усилия, чтобы разоблачить, а может быть, и опорочить Потина в глазах римлян. Цезарь пишет, что приказал убить Потина, потому что перехватил его тайных послов к Ахилле и понял, что тот строит козни. Нет оснований подвергать сомнению это сообщение Цезаря. Но каково было участие Клеопатры в разоблачении происков Потина?

Цезарь и его люди не ориентировались в дворцовых интригах, не знали города, не понимали его жителей и их обычаев. Без активной помощи друзей Клеопатры разобраться в поведении Потина было бы нелегко. Вполне возможно, что некоторые улики против него были попросту подделаны царицей.

Остается вопрос об освобождении молодого царя и переходе его в лагерь александрийцев. Трудно себе представить, чтобы в столь важном вопросе диктатор обошелся без совета Клеопатры. Все-таки речь шла о ее брате, супруге и соправителе! Здесь вновь возникают подозрения, подобные тем, какие связаны с бегством Арсинои. Царица как будто предвидела, что, оказавшись на свободе, Птолемей предаст римлян. А может быть, именно этого она и хотела? Цезаря могли расстрогать и ввести в заблуждение слезы мальчика. Но Клеопатра, женщина, родившаяся и выросшая в Александрии, воспитанная в атмосфере дворцовых интриг и преступлений, не могла думать об этой сцене иначе, как с иронической улыбкой. И все же она не пыталась рассеять заблуждение диктатора. Как знать, может быть, она даже хлопотала за Птолемея и старалась убедить Цезаря поверить ему. С точки зрения своих интересов она поступала правильно, стараясь раз и навсегда избавиться от мешавшего ей спутника жизни.

23 июня 47 года, через неполных три месяца после окончания Александрийской войны, Клеопатра родила сына. Как и следовало ожидать, мальчика назвали Птолемеем. Он должен был стать пятнадцатым представителем династии. Было у ребенка и второе имя — Цезарь, а позднее по распоряжению матери он приобрел два

благородных титула: Филопатор и Филометор⁷³. Александрийцы же называли его насмешливо и просто: Цезарион (Цезаренок).

Три года спустя, уже после смерти диктатора, его близкий друг, Марк Антоний, официально заявил в сенате, что Цезарь признал ребенка Клеопатры своим. Правда, по прошествии немногим более десяти лет в Риме появился документ, в котором решительно опровергалось отцовство Цезаря. Но это было уже в тот период, когда официальная пропаганда всячески старалась изобразить Клеопатру врагом Рима и по соображениям большой политики нужно было оспаривать то, что диктатор мог когда-либо поддаться чарам царицы Египта. Но если не Цезарь, то кто мог быть отцом Птолемея Цезаря? Ведь не брат и супруг Клеопатры — Птолемей XIII, против которого она воевала с весны 48 года! И тем более не другой ее брат, Птолемей XIV, супругой которого по воле Цезаря она стала весной 47 года, когда мальчику было не больше одиннадцати лет!

Даты и факты говорят о том, что ни грохот войны, ни дворцовые интриги не помешали любви Цезаря и Клеопатры. Это чувство возникло в тот момент, когда перед изумленным диктатором из мешка с постелью выскользнула юная девушка, и не угасло, когда в конце марта 47 года на улицах Александрии смолк звон оружия.

Цезарь и Клеопатра весной 47 года

Цезарь, «покончив со всеми делами и устроив их указанным образом... отправился сам сухим путем в Сирию»⁷⁴.

Так заканчивается рассказ о войне в Александрии. Перед этим автор «Александрийской войны» сообщил о том, что Цезарь передал царскую власть Клеопатре и ее младшему брату. Таким образом, у читателя создается четкое представление о событиях. Цезарь победил, дал Египту правительство, гарантирующее лояльность по отношению к Риму, и после этого сразу покинул страну. Затем говорится о положении в других странах. Повсюду: в Малой Азии, Иллирии, Испании, Африке и в самой Италии — дела принимали неблагоприятный для

Цезаря оборот. Особенно опасная ситуация создалась в Малой Азии. Сын Митридата Великого, Фарнак, задумал вернуть давние владения своего отца. Казалось бы, получив столь тревожные известия, диктатор должен был немедленно покинуть Египет, где он и так провел без крайней необходимости много драгоценных месяцев, и поспешить в Малую Азию. Как же поступил Цезарь? Уехал ли он из страны, где пережил необыкновенные дни, заполненные войной и любовью? Может быть, автор «Александрийской войны» из уважения к полководцу обошел молчанием какой-то эпизод его жизни?

Весной 47 года Цицерон находился в итальянском порту Брундизий. Как и все в Риме, он с нетерпением ждал вестей с Востока. Великий оратор уже отчасти примирился с Цезарем и даже считал, что при сложившихся обстоятельствах его возвращение в Италию весьма желательно. Но вести из Египта были скудны и приходили с большим опозданием. Последнее полученное в Италии письмо от Цезаря было датировано декабром 48 года. В конце апреля или в начале мая 47 года в Риме стало известно, что бои в Александрии прекратились. А Цезарь все не возвращался. В письме к своему другу Аттику Цицерон язвительно заметил: «Ведь он, по-видимому, удерживает Александрию так, что ему даже совестно писать о том...». Эта фраза звучала нарочито двусмысленно. И лишь 5 июля Цицерон пишет: «Есть слух, что он выехал из Александрии, — ненадежный, возникший на основании письма Сульпиция. Впоследствии его подтвердили все посланцы».

Поскольку письма из Египта в Рим шли около месяца, можно предположить, что Цезарь выехал из Александрии в начале июня. Так в действительности и было. В одной хронике есть указание о том, что Цезарь прибыл в Антиохию 28 июня. Значит, между окончанием войны и отъездом диктатора из Египта прошло больше двух месяцев! Слишком много для того, чтобы отдать распоряжения! Что же делал Цезарь все эти дни, когда во многих странах с нетерпением ожидали его возвращения? И почему автор «Александрийской войны» даже не упомянул о таком большом отрезке времени?

Ответы на эти вопросы мы находим в других источниках, которые сообщают, что Цезарь и Клеопатра со-

вершили двухмесячное путешествие на корабле в верховья Нила. Диктатора и царицу сопровождал флот, состоявший из четырехсот кораблей и лодок. Они доплыли до самых отдаленных южных областей. Их главной целью был осмотр великих памятников египетской старины. Цезарь и Клеопатра плыли на одном корабле.

Мы можем с большой точностью проследить по карте основные этапы этой прекрасной прогулки, любовной и познавательной в одно и то же время.

Немало памятников египетской архитектуры и скульптуры сохранилось до наших дней почти в том же виде, в каком они были при Цезаре и Клеопатре. Много было разрушено на протяжении двадцати веков, но сохранившиеся следы и подробные описания позволяют восстановить утраченное.

Ни время, ни человеческие усилия не смогли нанести сколько-нибудь заметного ущерба гигантским пирамидам. Они стоят по сей день, такие же недостижимые и величественные, как тогда, когда у их подножия стояли диктатор и царица. Но чтобы осмотреть пирамиды, нужно было остановиться в Мемфисе. Здесь высоких гостей непременно должен был приветствовать верховный жрец Пшерени-Птах, который около тридцати лет назад, еще мальчиком, короновал отца Клеопатры — Птолемея Авлета. И нынешний год был для него так же удачным, как и тот, тридцать лет назад. Во-первых, его город удостоили посещением египетская царица и римский диктатор. А во-вторых, верховному жрецу явился во сне сын божий, Имхотеп, пообещавший ему долгожданного сына, если в его храме будут выполнены художественные работы. Этому Пшерени-Птах радовался больше всего. Жена верховного жреца как раз ждала ребенка.

Имхотеп, явившийся во сне

У бога, оказавшего такую милость верховному жрецу, было необыкновенное прошлое. За двадцать семь веков до описываемых событий в Египте жил человек из плоти и крови по имени Имхотеп. Он был везиром фараона Джосера. Неподалеку от Мемфиса, в городе

Саккара, этот знаменитый человек, который был не только мудрецом, но и великим зодчим, построил для своего господина гробницу, вызвавшую всеобщее изумление и восторг. Ступенчатая пирамида Джосера стоит по сей день. Ее форма — переходная от древнейших царских усыпальниц к собственно пирамидам. Она построена не из кирпича, как было принято в Египте до того, а из громадных глыб отесанного камня.

В последующие века слава Имхотепа непрерывно росла. В представлении потомков он сделался великим мудрецом, владеющим многими искусствами. Затем этого замечательного человека стали отождествлять с богом Птахом, изобретателем и покровителем разных ремесел, и в конце концов он был признан сыном бога Птаха, а следовательно, тоже богом. При этом египтяне никогда не забывали имен его смертных родителей.

К ремеслам в те времена причисляли и медицину (если вдуматься, не без оснований), а Имхотеп считался покровителем врачей и богом-исцелителем. В более позднее время ему поклонялись прежде всего как божеству врачевания. К храму Имхотепа, расположенному около Мемфиса, неподалеку от уже известного нам Серапейона, стекались толпы паломников и страждущих. Храмы этого бога возникали и в других областях Египта. Его приверженцев мы уже встречали, например, в Фивах. Завоевав Египет, греки сразу признали Имхотепа одним из воплощений своего бога-врачевателя Асклепия и стали почитать его так же ревностно, как автохтоны. Они только изменили его имя на Имутес.

Приверженцы Имхотепа — Асклепия часто проводили ночи в его храмах. Бог являлся им во сне, давал советы, возвещал свою волю и даже делал операции. Сохранилось слишком много свидетельств людей, которые видели бога и были чудесным образом исцелены, чтобы можно было все их отбросить как выдумки. Скорее следует предположить, что жрецы подвергали больных гипнозу или усыпляли их при помощи наркотиков и после этого осуществляли различные процедуры.

По-видимому, при Птолемеях появился трактат на египетском языке, в котором прославлялись могущество и великие деяния бога Имхотепа. Несколько позже некий грек, живший, очевидно, в Мемфисе, решил перевести это небольшое произведение на свой родной язык,

чтобы слава Имхотепа ширилась по всему свету. Однако, как признается автор в предисловии, частично сохранившемся на свитке папируса, он встретился с большими трудностями:

«Не раз собирался я начать работу над переводом. И когда работа бывала уже в самом разгаре, значительность задачи сдерживала мой пыл. Потому что только боги, а не смертные люди могут славить деяния богов».

Так он и откладывал исполнение своего благочестивого намерения. Длилось это три года. Между тем, читаем мы дальше, начали происходить необыкновенные вещи:

«В течение этих трех лет моя мать очень страдала от лихорадки, посланной богом. Хоть и поздно, но мы поняли наконец, что нужно делать, и предстали перед ним, моля о спасении. Он же, милостивый ко всем, явился к больной во сне и вылечил ее при помощи простых снадобий. Мы поблагодарили своего избавителя и принесли по обычаю жертву. Вскоре после этого у меня внезапно сделалась боль в правом боку. Я не откладывая поспешил к покровителю всех людей. Он же, милосердный, еще раз проявил свою особенную доброту.

Была ночь. Спало все живое, кроме страждущих существ. Меня мучила лихорадка. Я бился в конвульсиях, терзаемый удушьем и кашлем, причиной которых была боль в правом боку. Голова была тяжелая, смертельно измученный, я уже засыпал. Моя мать сидела рядом, давая себе ни минуты отдыха. Она страдала вместо со своим ребенком; вообще у нее от природы было доброе сердце. И тогда она совершенно неожиданно увидела призрак. Это был не сон и не ночное видение, потому что глаза ее были все время открыты. Она не могла видеть все с полной ясностью, ибо появление бога наполнило ее ужасом. Она увидела самого бога или его слугу. Он был ростом намного выше человека, одет в наряд тонкий и сверкающий; в левой руке его была книга. Он только оглядел меня с головы до пят два или три раза, а потом исчез.

Когда мать пришла в себя, она стала меня будить, хотя сама все время дрожала. С изумлением она обнаружила, что лихорадка совершенно про-
обливаюсь потом. Она воздала почести явившемуся ей

богу. Потом вытерла меня, и я сразу почувствовал себя лучше.

Она начала рассказывать мне о чудесном случае, но я ее опередил и сам подробно рассказал обо всем, что она видела. Ибо то, что она видела как явь, для меня было сном, который мне как будто приснился».

Прогулка на корабле в верховья Нила

Во время своего пребывания в Мемфисе Клеопатра и Цезарь, несомненно, осмотрели все наиболее значительные храмы, расположенные как в самом городе, так и в его окрестностях. Они побывали в храмах Имхотепа, Птаха, быка Аписа. Следуя примеру Александра Великого, Цезарь воздал почести священному животному. Вскоре стало очевидно, что уже тогда у него было намерение и в остальном идти по стопам завоевателя мира.

Серапейон тоже, по-видимому, принимал высоких гостей. Надо сказать, что цари из династии Птолемеев бывали там часто, а некоторые даже по многу раз.

Следующим важным этапом путешествия был Фаюмский оазис. В глубокой древности, почти за двадцать веков до Клеопатры, фараоны XII династии строили здесь свои дворцы, храмы, пирамиды. Как мы помним, Фаюм был центром культа бога-крокодила Суха. Во времена Клеопатры древнейшие памятники архитектуры в Фаюме, вероятно, еще имели величественный вид. Вотличие от других областей Египта, где строили преимущественно из камня, здесь наиболее распространенным материалом был необожженный кирпич — очевидно, поэтому сейчас от прекрасных сооружений остались лишь жалкие обломки.

Верхний Египет, узкая и длинная долина Нила, зажатая в тиски пустынями и скалами, был буквально усеян великолепными памятниками архитектуры и скульптуры. По обоим берегам Нила высились храмы различных богов, расширявшиеся и украшавшиеся многими поколениями правителей и почитателей. На то, чтобы побывать во всех достойных внимания местах, потребовались бы месяцы и годы. Но в таком городе, как

Абидос, нельзя было не остановиться, потому что там хранилась одна из священнейших реликвий египетского культа — голова бога Осириса, убитого и четвертованного Сетом и воскресшего благодаря своей жене и сестре Исиде. В храме Осириса в Абидосе происходили особо торжественные религиозные церемонии, привлекавшие многочисленных паломников. Не только фараоны, но и простые смертные стремились построить здесь свой алтарь и даже еще одну, вторую гробницу, пусть даже пустующую. По египетским верованиям, благодаря особой милости бога это облегчало воскрешение в далекой стране на Западе, в царстве Осириса. Однако при последних Птолемах процветание Абидоса ушло в прошлое. В городе больше не возводили новых строений и даже не старались сохранить старые. Тем не менее накопленные здесь веками произведения искусства по-прежнему вызывали восхищение.

В отличие от Абидоса расположенная к югу от него Дендера наивысшего расцвета достигла именно при Птолемах и благодаря царям этой династии. В Дендере находился большой храм богини любви, танцев и музыки Хатхор. Этот храм был восстановлен и расширен при Авлете десять лет назад, но мелкие работы, главным образом декоративные, велись здесь и позднее, в период Римской империи. Треки отождествляли Хатхор с Афродитой, несмотря на то что в ряде областей Хатхор изображалась с головой коровы или просто в виде коровы и считалась покровительницей кладбищ.

Однако ничто из виденного Клеопатрой и Цезарем по грандиозности и великолепию не могло идти ни в какое сравнение с храмами Амона в Фивах. Мы уже говорили об этих храмах, а также о том, что в первый год своего царствования Клеопатра побывала в Фивах и сопровождала священного быка Бухиса до Гермонтиса. Сейчас она приехала сюда вторично.

На западном берегу Нила, неподалеку от Фив, находился «город мертвых». У подножий отвесных скал, сразу за которыми начиналась пустыня, в честь фараонов были воздвигнуты храмы. Мумии царей в роскошных саркофагах покоились в усыпальницах, вырубленных глубоко в скале. Первые Птолемеи построили здесь один из прекраснейших храмов Египта — святилище богини Хатхор. Но особое внимание привлекали две ги-

гантские статуи высотой почти двадцать метров, которые изображали сидящего на троне фараона Аменхотепа III. Греки утверждали, что это памятники легендарному царю эфиопов Мемнону, погибшему под Троей от руки Ахилла, и называли их колоссами Мемнона.

Трудно сказать с уверенностью, наблюдалось ли уже во времена Клеопатры то необычное явление, которое позднее, в первые века империи, привлекало к колоссам толпы путешественников. Первое сообщение о «чуде» мы находим у Страбона, который, как уже говорилось, путешествовал по Египту через двадцать пять лет после Клеопатры. Он пишет:

«Из двух стоящих здесь поблизости друг от друга колоссальных статуй из цельного камня одна сохранилась, верхние части другой, начиная от сидалища, как говорят, вследствие землетрясения обрушились. Есть поверье, что из части статуи, оставшейся на троне и на пьедестале, один раз ежедневно раздается звук, как бы от слабого удара. Когда я находился в этих местах вместе с Элием Галлом в большой свите его спутников — друзей и воинов, — мне также пришлось слышать звук около первого часа⁷⁸, однако я не могу определенно утверждать, исходил ли этот звук от пьедестала или от самого колосса или же его намеренно производил один из людей, стоящих вокруг и вблизи пьедестала. Ведь из-за того, что причина этого явления не ясна, приходится предполагать скорее все что угодно, чем то, что звук исходит из камней, сложенных таким образом»⁷⁹.

Однако скептицизм Страбона кажется неоправданным. До наших дней сохранились десятки нацарапанных на статуях надписей, которые единогласно — по-гречески и по-латыни — утверждают: я слышал Мемнона! Причина «чуда» была, по-видимому, весьма проста: в результате землетрясений камни внутри статуй дали трещины, и по утрам, когда температура резко менялась, выходящий из щелей воздух производил необычный звук.

Плывя дальше на юг, Цезарь и Клеопатра, очевидно, побывали в Гермонтисе, в храме священного быка Бухиса. По-видимому, этот храм заслужил особое расположение царицы, потому что позднее по ее приказу здесь был построен алтарь в честь жены бога Монта. Рельефы на стенах алтаря реалистически изображали роды бо-

гини. Этот сюжет не будет казаться случайным, если вспомнить, что Клеопатра посетила Гермонтис в последние месяцы беременности. Возможно, что алтарь построен во исполнение обета, данного ради благополучного разрешения от бремени.

Повсюду, где останавливался их корабль, царицу и диктатора приветствовало великое множество людей. При этом соблюдался установленный ритуал.

Царица была не только главой государства, но и живым божеством, олицетворением Исиды. Ей воздавались такие же почести, как величайшим богам Египта, в ее честь совершались жертвоприношения и курился фимиам, к ней были обращены молитвы и песнопения жрецов. В полумраке огромных храмов, вознесенная высоко над толпами смертных, фигура царицы излучала сияние. В сердце римлянина, на глазах у которого впервые в его жизни воздавались такие почести человеку-богу, невольно зарождалась мысль: не придать ли и ему своей власти подобный ореол божественности?

Римский гарнизон

Когда Цезарь уехал, Клеопатра осталась царствовать одна — ее десятилетнего брата никто не принимал всерьез. Наконец она добилась того, к чему упорно стремилась столько лет! Осуществились ее честолюбивые мечты о нераздельной власти! Но какой ценой! В результате многомесячной войны была разрушена столица и окончательно пришло в упадок хозяйство страны, которое и прежде было далеко не в цветущем состоянии. Александрийцы считали, что Клеопатра осталась царицей только по милости иностранной державы и сохраняет трон исключительно благодаря стоящим в стране чужеземным войскам. Возможно, что за пределами Александрии народ относился к царице иначе, но в целом египтяне проявляли полное равнодушие ко всяким переменам в столице, потому что жизнь населения не стала лучше оттого, что царствовал не Птолемей XIII, а Клеопатра и Птолемей XIV. Некоторой симпатией царица, по-видимому, пользовалась только среди части знатных египтян и жрецов. Этого она добилась,

оказывая особое покровительство культу богини Исиды.

Цезарь оставил в Египте три легиона, которые являлись живым напоминанием о поражении и самим фактом своего присутствия разжигали ненависть населения к царице, не говоря уже о том, что они представляли обузу для государственной казны. Но у диктатора были достаточно веские причины, чтобы расквартировать эти войска на берегах Нила. Автор «Александрийской войны» пишет об этом без обиняков: Цезарь хотел, «чтобы новые цари укрепили этим свою власть, ибо они не могли обладать ни любовью своих подданных, как верные приверженцы Цезаря, ни упрочившимся авторитетом, как возведенные на трон несколько дней тому назад. Вместе с тем он считал вполне согласным с достоинством римской власти и с государственной пользой — защищать нашей военной силой царей, сохраняющих верность нам, а в случае их неблагодарности той же военной силой карать их»⁸⁰.

Командиром легионов в Египте Цезарь назначил Руфиона, сына своего отпущенника, то есть человека, стоявшего на общественной лестнице лишь на одну ступеньку выше раба. Многие римляне считали это неслыханным вызовом со стороны диктатора. Испокон веков, с тех пор как существовала Римская республика, неизблемый обычай требовал, чтобы даже отдельными легионами командовали граждане из высших слоев общества. Такое назначение могло оскорбить и царицу.

Но диктатор знал, что делает. Руфион принадлежал к его дому, к «фамилии», он был так тесно связан со своим патроном, что не могло быть и речи о каком-либо предательстве. Низкое происхождение военачальника исключало опасность того, что он будет пытаться проводить свою собственную политику. Если же в такой богатой стране, как Египет, во главе целых трех легионов оказался бы человек знатного происхождения, с весом и влиянием в столице, нельзя было быть уверенным, что он не захочет самостоятельно решать многие вопросы, а при известных условиях даже начать войну против Цезаря. Диктатор сам показал пример того, как при помощи нескольких легионов можно добиться господства над всей державой. Скромный домочадец был наиболее безопасен и в отношении Клеопатры. Римский аристократ наверняка смело поглядывал бы на царицу,

а может быть, привлек бы и ее внимание. Сын отпущенника в этом смысле не вызывал подозрений.

В конечном счете самовластное правление, которого так добивалась Клеопатра, оказалось фикцией. Какая же это независимость, если приходится считаться с предводителем чужеземной армии в собственной стране? Прежде ей мешал упиваться неограниченной властью Потин, человек, воспитанный при александрийском дворе и по-своему безусловно преданный государству и династии. А сейчас царице приходилось думать о том, как бы не обидеть Руфиона, римлянина, который заботился только об интересах своей страны и своего патрона.

Триумфы Цезаря

В Египте было много нерешенных проблем. Прежде всего нужно было залечить раны, нанесенные войной, оздоровить экономику, восстановить доверие населения к царице. Однако создается впечатление, что Клеопатра совсем не думала обо всем этом. Выше всех своих обязанностей и задач она ставила одну цель — сохранить любовь Цезаря! Ничем иным нельзя объяснить тот факт, что уже через год после расставания с диктатором Клеопатра покинула свое царство и поплыла в далекую Италию, в Рим, чтобы пробыть там почти два года.

Что касается Цезаря, то после отъезда из Александрии он добился больших военных успехов. В 47 году он разгромил армию Фарнака в Малой Азии. Царство Фарнака в Крыму досталось Митридату из рый, как мы помним, очень отличился, придя на помощь Цезарю во время Александрийской войны. Но Митридат недолго наслаждался властью, очень скоро он был убит врагами. После победы над Фарнаком диктатор ненадолго вернулся в Рим и затем снова отправился в поход, на этот раз в Африку, где находилась преданная сенату сильная армия. В результате продолжительной военной кампании Цезарь одержал победу и весной 46 года въезжал в Рим как триумфатор. В течение одного месяца Цезарь отпраздновал четыре триумфа!

Первый и самый блистательный триумф был посвящен завоеванию Галлии в 58—50 годах. В процессии

во время триумфа Цезаря шел пленный вождь галлов Верцингеториг, которого затем, согласно обычаю, задушили в подземной тюрьме. Жителей Рима поразила необыкновенная иллюминация: вечером, когда Цезарь поднимался на Капитолий, путь ему освещало множество факелов, установленных на спинах слонов⁸¹.

Следующий, египетский триумф вызвал смешанные чувства — ликование по поводу того, что прекраснейший город мира покорился горстке римских солдат, и сострадание к царевне Арсиное, которая, как рабыня, шла вместе с Ганимедом перед колесницей победителя. Шествие украшали портреты Ахиллы и Потина. Несмотря на унижение, царевна могла считать себя счастливой: она осталась жива, хотя ей грозила участь Верцингеторига. Ганимед, вероятно, позднее был задушен.

Во время триумфального шествия легионеры распевали шуточные стихи про Цезаря и Клеопатру. Согласно древней римской традиции в день триумфа солдаты могли как угодно высмеивать своего полководца. В основе этого обычая лежало, по-видимому, старинное суеверие: насмешки над триумфатором отвращали от него зависть богов. Песенки о диктаторе и царице не дошли до нас, но, судя по содержанию и тону подобных сочинений, которые сохранились в отрывках, они были весьма фривольными. «Берегите своих жен, граждане,— мы возьмем лысого бабника». Или что-нибудь в этом роде.

Народу нравилось, что достигший вершин славы и могущества Цезарь с юмором относился к шуткам. Нет уверенности, что так же добродушно их воспринимала Клеопатра.

Третий триумф Цезаря — по поводу победы над Фарнаком — сохранился благодаря огромной таблице, на которой⁸² были начертаны три слова: «Veni — vidi — vici». Так Цезарь сообщил сенату о своей победе в Малой Азии.

Наконец, в четвертом, африканском, триумфе самой любопытной была деталь, о которой полководец старался не упоминать. Все знали, что в Африке Цезарь нанес поражение римским войскам. Однако официальным поводом для триумфа считалась победа над царем Нумидии — Юбой. Царь поконил с собой, а в шествии на

Капитолий вели его маленького сына, тоже Юбу. Ребенку сохранили жизнь, он воспитывался в Италии, получил римское гражданство, а позднее, через двадцать лет, наследник Цезаря посадил его на мавретанский престол и дал в жены дочь Клеопатры.

Вполне возможно, что именно из-за этой войны Цезаря владычица Египта поспешила в Рим. Ее могли встревожить слухи о том, что во время кампании в Африке диктатор увлекся царевной Эвной, дочерью мавретанского царя Богуда. Безусловно, Клеопатре было бы интересно узнать, следует ли ей принимать это увлечение всерьез. То обстоятельство, что Цезарь женат, ее не беспокоило. Жена диктатора, Кальпурния, несмотря на постоянные и откровенные измены мужа, любила его искренне и нежно. В этом отношении она резко отличалась от римских матрон, то и дело менявших мужей и еще чаще любовников.

Клеопатра в Риме

Официальной целью визита Клеопатры в Рим было заключение союзнического договора между двумя государствами. Поэтому царица прибыла в столицу вместе со своим братом, супругом и соправителем Птолемеем XIV, которому в ту пору было не больше двенадцати лет. Несмотря на то что в Египте стояли римские легионы, она не решилась оставить его там. Враги царицы могли выкрасть мальчика, объявить его единовластным правителем и снова довести дело до войны. С Клеопатрой был ее годовалый сын. Никто не сомневался, что это ребенок Цезаря, но официально об этом не говорили.

Царская чета была принята с надлежащим почетом. Диктатор отдал в их распоряжение свою загородную виллу, расположенную в парке на правом берегу Тибра, на холме Яникул.

Египетская монаршая чета прибыла в Рим летом 46 года, после торжественных триумфов Цезаря. Их приезд был заранее продуман так, чтобы Клеопатре не пришлось присутствовать на празднествах, которыми ее гостеприимный хозяин и возлюбленный отмечал по-

беду над Египтом. Она, конечно, только порадовалась бы, увидев свою сестру Арсиною в оковах. Но по политическим и светским соображениям **ее** избавили от этого зрелища.

Появление Клеопатры в столице Римского государства произвело сильное и очень неблагоприятное впечатление. Чего только не рассказывали об александрийском увлечении Цезаря! В памяти людей еще совсем свежи были солдатские шутки и песенки. Но празднество 26 сентября того же года вылилось в настоящий скандал.

В этот день Цезарь, занимавший высокую должность верховного понтифика, должен был открыть построенный на его средства храм Венеры Родоначалницы. Согласно старинной легенде, род Юлиев, к которому принадлежал и Цезарь, вел свое начало от богини любви. Обет о постройке этого храма Цезарь дал еще на полях под Фарсалом, накануне сражения с войсками Помпея. Вот что рассказывает об этом один из позднейших историков:

«Принося в полночь жертву Марсу, он взывал и к своей прародительнице Венере (весь род Юлиев, полагал он, происходит от Энея и его сына Ила, слегка изменив его наименование) и дал обет в случае успеха построить в Риме в благодарность храм Венере-победительнице. Когда на небе сверкнул свет со стороны лагеря Цезаря и погас в месте расположения лагеря Помпея, те, которые находились при последнем, говорили, что им предстоит совершить нечто блестящее над врагом. Цезарь же толковал это ⁸³знамение так: напав на Помпея, он затмит дела Помпея».

Казалось бы, исполнение обета — дело благочестивое и соответствующее традиции. Однако рядом со статуей Венеры в храме стояло прекрасное золотое изображение Клеопатры. Правительницу чужеземного государства, с которым совсем недавно велась война, Цезарь вознес до уровня богини!

Что побудило диктатора так открыто демонстрировать свои чувства? Ведь он прекрасно понимал, какое раздражение вызовет возвеличение женщины, о его любовной связи с которой было широко известно. Наиболее вероятным кажется следующее объяснение поступка Цезаря.

- Поскольку Клеопатра была матерью его сына и в своей стране отождествлялась с Исидой, ей и в Риме полагались такие же почести, как богине Венере. Потому что и ее кровь текла в жилах божественного рода Юлиев!

Всего через два месяца после освящения храма Венеры Родоначалницы, поздней осенью 46 года, Цезарю пришлось уехать из Италии. Ему предстоял новый военный поход, на этот раз в Испанию.

На Пиренейском полуострове собрались враждебные Цезарю войска под предводительством двух сыновей Помпея — Секста и Гнея. С Гнеем Клеопатра познакомилась три года назад, когда он приезжал в Александрию просить о помощи для своего отца, воевавшего против Цезаря.

Как мы говорили, молодой человек был покорен обаянием египетской царицы. Это был первый выдающийся римлянин, который увлекся Клеопатрой. В результате Помпей уехал из Александрии, получив всего лишь пятьдесят кораблей и горстку солдат. Сейчас Помпей сражался, чтобы отомстить за смерть отца.

Несмотря на отъезд Цезаря, Клеопатра не вернулась в свою страну. Она осталась в Риме, надеясь, что война не будет продолжительной и вот-вот придет сообщение: *Veni — vidi — vici*. Между тем военные действия в Испании затянулись на много месяцев. Решающее сражение под Мундой произошло лишь весной 45 года. Потерпев поражение, сыновья Помпея бежали. Гней вскоре погиб, а младший, Секст, скрывался в Северной Испании и еще много лет боролся с Цезарем и цезарианцами. Но и после победы над своими противниками Цезарь не мог сразу вернуться в Рим. Нужно было сначала навести порядок в Испании, которая была тогда богатой и густонаселенной страной. Лишь в сентябре 45 года диктатор вступил на землю Италии, а триумфальный въезд в Рим состоялся в октябре. Разлука с Клеопатрой длилась более девяти месяцев.

Наконец-то вся римская держава была в руках Цезаря! Он правил ею как пожизненный диктатор, единовластно и нераздельно. Теперь, победив внутренних врагов, Цезарь мог подумать о планах на будущее. В его смелых замыслах Клеопатра играла важную, может быть даже решающую, роль. Наверно, еще во время испанской войны Цезарь писал ей о своих головокружитель-

пых планах. Во всяком случае сразу после возвращения диктатора его намерения стали ясны всем.

В ближайшем будущем Цезарь собирался предпринять большой поход на Восток. Прежде всего он хотел захватить Дакию, страну, расположенную к северу от Дуная (современную Румынию). Затем он двинулся бы за Евфрат против Парфии, уже много лет беспокоившей восточные границы Римского государства. После победоносного окончания этих походов возникло бы гигантское государство, — от Атлантического океана до Индии. Подвластные Цезарю земли были бы обширнее монархии Александра Македонского, потому что Цезарь повелевал бы не только Востоком, но и Западом.

Государственное устройство мировой империи должно было решительно отличаться от римского республиканского правления. В такой огромной державе не могли существовать те законы и организационные формы, которые выросли из потребностей города-государства Рима.

Цезарь не скрывал, что считает государственный строй республики не только устаревшим, но и попросту мертвым. Он говорил прямо:

— Республика — ничто, пустое имя без тела и облика⁸.

Только монархия восточного типа соответствовала планам честолюбивого диктатора. Признаки того, что Цезарь стремится стать монархом, становились все более явными. Но, умный и ловкий политик, Цезарь хотел создать видимость, будто народ сам обратился к нему с просьбой надеть корону. Народ же, гораздо более дальновидный, чем это кажется правителям, проявлял странную медлительность, не желая идти навстречу советам и уговорам друзей Цезаря.

По мысли Цезаря, женой повелителя будущей державы должна была стать Клеопатра, законная царица, в жилах которой текла кровь древней династии. Разделив трон с Цезарем, владычица Египта представляла бы восточные и эллинистические страны мировой монархии. А их сын Птолемей Цезарь был бы истинным наследником традиций и могущества всех народов Востока и Запада.

Вместе с тем Цезарь не собирался разводиться с Кальпурнией. Один из его друзей рассказывал позднее,

что у Цезаря был подготовлен проект закона, по которому ему — властелину мировой монархии — позволялось брать жен сколько угодно и каких угодно — для рождения наследников. Благодаря этому закону он смог бы усыновить ребенка Клеопатры.

Если учесть все эти обстоятельства, станут понятны и безразличие Клеопатры к повседневным делам Египта, и ее длительное пребывание вдали от своей страны, после всех потрясений чрезвычайно нуждавшейся в заботах и внимании. Поскольку ей предстояло сделаться царицей и владычицей мира, ради столь великой цели можно было временно пренебречь судьбой одной страны.

Впрочем, Египет, и особенно Александрия, очень выгодно отличалась от римской республики. Столица Египта стала бы столицей мировой державы, Александрия заняла бы место Рима, а Египет — Италии. А ведь совсем недавно та же Александрия была покорена римским полководцем! Для Клеопатры это было бы бескровной и полной победой, парадоксальной переменой ролей.

Сейчас, по прошествии двадцати столетий, когда мы знаем, как развивались дальнейшие события, эти планы кажутся фантастическими. Но в те необыкновенные дни вся Римская держава лежала у ног Цезаря и осуществление его замыслов представлялось реальным и близким.

Во всяком случае Клеопатра относилась к ним очень серьезно. Уверенная в поддержке Цезаря, она уже начала вести себя как царица и повелительница даже по отношению к самым знатым римлянам. Это испытал на себе, в частности, Цицерон.

Клеопатра и Цицерон

«Царицу я ненавижу; что я по праву так поступаю, знает Аммоний, поручитель за ее обещания, которые имели отношение к науке и соответствовали моему достоинству, так что я осмелился бы сказать о них даже на народной сходке. О Саре я узнал, помимо того, что он негодный человек, что он, сверх того, еще заносчив по отношению ко мне: всего один раз видел я его у себя в

доме; на мой любезный вопрос, что ему нужно, он сказал, что ищет Аттика. О гордости же самой царицы, когда она находилась в садах за Тибром, не могу вспомнить без сильной скорби»⁸⁵.

Чтобы понять, насколько взбешен был Цицерон, достаточно вспомнить, что письмо, отрывок из которого здесь приведен, он написал через несколько месяцев после отъезда Клеопатры из Рима. Даже время не смягчило обиды! Столь расстроивший Цицерона эпизод закончился, по-видимому, в следующем.

В 45-м или в начале 44 года дальновидный и предусмотрительный Цицерон посетил царицу на ее вилле. Он хотел лично представиться женщине, пользовавшейся особым расположением Цезаря. Предлогом для визита послужила какая-то редкая книга, необходимая Цицерону для завершения работы над философским трактатом. Царица могла бы распорядиться, чтобы эту книгу доставили из Александрийской библиотеки, где хранилось почти все когда-либо написанное по-гречески. Во время аудиенции Клеопатра любезно выслушала просьбу сенатора и приказала одному из своих придворных, Аммонии, проследить за ее выполнением. Но тот, несмотря на все обещания, не сделал ничего! А другой вельможа из свиты царицы, Сара, придя в дом Цицерона, вообще спросил не хозяина, а его друга Аттика.

В тот период Цицерон много читал и писал. Политическая жизнь в Риме, которая до тех пор интересовала его больше всего, замерла. Теперь решения принимались не в сенате и народном собрании, а в покоях виллы диктатора. Его отпущенники пользовались большим влиянием, чем государственные сановники. Поэтому не удивительно, что человек, честлюбивый и образованный, Цицерон искал утешения в занятиях литературой и философией, в изучении трудов мыслителей прошлых веков. Вместе с тем он стремился и к тому, чтобы его труд принес пользу современникам. Об этом он писал в своем новом сочинении, которое носит название «Тускуланские беседы»⁸⁶.

На вилле Цицерона, расположенной неподалеку от Рима, на склоне Альбанских гор, в Тускуле часто собирались его друзья — Марк Брут, Требаций, Курций, бывал там и муж его дочери Долабелла. Вымышленные беседы в Тускуле об основных проблемах

практической философии Цицерон изложил в пяти книгах. Вполне возможно, что именно в ходе работы над этим сочинением он и обратился к царице с просьбой прислать ему из Александрии трактат кого-то из древних мыслителей. По существу «Беседы» представляют собой парафразы и популярное изложение взглядов греческих философов различных школ.

В первой беседе рассматривается проблема бессмертия души. Цицерон отстаивает точку зрения, согласно которой смерть тела не является концом существования всей личности человека. Его собеседник высказывает противоположный взгляд, разделявший в то время многими: смерть — это зло, так как она ведет к полному небытию.

В далеком Египте ту же печальную мысль вскоре повторит в своей надгробной надписи жена верховного жреца Пшерени-Птаха — Та-Имхотеп.

Мартовские иды^{&?}

15 апреля 44 года Цицерон писал своему другу Аттику: «Бегство царицы не огорчает меня»⁸⁸.

Клеопатра с сыном действительно бежала в Египет, потому что на берегах Тибра, где они прожили почти два года, для них больше не было места. Дальнейшее пребывание в Риме могло оказаться весьма опасным. Дело в том, что царица лишилась своего могущественного защитника. Человек, который должен был стать повелителем мира, супругом и соправителем Клеопатры, 15 марта 44 года упал мертвым в зале заседаний сената. Заговорщики нанесли ему двадцать три рапы мечами и кинжалами.

Убийцами, среди которых было много друзей диктатора, руководили Марк Брут и Гай Кассий. Они убили Цезаря, чтобы спасти республику и восстановить прежние порядки. Среди причин, побудивших заговорщиков к незамедлительным действиям, не последнее место занимала и Клеопатра. Их тревожила любовь к ней диктатора, они опасались, что в недалеком будущем египетская царица сделается повелительницей империи, столицей которой будет Александрия. Таким образом, Кле-

опатра была косвенной виновницей мартовских ид, нанесших удар по ее кровным интересам.

Для царицы Египта смерть Цезаря означала полное крушение всех ее планов, которые только казались фантастическими а на самом деле были весьма близки к осуществлению. Теперь ей надо было спасать то, что осталось, а может быть, даже и жизнь. Клеопатра знала, что в Риме у нее много врагов, особенно среди сенаторов. Скольких она оскорбила своим высокомерием! Цицерон был далеко не единственным. Да и в ее стране, особенно в Александрии, большая часть населения относилась к ней враждебно. А стоявшие в Египте римские легионеры? Будут ли они ее защитниками, как при Цезаре, или исполнителями приказа, который в любую минуту может прийти из Рима: убрать царицу и включить Египет в состав Римской державы в качестве новой провинции? Ненавидевшим Клеопатру римлянам нетрудно было бы провести такой закон, взяв за основание проекты, обсуждавшиеся еще при жизни ее отца.

И только одно успокаивало царицу: в самом Риме положение было чрезвычайно сложным. Заговорщикам казалось, что достаточно убить диктатора (они называли его тираном), чтобы восстановилось прежнее положение, которое они считали полной свободой. Однако после смерти Цезаря очень скоро стало ясно, что существуют группировки, преданные убитому диктатору, и что растерявшиеся сенаторы не представляют себе, как быть дальше. 20 марта, во время похорон Цезаря, произошли серьезные волнения. Его убийцы оказались в опасности и вынуждены были покинуть Италию.

Находившийся в это время за пределами Рима Цицерон узнал о «бегстве» Клеопатры лишь в середине апреля. Следовательно, царица уехала из Италии не сразу после мартовских ид. Несмотря на грозившую ей опасность, она задержалась в Риме еще на некоторое время, чтобы проследить за развитием событий. Однако ее ждал неприятный сюрприз. Во время торжественных похорон Цезаря Антоний огласил на форуме завещание покойного.

Цезарь усыновлял внука своей сестры девятнадцатилетнего Гая Октавия и назначал его главным наследником, а своего родного сына трехлетнего Птолемея даже не упомянул!

С каждым днем становилось очевиднее, что в Риме вот-вот вспыхнет гражданская война из-за наследства Цезаря. Можно было уже определить главные силы, которые столкнутся в этой борьбе: прежде всего убийцы Цезаря и сторонники сената; во-вторых, политики, на словах преданные прежнему государственному строю, а на деле стремившиеся занять место диктатора; и, наконец, приемный сын Цезаря, девятнадцатилетний Гай Октавий, которого с этих пор стали называть Октавианом. Вначале юношу не принимали всерьез, но теперь он несся к завещанию Цезаря без тени легкомыслия.

Клеопатре нельзя было медлить. Нужно было срочно возвращаться в Египет и там переждать бурю.

АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА

Смерть Птолемея XIV

Последний известный нам египетский документ, содержащий формулу: «в царствование Клеопатры и Птолемея», был выставлен в городе Оксиринхе 26 июля 44 года. Очевидно, юный брат и супруг царицы Птолемей XIV в то время был жив, а может быть, о его смерти просто еще не было известно. По всей вероятности, юноша ушел из мира живых в печальную страну Запада летом 44 года, когда ему было не больше четырнадцати лет.

В древности говорили, что мальчика отравили по приказу Клеопатры. Вполне вероятно, что так оно и было, хотя проверить это и доказать невозможно. Во всяком случае в сложившейся ситуации юный Птолемей был опасен царице. В любой момент какая-либо из группировок в Риме или в самой Александрии могла потребовать, чтобы царица отказалась от престола и передала власть своему супругу. Но даже если не считать Клеопатру виновной в смерти мальчика, одно можно сказать с уверенностью: Птолемей XIV умер именно тогда, когда это было на руку его сестре и супруге.

Сразу после траурной церемонии Клеопатра взяла себе нового соправителя, так как, согласно освященным традицией династическим обычаям, женщина в Египте не могла царствовать одна. Впрочем, если бы такого обычая и не существовало, Клеопатра все равно призвала бы второго правителя на египетский трон. И это понятно — ведь трон она разделила со своим сыном от Цезаря — Птолемеем Цезарем. При восшествии на престол новый царь стал именоваться Птолемей Цезарь Фило-

патор Филометор. Давая мальчику имя Филонатор, Клеопатра хотела подчеркнуть, что именно Птолемей — сын Цезаря, а не Октавиан.

Птолемей XV был последним потомком древней династии. По женской линии ее представляли Клеопатра и Арсиноя. Царица пристально следила за сестрой, которая, разумеется, все еще находилась за пределами Египта — в Италии или в Малой Азии. Клеопатра опасалась, что Арсиноя снова станет орудием в руках ее врагов, как это уже было во время Александрийской войны.

Очевидно, вскоре после коронации Птолемея Цезаря на южной, наружной стене храма богини Хатхор в Дендере был сделан большой рельеф, сохранившийся до наших дней. На нем мы видим царицу и ее сына перед богами; в центре расположена фигура богини, которой посвящен храм. К сожалению, это обычные условные изображения в древнеегипетском стиле, не обладающие портретным сходством с оригиналами. То, что рельеф представляет именно Клеопатру и Птолемея, а не других царей из этой династии, можно определить только по иероглифическим надписям. Подобные рельефы и росписи украшали в то время и другие египетские храмы. Царица продолжала мудрую политику, начатую еще в первые годы царствования: она демонстрировала приверженность местным богам, чтобы стать ближе к своим подданным, представлявшим ту силу, на которую она могла бы опереться в случае политической катастрофы.

Между тем положение в Риме с каждым днем все более усложнялось. Началась гражданская война. Осенью 44-го и весной следующего года из всеобщего хаоса выделились две большие группировки.

В восточных провинциях сосредоточивали войска убийцы Цезаря — Гай Кассий и Марк Брут. Они объявили о своей верности сенату и за счет беззастенчивого ограбления населения провинций собирали средства для борьбы с противниками. Осенью 44 года произошел открытый разрыв между Антонием и сенаторской партией. Весной 43 года в решающей битве с войсками сената Антоний потерпел поражение и бежал за Альпы — в Галлию. Молодой Октавиан, который командовал армией сената и до тех пор был ему послушен, после победы над Антонием сбросил маску и стал проводить собственную политику. Летом 43 года двадцатилетний Октавиан по-

требовал, чтобы его избрали консулом. Когда наследник Цезаря двинул свои легионы на Рим, сенату пришлось уступить⁸⁹. Стало ясно, что приемный сын Цезаря стремится взять в свои руки все его наследство — не только имя и состояние, но также и роль в государстве.

Непомерное честолюбие и головокружительная карьера юноши, именовавшего себя сыном Цезаря, не могли радовать Клеопатру. Но настоящие успехи Октавиана были впереди. В 43 году никто еще не мог предвидеть, что он удержится на поверхности,— слишком много было у него врагов, тайных и явных: Антоний, сенат, убийцы Цезаря.

Клеопатра и Долабелла

Вполне естественно, что царицу Египта больше интересовали события в соседних с Египтом странах, чем в далекой Италии. На Востоке тоже шла борьба между несколькими группировками римлян. Не было никакой надежды, что богатой стране на Ниле удастся остаться в стороне.

Действительно, уже в начале 43 года к Клеопатре прибыли послы бывшего военачальника Цезаря и зятя Цицерона — Гнея Долабеллы. После смерти диктатора в течение короткого отрезка времени Долабелла несколько раз менял политическую ориентацию в зависимости от того, что сулило ему большую выгоду. Сначала он присоединился к убийцам Цезаря, потом стал поддерживать Антония и наконец заявил о своей верности сенату. По пути в Сирию, наместником которой он был назначен еще прежде, Долабелла снова объявил себя противником убийц диктатора. Одного из заговорщиков, Требония, он предательски убил. Отрубленной головой Требония солдаты Долабеллы играли, как мячом. Сенат объявил Долабеллу врагом отечества, а он вел себя все более разнузданно, грабил города и готовился к войне с Кассием, захватившим к этому времени Сирию.

Римские легионы, стоявшие в Египте, могли оказаться существенным подспорьем для честолюбивого политика. Долабелла попросил царицу прислать ему эти легионы, а также корабли. Клеопатра не отказала в помощи полководцу, стремившемуся отомстить за убий-

ство столь близкого ей человека. Она согласилась на все, потребовав взамен только одного — чтобы Долабелла признал ее сына законным правителем Египта.

Обещания Клеопатры ободрили молодого полководца. Он решительно вторгся в Сирию, не думая о том, что у него всего два легиона, а у его противника, Кассия, — восемь. Царица даже не медлила. В марте египетские войска двинулись в Сирию. Своевременно предупрежденный Кассий встретил их в Палестине и окружил. Поскольку он располагал вдвое большими силами, египетские легионы даже не пытались сопротивляться и сразу перешли на его сторону. Таким образом, добрые намерения царицы обернулись против того, кому она хотела помочь. Для Долабеллы было бы лучше, если бы эти легионы оставались в Египте.

Во главе сильной армии Кассий двинулся к сирийскому городу Лаодикее, в котором укрепился Долабелла. Поскольку Лаодикея была портовым городом, а на море он был еще силен, Долабелла не терял надежды. К тому же он рассчитывал на обещанные Клеопатрой корабли. Но египетским кораблям, уже готовым отплыть из Александрии, помешали неблагоприятные ветры. А наместник Кипра, не спросив согласия Клеопатры, послал свои корабли Кассию.

Летом 43 года в Александрию пришло сообщение о том, что Лаодикея пала. Увидев, что положение безнадежно, Долабелле изменили его солдаты, а военачальники открыли ворота и впустили осаждающих в город. Покинутый всеми полководец попросил солдата из своей личной охраны, чтобы тот отрубил ему голову.

Так погиб третий выдающийся римлянин (после Цезаря и сына Помпея), вступивший в соглашение с Клеопатрой. Отрубленной головой Требония солдаты Долабеллы играли, как мячом. Сенат объя-

Клеопатра и Кассий

В то время, когда еще велась осада Лаодикеи, Кассий обратился к Клеопатре с просьбой о помощи. Это поставило царицу перед трудным выбором. Всем было известно, что она поддерживает Долабеллу. Правда, до сих пор ей удавалось делать вид, будто подкрепления к Долабелле посылаются без ее ведома и согласия, а приказы легионам отдает не она, а римские военачальники. Но сейчас, после обращения Кассия, нужно было ясно

показать, на чьей она стороне. Отказать Кассию? Это было бы равносильно проявлению враждебности, которая в случае победы Кассия дорого обошлась бы Египту. Послать ему хоть немного солдат? Это вызвало бы гнев друзей Цезаря и всеобщее презрение как предательство памяти Цезаря. Царица нашла такой выход: она отказала Кассию в помощи, сославшись на голод и эпидемию в Египте, но, как мы видели, не осмелилась выслать и обещанный флот осажденному в Лаодике Долабелле, объяснив это неблагоприятными ветрами. Кассий тем не менее счел поведение Клеопатры враждебным и стал готовиться к походу на Египет, чтобы захватить страну и наказать царицу.

С точки зрения стратегической этот план был правильным. Египет мог явиться источником продовольствия и фуража для армий Кассия и Брута. Захватить же его было делом несложным, так как после ухода римских легионов Клеопатра не располагала большими силами. Правда, в Александрии оставалась дворцовая охрана и по стране были разбросаны воинские гарнизоны, но их боеспособность была невысока. Это обнаружилось еще пять лет назад, в ходе Александрийской войны, когда горстка легионеров Цезаря в течение нескольких месяцев отражала атаки тысяч египтян.

И все же Кассий не пошел на Египет. Этому помешал Брут, который чуть ли не накануне выступления войск Кассия попросил своего друга прибыть к нему в Малую Азию. Завоеватель Лаодикеи очень неохотно отказался от намерения захватить Египет, но подчинился требованию Брута и, вместо того чтобы идти на юг, направился на север. Продвигаясь вдоль южного побережья Малой Азии, Кассий жестоко расправился с городом Тарсом в Киликии. Он обложил город огромной данью — в тысячу пятьсот талантов — зато, что тарсийцы якобы содействовали Долабелле. ^{Голод и эпидемия} Чтобы собрать эту сумму, жители города отдали все свое имущество. Но этого оказалось недостаточно, и власти стали продавать свободных людей: сначала юношей и девушек, а потом женщин и даже стариков. Многие тарсийцы покончили с собой. А когда у горожан уже нечего было взять, Кассий великодушно простил остаток штрафа.

Осенью 43 года Брут и Кассий встретились в Смирне. Зачем Брут так срочно вызвал Кассия? И почему

Кассий согласился изменить свои намерения насчет Египта? Причиной всему этому были вести из Рима. Как мы уже говорили, весной 43 года Антоний потерпел поражение и бежал за Альпы к своему другу — наместнику Галлии Марку Лепиду. Немного позднее, во время осады Кассием Лаодикеи, Октавиан добился от сената и народного собрания консульской должности. Все это заставило Брута и Кассия пересмотреть свою тактику. Теперь их врагом стал не Антоний, а приемный сын Цезаря.

По всей вероятности, во время совещания в Смирне из Италии пришли еще более тревожные вести. Под давлением войск Октавиан заключил соглашение со своими бывшими врагами — Антонием и Лепидом. Это соглашение известно в истории под названием Второго триумvirата. Триумвиры получили чрезвычайные полномочия по устройству дел в республике. Они заявили, что их основная задача — месть за убийство Цезаря. Сенат и народное собрание стали послушным орудием в их руках. Убийц Цезаря провозгласили врагами отечества. В Риме были объявлены проскрипции. Начали приходить письма людей, поставленных вне закона. Надо было ожидать, что в следующем году армия триумвиров двинется на Восток.

На совещании в Смирне было принято предложение Кассия. Поскольку триумвиры еще не скоро переправятся через Адриатическое море, в ближайшие месяцы нужно укрепить тылы и покарать те страны, которые сочувствуют цезарианцам. В соответствии с этим решением Кассий отправился на Родос, захватил и ограбил главный город острова. Брут тем временем с такой же беспощадностью орудовал в Линии.

Почему же Кассий все-таки не выступил против Клеопатры? Ведь не было и тени сомнения, что царица ненавидит убийц Цезаря. К тому же у нее был флот, который мог прийти на помощь триумвирам. Чем можно объяснить, что после конференции в Смирне Кассий не приступил к осуществлению своего прежнего намерения относительно Египта?

Во-первых, было уже слишком поздно. Поход про-

тив таком огромной страны, как Египет, даже самый непродолжительный, потребовал бы много времени, по меньшей мере нескольких месяцев. Далее, для того чтобы удержать в повиновении население Египта, пришлось бы оставить на берегах Нила три или четыре легиона. А Брут и Кассий располагали всего девятнадцатью легионами, да и те были укомплектованы не полностью. Новобранцев не хватало, потому что в восточных провинциях проживало мало римских граждан. Триумвиры же могли набрать в Италии столько солдат, сколько были в состоянии вооружить и оплатить.

И еще одно обстоятельство удерживало Кассия от похода в Египет. В этой стране действительно, как официально сообщала царица, свирепствовали стихийные бедствия, голод и поварные болезни.

Три года подряд, в 44, 43 и 42 годах, разлив Нила не достиг уровня, необходимого для орошения и удобрения возделываемых полей. Это известно не только из заявлений Клеопатры, которые можно было бы считать преувеличенными и продиктованными политическими соображениями. Сообщения о бедствиях в Египте в тот период содержатся и у ряда античных авторов. Наконец, о том же говорит надпись на гранитной плите на греческом и египетском языках. Эта надпись, сделанная в Фивах по приказу жрецов бога Амона-Ра и старейшин города, должна была увековечить заслуги царского чиновника по имени Каллимах, который вывел Фивы из бедственного положения. Во время голода и эпидемии, когда народ потерял всякую надежду на избавление, Каллимах, не жалея своего имущества, спас от гибели множество семей и заботился о том, чтобы⁹⁰ не прерывались и не понесли ущерба богослужения.

Известно также, что в тот период Клеопатра бесплатно раздавала хлеб населению Александрии и при этом обошла иудеев, что, естественно, вызвало среди них глубокое возмущение. Ведь иудеи в последние годы оказали царской семье огромные услуги. Иудей Антипатр, убедив сдать иудейский гарнизон Пелусия, помог Габинию вернуть в Александрию отца Клеопатры — царя-флейтиста. Позднее тот же Антипатр вместе с Митридатом пришел на помощь Цезарю: он первым ворвался на стены Пелусия, а во время продвиже-

ния войск по территории Египта вербовал сторонников среди иудейского населения. И в самой Александрии Цезарь и Клеопатра смогли удержаться только благодаря тому, что в кварталах вокруг царского дворца проживали дружелюбно расположенные

Однако Клеопатра поступала как правительница, для которой не существует ни прошлое, ни долг благодарности. Она считалась только с требованиями данной минуты. Хлеба в государственных зернохранилищах, возможно, и хватало бы на всех, но для этого нужно было делить его справедливо и выдавать понемногу. Вместо этого царица наделила хлебом лишь греков и египтян, в поддержку которых она была заинтересована больше всего. Таким образом, она разжигала вражду между иудеями и остальными своими подданными, что в той ситуации облегчало для нее управление страной. Клеопатра старалась показать, что она подлинно египетская царица, которая заботится только в своем народе, пренебрегая интересами всех других. Раздуваемый Клеопатрой ветер ненависти привел впоследствии к жестоким бурям в Александрии. Но это было уже после ее смерти.

Филиппы

Несмотря на то, что голод и эпидемии истощили страну, Клеопатре удалось летом 42 года снарядить сильный военный флот. Она сама возглавила его и поплыла на помощь Антонию и Октавиану. Легионы триумвиров уже переправлялись через Азию и двигались к берегам Македонии. Из Малой Азии в том же направлении шли войска Брута и Кассия.

Безусловно, у Клеопатры было достаточно причин, чтобы решиться на такой большой военный расход. Несмотря на неприязнь к Октавиану, при создавшейся ситуации ей не оставалось ничего иного, как искренно желать победы триумвиров и всячески этому содействовать. Был ли у нее другой выход? Отказав в помощи Кассию, царица восстановила его против себя. Она прекрасно знала, что Кассий готовил поход на Египет и только срочный вызов Брута помешал этому намерению. До Александрии доходили слухи о том, как же-

стоко он расправился с теми городами и народами, которые оказались в лагере его противников или просто заняли выжидательную позицию. В случае победы убийц Цезаря на Египет обрушились бы еще более страшные кары.

Брут и Кассий были хорошо осведомлены о всех действиях царицы. Они понимали, что вступление в войну египетского флота грозит им большими осложнениями. Поэтому, отобрав шестьдесят кораблей, один из самых сильных легионов и отряд лучников, они с этими силами расположились около среднего из трех южных мысов Пелопоннеса, Тенара, и стали поджидать египетский флот, чтобы разгромить его прежде, чем он соединится с кораблями триумвиров. Вскоре были получены сообщения, что египетские корабли вышли из александрийского порта, но еще у берегов Африки их настигла страшная буря. Множество кораблей затонуло, а остальные вернулись обратно. Царица серьезно заболела. Дальнейшее пребывание войск Брута и Кассия около Тенара стало бессмысленным, флот был переведен в другой район военных действий.

Так буря и болезнь помешали Клеопатре принять активное участие в войне триумвиров с убийцами Цезаря, длившейся несколько месяцев. Решающая битва произошла около города Филиппы, на македонском побережье Эгейского моря, в октябре 42 года. Ей предшествовали длительное выжидание и тактические маневры. По существу здесь было два сражения. Первое не принесло победы никому, однако во время боя Кассий, не разобравшись в обстановке и будучи убежден в своем поражении, покончил с собой. Второе сражение, 23 октября, окончилось разгромом легионов Брута. При отступлении полководец поразил себя мечом.

Таким образом, властителями Рима стали триумвиры. Но как поведут они себя по отношению к царице, которая не смогла, а может быть, не захотела оказать действенную помощь ни одной из сторон?

Весна 41 года

15 марта 41 года, то есть ровно через три года после трагических мартовских ид, Клеопатра приняла депутацию жителей столицы. К ней обратились представи-

тели александрийцев, владевших пахотными землями за пределами города, в различных областях страны. В жалобе, которую послы города подали ее величеству царице, говорилось, что старинные привилегии освобождают эллинов от всех повинностей, какими облагаются простые земледельцы, а начальники многих округов совершенно с этим не считаются, обременяя горожан всевозможными поборами деньгами и натурой.

Царица рассмотрела этот вопрос и через месяц, 13 апреля, издала указ. Плита с декретом из города Гераклеополя сохранилась до наших дней⁹¹ с надписью⁹¹.

«Царица Клеопатра Филопатора и царь Птолемей, который именуется также Цезарем, Филопатор Филометор начальнику округа Гераклеопо- ствие. Отдай распоряжение, чтобы прилагаемый указ, а также это царское письмо были выбиты на плите по- гречески и на местном языке. Плита должна быть выставлена для всеобщего обозрения в городе и во всех крупных селениях. Пусть все будет в соответствии с этим указом!»

Указ еще раз напоминает и подтверждает, что жители Александрии, обрабатывающие землю в разных областях, полностью и навсегда освобождаются от всяческих податей — за исключением основного налога в пользу государства.

Царица стремилась таким способом снискать расположение жителей Александрии, которые всего несколько лет назад с ожесточением осаждали ее и Цезаря в царском дворце. Очень характерно, что этот указ появился вскоре после битвы под Филиппами, когда Клеопатра и ее подданные оказались перед лицом полнейшей неизвестности.

Беспокойство Клеопатры нарастало, и не только потому, что она опасалась триумвиров. До Александрии стали доходить слухи о появлении претендентов на египетский трон. Царевна Арсиноя, украсившая в 46 году триумф Цезаря, находилась в храме Артемиды в Эфесе. Тамошние жрецы приняли ее очень радушно, так же как некогда ее отца — Птолемея Авлета. А ведь во время Александрийской войны Арсиноя бежала из Дворца и стала во главе народа в качестве самозванной царицы! Что, если ей сейчас удастся проникнуть в

Египет? Или если триумвиры признают ее право па-
трон и диадему?

Но это еще не все. В финикийском городе Араде по-
явился неизвестный молодой человек, утверждавший,
что он царь Египта — Птолемей XIII, брат и супруг
Клеопатры. Он будто бы не погиб — официально сооб-
щалось, что Птолемей XIII весной 47 года утонул в
Ниле, после того как его войска были разгромлены Це-
зарем, — а спасся и долго скрывался, опасаясь, что его
убьют по приказу Клеопатры и римлян. Сейчас, по его
мнению, настало время вернуть свое настоящее имя,
царский титул и наследство отцов!

Таковы были проблемы, тревожившие Клеопатру
весной 41 года. К тому же главный вопрос: как поведут
себя триумвиры? — по-прежнему оставался без ответа.
В сущности, речь шла теперь только об Антонии. После
сражения под Филиппами победители разделились. Ок-
тавиан вернулся на Апеннинский полуостров, чтобы
заняться внутренними делами Италии, а Марку Анто-
нию предстояло взяться за введение новых порядков на
Востоке. Для Клеопатры такой поворот событий был
благоприятным. Антония она хорошо знала. Впервые
они встретились, вероятно, в 55 году, когда молодой на-
чальник конницы в легионе Габиния — Марк Антонин
вторгся в Египет, чтобы вернуть трон Птолемею Авлету.
Клеопатра тогда была четырнадцатилетней девочкой.
В 46—44 годах в Риме она виделась с ним часто, пото-
му что Антоний принадлежал к числу ближайших дру-
зей диктатора. Привычки, склонности и слабые струнки
триумвира были известны царице. Октавиана же она
совсем не знала. Впрочем, этот тщедушный и замкну-
тый юноша был тайной не для нее одной.

Антоний шествовал через Малую Азию как новое
воплощение бога Диониса. Повсюду его принимали с
покорностью и раболепием, подобающими небожителям,
а он пировал и развлекался, милостиво возвышал го-
рода и страны, сочувствовавшие триумвирам, карал тех,
кто покорился Бруту и Кассию, и главное — старался
выжать у населения как можно больше денег. Царьки
в правители мелких государств, которых было много на
Востоке, и посольства городов спешили воздать ему по-
чести и принести дары. Не явился перед величием бо-
га-триумвира только посол самого могущественного и

богатого государства Востока — Египта. Клеопатра вела
себя так, словно не произошло ничего необыкновенного
и триумвир, решающий дела Римской державы, должен
сам вступить в контакт с соседним дружественным го-
сударством.

И действительно, через некоторое время, той же вес-
ной 41 года, перед царицей предстал личный посол Ан-
тония.

Посольство Деллия

Квинт Деллий был не только изысканным аристо-
кратом, но и столь искусным политиком, что многие
считали его не в меру циничным. Послав к египетскому
двору именно этого человека, Антоний проявил дипло-
матические способности и знание людей. Ибо миссия,
которую он возложил на Деллия, не была ни легкой, ни
приятной. Менее осторожный человек мог повести дело
с излишней твердостью и прямоотой, чего Антоний не
хотел: ведь его посланец должен был ни более, ни ме-
нее как предложить Клеопатре лично предстать перед
триумвиром и объяснить причину своего бездействия во
время последней войны. Царице, совсем недавно уве-
ренной в том, что она вместе с Цезарем будет владычи-
цей мира, теперь придется оправдываться перед его
подчиненным! Разумеется, для Антония была важна не
столько политическая сторона, сколько сам факт, что
прекрасная царица, правительница могущественного
государства, смиренно предстанет перед его трибуна-
лом и будет униженно просить о прощении — совсем
как десятка мелких царьков из Малой Азии и Сирии.

Клеопатра, очевидно, сразу разгадала намерения
Антония. Она могла найти благовидный предлог и отка-
заться от поездки, поставив Антония в затруднительное
положение — ему пришлось бы либо самому отпра-
виться в Александрию, либо предоставить Египет соб-
ственной судьбе. Ни то ни другое не устраивало триум-
вира. Но хитрый Деллий сумел убедить Клеопатру со-
гласиться на эту встречу.

Местом свидания назначили Таре, город в Кили-
кии, который два года назад почти полностью был ра-
зорен Кассием. Деллий дал Клеопатре полезные советы

относительно того, как лучше вести себя с его начальником. Он не все осмелился сказать прямо, но в ходе одной из бесед кстати процитировал Гомера:

Лучшею сердцу богини сия показалась дума:
Зевсу на Иде явиться, убранством себя изукрасив 92.

Это были стихи из XIV песни «Илиады», которая называется «Обольщение Зевса». Содержание ее таково.

Во время Троянской войны отец богов и людей Зевс покровительствовал осажденному городу, в то время как его жена Гера всеми способами помогала ахейцам. Поэтому, когда в одной из битв троянцы особенно энергично теснили своих врагов, Гера замыслила хитрость. Она решила отправиться на гору Иду и там возбудить в муже жажду наслаждений, а потом послать на него сладкий сон и тем временем прийти на выручку ахейцам. Сначала она искупалась и умастилась чудесно пахнущей амброзией, потом надела прекрасное платье, вдела в уши золотые серьги, набросила на волосы тонкую вуаль. И это еще не все. У Афродиты она попросила цветной, дивно расшитый пояс, в котором таились все чары богини: любовь, вожеление, сладость беседы, которая лишает рассудка даже самых благоразумных.

Так же должна была теперь поступить и Клеопатра. Но она, вместо того чтобы просить у богини ее волшебный пояс, сама решила стать Афродитой!

Как же выглядел бог, к которому она спешила?

Увлечения и браки Антония

«Он обладал красивою и представительной внешностью. Отличной формы борода, широкий лоб, нос с горбинкой сообщали Антонию мужественный вид и некоторое сходство с Гераклом, каким его изображают художники и ваятели. Существовало даже древнее предание, будто Антоний ведет свой род от сына Геракла — Антона. Это предание, которому, как уже сказано, придавало убедительность обличив Антония, он старался подкрепить и своею одеждой: всякий раз, как

ему предстояло появиться перед большим скоплением народа, он опоясывал тупику у самых бедер, к поясу пристегивал длинный меч и закутылся в тяжелый военный плащ. Даже то, что остальным казалось пошлым и несносным,— хвастовство, бесконечные шутки, неприкрытая страсть к попойкам, привычка подсесть к обедающему или жадно проглотить кусок с солдатского стола, стоя,— все это солдатам внушало прямо-таки удивительную любовь и привязанность к Антонию. И в любовных его утехах не было ничего отталкивающего,— наоборот, они создавали Антонию новых друзей и приверженцев, ибо он охотно помогал другим в подобных делах и нисколько не сердился, когда посмеивались над его собственными похождениями. Щедрость Антония, широта, с какою он одаривал воинов и друзей, сперва открыла ему блестящий путь к власти, а затем, когда он уже возвысился, неизменно увеличивала его могущество, несмотря на бесчисленные промахи и заблуждения, которые подрывали это могущество и даже грозили опрокинуть»⁹³.

Так пишет о триумвире Плутарх.

Готовясь к встрече с Антонием, Клеопатра особенно интересовалась его любовными похождениями. Многое она, безусловно, знала и раньше — проделки Антония вызывали столько пересудов, что невозможно было о них не услышать. Говорили, например, о том, как Антоний со своей любовницей Цитерой разъезжал по Риму в колеснице, запряженной львами. Немало мог рассказать царице и Деллий, посвященный во все сплетни, интриги и скандалы высшего общества. История одних лишь браков Антония давала обильный материал для бесед.

В первый раз Антоний женился на некоей Фадии, дочери вольноотпущенника, то есть на женщине низкого происхождения. Всем было ясно, что аристократ Антоний решил на этот брак только ради денег. Мы уже говорили, что отец Антония не оставил своим детям никакого состояния. Совместная жизнь продолжалась недолго. Однако враги даже через много лет после развода все еще попрекали Антония этим мезальянсом.

Затем Антоний женился на своей двоюродной сестре Антонии. Этот брак окончился скандалом. Антоний

публично, перед всем сенатом, в котором заседал и его тесть, заявил:

— Жена изменила мне с Долабеллой.

Речь шла о том самом Долабелле, который позднее погиб в Лаодикее. Между обоими политиками с тех пор действительно не было согласия, но никто не знал точно, было ли причиной конфликта обольщение Антонии или, наоборот, Антоний сочинил все это, чтобы оправдать свою ненависть к Долабелле.

Развод со второй женой приходится на 46 или 45 год. Во всяком случае, в 45 году у Антония уже была третья жена, Фульвия, которая до него была дважды замужем. Оба мужа Фульвии умерли насильственной смертью. Первый муж, знаменитый народный трибун, непримиримый враг Цицерона — Клодий, был убит людьми другого народного трибуна, Милона, в стычке на Аппиевой дороге. После него осталось двое детей. Ее второй муж, Курион, друг и сподвижник Цезаря, погиб в борьбе с противниками диктатора в 49 году.

Фульвия была очень богата, и Антония, по-видимому, прежде всего интересовали ее деньги. Однако один забавный случай, происшедший в 45 году, в первые месяцы супружества, заставляет думать, что Антоний не был равнодушен к жене. История эта вполне достоверна. Она получила широкую огласку в Риме, а нам известна благодаря Цицерону, который гневно упрекал Антония за его проделку в речи перед сенатом.

Цезарь в это время находился в Испании, где он навел порядок после победы над сыновьями Помпея. Антоний не участвовал в походе, а остался в Риме, чтобы домогаться консульства на следующий, 44 год. Он выехал из столицы по каким-то делам в Нарбонскую Галлию и вернулся оттуда раньше, чем предполагал.

«А каково было возвращение Антония из Нарбона, — с негодованием говорил Цицерон. — Приехав приблизительно в десятом часу в Красные Скалы⁹⁴, он укрылся в какой-то корчме и, прячась там, пропьянствовал до вечера. Быстро подъехав к Риму на тележке, он явился к себе домой, закутав себе голову. Привратник ему: „Ты кто?“ — „Письмоносец от Марка“. Его тут же привели к той, ради кого он приехал, и он передал ей письмо. Когда она, плача, читала письмо (ибо содержание этого любовного послания было таково: у

него-де впредь ничего не будет с актрисой, он-де отказался от любви к той и перенес всю свою любовь на эту женщину), когда она разрыдалась, этот сострадательный человек не выдержал, открыл лицо и бросился ей на шею»⁹⁵.

Эта забавная шутка чуть не привела к серьезным политическим осложнениям. Слуги, как водится, подглядывали и подслушивали. Они мгновенно разнесли весть, что Антоний вернулся украдкой и переодетый, что он привез очень важное письмо, а Фульвия горько плакала.

В Риме начался переполох. Возникло подозрение, что в письме содержались какие-то тайные известия и приказы Цезаря. Больше всего боялись, что, победив сыновей Помпея, диктатор пойдет по стопам Суллы и объявит проскрипции, то есть поставит вне закона всех своих врагов и конфискует их имущество. Минуты великого страха пережил тогда и Цицерон. Положение казалось настолько серьезным, что было созвано специальное народное собрание, на котором трибун задал Антонию вопрос: по какой причине он вернулся в город столь необычным образом?

— По личной причине, — ответил Антоний.

Эти слова вызвали бурю смеха и непристойных шуток.

Фульвия, бесспорно, была незаурядной личностью. Современники обвиняли ее в непомерном честолюбии, жажде власти, алчности, утверждали, будто она оказывает дурное влияние на мужа. Однако, если верить источникам, все эти черты проявились только после смерти Цезаря, когда Антоний выдвинулся на одно из первых мест в государстве, а его жена начала строить планы, столь же грандиозные, как недавние планы Клеопатры. Фульвия не сопровождала мужа в путешествии на Восток. Она осталась в Риме с детьми — от Антония у нее их было уже двое. Кроме того, она должна была в отсутствие триумвира вести его политические и имущественные дела.

Могла ли она предположить, что в далеком Тарсе он встретит Афродиту!

Клеопатра прибыла в Тарс на корабле, нос которого сверкал золотом, а паруса отливали пурпуром. Посеребренные весла ритмично, в такт музыке флейт и кифар, ударялись о воду. Сама царица в уборе Афродиты покоилась под сенью расшитого золотом шатра, а стоявшие по обе стороны от нее мальчики с огромными пестрыми опахалами изображали эротов из свиты богини любви. На палубе танцевали прекрасные девушки, одетые nereидами, морскими нимфами и прислужницами Афродиты — харитами.

Когда по городу разнеслась весть, что от устья реки вверх по течению плывет необыкновенный корабль — Тарс находился неподалеку от впадения реки Кидн в море, — бесчисленные толпы людей поспешили к берегу. Мало-помалу опустела даже рыночная площадь, хотя там на возвышении восседал сам Антоний, приветствуемый и прославляемый, как бог.

Жителям Тарса было за что благодарить триумвира — он щедро наградил их за помощь в борьбе с Кассием: все тарсийцы, проданные в рабство в 43 году, были отпущены, город был признан полностью автономным и свободным от каких бы то ни было податей.

Идея Клеопатры была удачной не только потому, что столь великолепное зрелище должно было прийтись по вкусу Антонию, который сам недавно въезжал в Эфес подобно Новому Дионису. Важнее было то, что появление царицы перед триумвиром приобрело совершенно иной характер, чем предполагал Антоний. Вместо деловой встречи политиков получилась увлекательная игра в богов. Владычица могущественного государства на Востоке и завоеватель Востока возносились над толпами смертных, словно олимпийские боги.

Клеопатра приложила все усилия, чтобы торжество Афродиты, вышедшей из волн морских, поразило своим блеском Антония.

Историк-современник этих событий пишет: «Вся сделанная с величайшим искусством посуда была из золота и драгоценных камней. Стены зала были увешаны коврами, вытканными из пурпурных и золотых нитей. Царица велела приготовить двенадцать пиршественных лож и пригласила Антония с теми друзьями,

которых он сам изберет. При виде этого великолепия триумвир остановился пораженный. Царица же, улынувшись, сказала:

— Дарю тебе все, что здесь находится!

Назавтра она снова пригласила его к себе с друзьями и военачальниками. Перед богатством сегодняшнего приема померкла вчерашняя роскошь. И снова царица все подарила гостю. Она попросила также, чтобы каждый из военачальников унес с собой свое пиршественное ложе и лучшую посуду со своего стола. Когда знатные римляне покидали зал, возле каждого появился носильщик с носилками. Некоторые друзья Антония получили в подарок коней с серебряной упряжью. Каждого гостя сопровождал по дороге домой мальчик-эфиоп с факелом, освещавшим дорогу. На следующий день царица приказала принести роз на целый талант. Пол в пиршественных залах был покрыт лепестками на высоту локтя; над цветами была раскинута кисея»⁹⁶.

Любовь и политика

Вся эта роскошь и обаяние красивой женщины вскружили голову Антонию, который был, в сущности, человеком довольно примитивным. Возможность за просто беседовать с царицей, возлюбленной великого Цезаря, безусловно, льстила ему. К тому же союз с Клеопатрой имел для него большое политическое значение: дружба и помощь владычицы богатой страны обеспечивали — без войны, забот и хлопот — материальные ресурсы и денежные средства, необходимые ему в огромном количестве, потому что многолетние гражданские войны довели казну и хозяйство Рима почти до полного упадка. Легионеры же требовали денег, снаряжения, земли. Получив поддержку Клеопатры, Антоний мог смотреть на Октавиана чуть ли не с превосходством. Вернувшись после битвы при Филиппах в разоренную Италию, приемный сын Цезаря столкнулся там с неприязнью сената, враждебностью масс, разнузданностью солдат. Чтобы наделить освобожденных от службы легионеров землей, он должен был согнать с земли е прежних владельцев, что могло привести к вооруженному восстанию. Все это отнюдь не беспокоило Ан-

тония. Затруднения и неудачи Октавиана были ему только выгодны. Сам он уже достаточно нагнал на Востоке, а дружба с Клеопатрой сулила самые радужные надежды на будущее.

Нетрудно догадаться, что в создавшейся ситуации триумvir с полным сочувствием выслушал объяснения Клеопатры относительно ее позиции в последней войне:

— Всем известно, что я отправила из Египта к Долабелле, который сражался на вашей стороне, четыре легиона. Не моя вина, что по пути их захватил Кассий. Я хотела послать в Лаодикею подкрепления; корабли с войсками и снаряжением уже стояли в портах. К сожалению, неблагоприятные ветры сделали невозможным их отплытие. А потом было уже поздно — Лаодикея пала. Известно также, что Кассий добивался от меня помощи. Однако я не дала ему ни солдат, ни кораблей. Он не получил из Египта ни одного пшеничного зерна! Позднее, когда ваши войска отправились на Восток для борьбы против Кассия и Брута, я готова была сама поспешить к вам во главе большого флота. Корабли *уже* вышли из гавани, но жестокая буря разбила их и развеяла по морю, а я тяжело захворала. Пришлось вернуться в Александрию.

Эти объяснения были приняты и доводы признаны убедительными. Антоний, в свою очередь желая дать царице доказательства своего дружелюбия, охотно выполнил ее «мелкие» просьбы. Он приказал убить сестру Клеопатры, царевну Арсиною, которая находилась в храме Артемиды в Эфесе. Этот древний и глубоко почитаемый храм с незапамятных времен пользовался правом убежища. Люди триумвира нарушили это право без всяких колебаний. Они даже схватили и привели к своему начальнику верховного жреца храма — за то, что он осмелился приютить Арсиною. Старца спасла находчивость жителей Эфеса, которые обратились с просьбой о заступничестве к Клеопатре. Та, разумеется, не замедлила проявить милосердие.

Жители Арада получили приказ выдать мнимого брата Клеопатры, самозванца Птолемея XIII. Из Тира был вызван бывший наместник Кипра, который осмелился без приказа царицы оказать помощь Кассию.

Вполне возможно, что, если бы победителем оказался Кассий, Клеопатра уверяла бы его в своем дружелюбии, ссылаясь как раз на тот факт, что кипрский флот по ее распоряжению поспешил ему на помощь.

Когда все политические вопросы были решены, наступила разлука. Клеопатра вернулась из Тарса в Александрию, а Марк Антоний отправился в поездку по городам Сирии.

Положение в Сирии было угрожающим. Население ориентировалось на своих соседей за Евфратом — парфян. После смерти Цезаря во многих сирийских городах упрочили свою власть царьки и тираны, пользующиеся поддержкой Парфии. Антоний изгнал из Сирии всех, кто был связан с парфянами, и обложил сирийские города большой данью.

Поход римлян в оазис Пальмира не увенчался успехом, потому что жители Пальмиры заблаговременно бежали из страны.

Александрия и Перузия

О том, как царица Египта принимала в Александрии Антония, много говорили и тогда и позднее — одни с негодованием, другие с восторгом и изумлением. Даже празднества в Тарсе померкли перед тем великолепием, которым Клеопатра окружила гостя в своей столице. Пиршества, увеселения, охота следовали бесконечной чередой. В перерывах между развлечениями в залах гимнасия устраивались шуточные философские диспуты, спортивные состязания и фехтовальные поединки. А когда высокой чете наскучивала роскошь дворца с его золотыми ночными горшками и надоедало растворять в вине жемчуг, они, переодевшись слугами, выходили в город и участвовали в забавах простонародья. Антоний сбросил тяжелую, сковывавшую движения римскую тогу и появлялся всюду только в легкой греческой одежде.

Так в удовольствиях и веселье проходила зима и ранняя весна 40 года. Триумvir не обращал внимания на то, что многие осуждали его за длительное бездельствие.

Между тем в Италии вновь вспыхнула гражданская война. Ее зачинщиками и руководителями были самые близкие Антонию люди — жена Фульвия и брат Луций. Они объединили вокруг себя и возглавили тех жителей Италии, которых коснулась проводимая Октавианом конфискация земельных участков. Однако это движение не приняло того широкого размаха, какого они ожидали. Октавиану удалось окружить своих противников в городе Перузии, где вскоре начался голод. Многие утверждали тогда, что весь этот хаос нарочно устроила Фульвия, испуганная увлечением своего мужа Клеопатрой. Она будто бы надеялась, что опасное положение на родине вырвет Антония из объятий египетской царицы. Однако есть основания думать, что Фульвией руководили более серьезные, политические соображения. Эта честолюбивая женщина всеми силами стремилась отстранить Октавиана, чтобы подарить власть над Римом мужу, а самой стать первой дамой в государстве. Когда Фульвия только начала проводить в жизнь свои планы и вербовать сторонников среди жителей Италии, никто не подозревал, как основательно запутался Антоний в александрийских сетях.

Во время осады Перузии в Египет один за другим прибывали послы обеих сторон. Гонцы от Фульвии и от Октавиана умоляли Антония немедленно вернуться в Италию. Но он оставался глух к их призывам. Некоторым оправданием Антонию может послужить то, что все это происходило в зимние месяцы, когда предпринимать морское путешествие было бы чистым безумием. Кроме того, ему были на руку затянувшиеся волнения и обострившаяся борьба в Италии. По всей вероятности, он рассчитывал появиться в критический момент и положить конец кровопролитию, продемонстрировав народам Италии и всей Римской державе, что только он один их спаситель и подлинный повелитель.

Но Антоний недооценил решительности и энергии своего молодого коллеги и противника. В феврале 40 года Октавиан принудил измученную голодом Перузию к капитуляции. Он жестоко расправился с жителями города, а Фульвию и ее детей отпустил на свободу. Жена Антония уехала в Грецию.

Обо всех этих событиях Антоний узнал из письма Фульвии, полученного уже не в Александрии, а в фини-

кийском городе Тире, куда ему пришлось срочно отправиться, так как пришло сообщение, что огромное войско парфян перешло Евфрат и быстро продвигается в глубь восточных провинций Рима. Один корпус парфян шел в Малую Азию, другой занял Сирию, а третий направлялся в Финикию и Палестину.

Тир не сдался парфянам. Расположенный почти на острове, город мог защищаться в течение долгих месяцев. Но на других фронтах нечего было и думать о сопротивлении. Войск у Антония не хватало, а местное население, измученное грабительствами римлян, сочувствовало завоевателям, наивно полагая, что новые правители окажутся более сносными.

При сложившейся ситуации Антонию не оставалось ничего иного, как срочно отправиться в Италию, потому что только там он мог наберечь новых солдат. Кроме того, он хотел ликвидировать последствия Перузианской войны и прийти к соглашению с Октавианом. Антоний заехал в Грецию и в Афинах встретился с женой. Фульвия была в полном отчаянии от всего случившегося. Но супруг отнесся к ней со свойственной ему жестокостью. Как она посмела развязать войну — что хуже всего — проиграть ее!

Вскоре после этого Фульвия умерла в Сикионе.

Между тем Антоний был уже у берегов Италии. Он хотел стать на якорь в Брундизии, но входы в гавань были закрыты войсками Октавиана.

Начался длительный период дипломатической борьбы двух триумвиров.

Четыре года разлуки

Когда Антоний уезжал из Александрии, Клеопатра ждала ребенка. Через несколько месяцев после его отъезда, в том же 40 году, она родила близнецов, мальчика и девочку.

Что же касается отца детей, то он, поглощенный проблемами большой политики, казалось, совсем забыл о своем египетском увлечении. В сентябре 40 года в Брундизии было заключено соглашение, по которому соперники произвели новый раздел провинций. Все про-

винции к востоку от города Скодра в Иллирии (современный Шкодер в Албании) получил Антоний; Октавиану были отданы западные провинции; Африка сохранялась за Лепидом, роль которого становилась все менее значительной. Италия объявлялась их общим владением, так как там находилась столица государства; Антоний и Октавиан получили право вербовать в Италии легионеров. Такое решение вопроса до некоторой степени устраивало и Клеопатру. Безусловно, ей гораздо приятнее было бы услышать о полной победе своего возлюбленного над Октавианом, но то обстоятельство, что раздел провинций и в дальнейшем связывал Антония с Востоком, а следовательно, также и с Египтом, было для нее важнее всего.

Одновременно с этим сообщением в Александрию пришло и другое: в целях скрепления брундизийского договора было решено, что недавно овдовевший Антоний женится на сестре своего коллеги Октавиана — Октавии. Бракосочетание состоялось в Риме осенью 40 года. Эта весть должна была очень огорчить египетскую царицу, мать детей Антония.

Октавия была старше Клеопатры всего на один год. В то время ей было тридцать лет. Сохранились описания ее внешности и портреты, которые изображают Октавию женщиной очень красивой, с приятными и правильными чертами лица. Известно также, что она была скромна, тиха, предана дому и семье, ласкова и доброжелательна со всеми — словом, в ней воплощался римский идеал женщины, выраженный в традиционной формуле надгробных надписей: «*Pia pudens pudica — Lanam fecit*», то есть «Благочестива, скромна, целомудренна — пряла шерсть». Действительно, трудно найти более простую и выразительную похвалу хозяйке.

Первый муж Октавии незадолго до того умер, оставив двух детей. Хотя вопрос о ее замужестве решала не она сама, а ее брат, Октавия искренне любила своего второго мужа. И Антоний, по крайней мере в первое время, по-видимому, не был к ней равнодушен. Не потому ли, что Октавия, противоположностью чувственной, любящей роскошь, изобретательной в увеселениях, соблазнительной и коварной Клеопатре?

Сначала царица еще могла тешить себя надеждой,

что брак Антония с Октавией, заключенный ради политических целей и как бы по принуждению, превратится в фикцию, едва лишь Антоний снова окапается на Востоке. Она рассчитывала, что Октавия останется в Риме, а Антоний вернется к ней и ее детям. Но момент возвращения триумвира отдался. Весь 40 год и большую часть 39-го он пробыл в Италии. Его вынуждало к этому как положение в столице, население которой отнюдь **но** проявляло энтузиазма по **поводу** мероприятий триумвиров, так и необходимость собрать силы для борьбы с парфянами; все это время с парфянами **в** Сирии сражался один из легатов Антония — Вентидий Басс.

Лишь осенью 39 года Антоний выехал из Рима — но не один, а с Октавией. Целью поездки были Афины. Об их пребывании в этом городе пишет один из древних историков:

«...Антоний провел зиму в Афинах с Октавией, как перед тем в Александрии с Клеопатрой, имея сведения из лагерей только на основании присылаемых сообщений. Он сменил жизнь вождя на скромную жизнь частного человека, носил четырехугольную греческую одежду и аттическую обувь, не имел привратников, ходил без несения перед ним знаков его достоинства, а лишь с двумя друзьями и двумя рабами, беседовал с учителями, слушал лекции. И обед у Антония был греческий; с греками же он занимался гимнастическими упражнениями; празднества и развлечения он делил с Октавией. Сильна была в это время его страсть к Октавии, так как он вообще быстро увлекался любовью к женщинам. Но как только миновала зима, Антоний сделался как бы другим человеком, вновь изменилась его одежда, а вместе с тем и весь его образ жизни. Немедленно около дверей появилось множество ликторов, военачальников, телохранителей. Все внушало страх и изумление. Начались приемы посольств, которые до того времени задерживались, производился суд. Спущены были корабли, делались все другие приготовления»

Воспоминания были полной весной 38 года Антоний наконец прибыл в Сирию. К тому времени его полководцу Вентидию удалось разбить парфян и оттеснить их за Евфрат, Триумвир захватил один город, а настоящего победителя отослал в Италию, присвоив себе при помощи этой хитрости чужую военную славу.

Зиму Антоний снова провел в Афинах, а затем вернулся в Италию. Между ним и Октавианом стал назревать очередной конфликт, устраненный благодаря вмешательству Октавии. Антоний передал своему шурина более ста "кораблей; взамен ему были обещаны четыре легиона для похода против Парфии, которую Антоний намеревался завоевать. Триумвир задумал осуществить то, что не удалось Цезарю,— донести серебряные орлы римских легионов до Индии.

Осенью 37 года Антоний покинул Италию и никогда уже туда не возвратился. Октавия сопровождала мужа только до острова Керкира. Антоний отправил ее домой, чтобы не подвергать тяготам и опасностям дальнего похода, тем более что Октавия была беременна. Вскоре она родила дочь, вторую в этом браке.

Прошло четыре года с тех пор, как Антоний расстался с Клеопатрой. Все это время они, по всей вероятности, обменивались письмами, но даже древним историкам не были известны хотя бы отрывки из этой переписки. Около Антония всегда находился египетский астролог, приставленный к нему царицей. Он составлял гороскопы и давал советы. Легко догадаться, какие именно наставления получал от него Антоний:

— Тебя ждет прекрасная и великая судьба, однако на нее бросает тень судьба Октавиана. Держись подальше от этого молодого человека, ибо твой гений боится гения Октавиана. Когда твой дух-хранитель один, он радуется и крепнет, а рядом с Октавианом он печалится и слабеет.

Солнце и Луна

После четырехлетней разлуки Антоний встретился с Клеопатрой не в Египте, а в Сирии. Триумвир хотел соблюсти внешние приличия. В случае надобности он мог бы оправдаться перед Римом и собственной женой:

— По политическим соображениям и в особенности в связи с предстоящим походом против парфян я должен был вступить в переговоры с правительницей самого сильного государства Востока. Встреча произошла на территории Римской державы, царица выступала только в качестве приглашенной для беседы союзницы.

Вполне вероятно, что, отправляя своего посла в Александрию, триумвир действительно хотел придать этому свиданию чисто деловой характер и что именно такие инструкции получил от него Фонтей Капитон, человек более серьезный, чем Квинт Деллий. Перед послом и другом Антония стояла нелегкая задача. Царица вполне могла отказаться выехать за пределы своей страны. Но Капитон, по-видимому, искусно повел дело. А может быть, Клеопатра решила повернуть все иначе, чем планировал Антоний, и попытаться повторить в Сирии то, что так прекрасно удалось четыре года назад в Тарсе,— снова пленить римлянина.

На этот раз Клеопатра не стала изображать Афродиту. Не было маскарада, роскоши, увеселений. Она просто взяла с собой трехлетних близнецов, детей Антония.

В трудах древних авторов есть описание встречи в Тарсе в 41 году, но не сохранилось ни одного рассказа о том, что произошло в Сирии, как встретились Клеопатра и Антоний, о чем говорили друг с другом, как объясняли свои поступки. Но мы знаем главное: Антоний взял на руки и поднял вверх детей Клеопатры. По римским понятиям и обычаям, это означало, что он официально признает их своими. Вероятно, именно тогда близнецы получили новые имена. Мальчика назвали Александром Гелиосом, то есть Солнцем, а девочку — Клеопатрой Селеной, Луной. В этом, разумеется, был определенный политический смысл. Подобно Александру Великому, триумвир готовился к походу на Восток. Имя мальчика — Александр — должно было напоминать о великом прошлом и предвещать еще более великое будущее: как три столетия назад. Персия вновь будет покорена. Кроме того, назвав своих детей Гелиосом и Селеной, Антоний и Клеопатра хотели показать, что они рассчитывают завоевать господство над Парфией, царь которой в своей богатой титулатуре имел гордое наименование «брат Солнца и Луны». Наконец, надо помнить, какую роль играли в верованиях египтян и греков солнце и луна. Клеопатра — Исида и ее супруг Антоний — Дионис, будучи богами, могли произвести на свет только богов.

Признав детей, Антоний должен был сделать их мать своей законной супругой. Так он и поступил. Правда, мы не знаем, случилось ли это тогда же, осенью 37 года, в Сирии или несколько позднее. Брак с Клеопатрой вов-

се не означал, что Антоний, был намерен разводиться с Октавией. С точки зрения римлян, его женой считалась только Октавия, потому что по закону римский гражданин мог вступить в брак с чужестранкой лишь в том случае, если ее страна была связана с Римом так называемым *jus connubii*, соглашением, дающим право гражданам двух государств заключать важные династические браки. С Египтом у Рима такого договора не было. Поэтому Октавиан и его сестра попросту игнорировали женитьбу Антония, а церемонию бракосочетания рассматривали как очередную выходку триумвира, наподобие тех, о которых мы говорили.

Что же касается подданных Клеопатры, то они, как и все восточные народы, вообще не придавали значения юридической стороне дела. Боги и цари выше законов, и, если им угодно, они совершают обряды и становятся супругами. Из этого, однако, не следует, что Антоний сделался царем и повелителем Египта. Он был в этой стране — если воспользоваться современной терминологией — на положении «царствующего супруга».

Дары

Осенью 37 года Клеопатра получила от отца своих детей необычайно щедрые подарки. Возможно, это были подношения жениха — если бракосочетание состоялось именно тогда. Царица получила сирийский город Халкис, правитель которого поплатился жизнью за сочувствие парфянам; несколько крупных частных поместий в Киликии и на Крите; ей были отданы в управление некоторые города на побережье Сирии и Финикии. Кроме того, Антоний подтвердил принадлежность Кипра Египту, провозглашенную одиннадцать лет назад Цезарем. В целом эти пожалования были огромны. Но формально Антоний не посягал на римские владения на Востоке. Он передал Клеопатре те территории, которые по каким-либо причинам остались без владельцев после недавнего нашествия парфян. На основании соглашения с Октавианом Антоний имел право решать проблемы Востока так, как он найдет полезным для республики. Впрочем, не одна Клеопатра поживилась тогда за счет

милостивых щедрот триумвира, который раздавал целые царства — главным образом в пограничных областях. Их новые правители, формально считаясь римскими союзниками, фактически были вассалами Рима, а их владения — его форпостами. Таким образом, Антоний защитил границы восточных провинций от внешних нападений кордоном из мелких зависимых государств. Это была разумная и целесообразная политика.

Но все эти подарки и пожалования не удовлетворили Клеопатру. Она не скрывала, что ждет большего. Особенно ей хотелось получить Иудею и Аравию, называвшуюся тогда Набатейской, то есть территорию Палестины с прилегавшими к ней с востока землями. Свои притязания она оправдывала тем, что при первых Птолемеях Палестина находилась под властью Египта, лишь потом ею завладели Селевкиды, которым пришлось уйти из страны под натиском восставших иудеев. Однако на этот раз Антоний не был так великодушен. И не без причин. В Иудее в это время царствовал Ирод, три года назад возведенный на престол Антонием и Октавианом. Ирод изгнал из Палестины парфян и разгромил враждебную ему политическую группировку внутри страны. Отобрать у него Иудею значило бы грубо нарушить существующее соглашение и подорвать авторитет нового режима на Востоке. К тому же Клеопатра все равно не справилась бы с иудеями. Все хорошо знали, что этот народ фанатически дорожит своей свободой и способен за нее постоять.

В конце концов Клеопатра получила небольшую часть Иудеи, правда наиболее плодородную: город Иерихон с окрестностями, где находились знаменитые плантации благовонных кустарников. А из территории набатеев Антоний отдал ей полосу земли к востоку от Мертвого моря. Все это он сделал, разумеется, не спрашивая разрешения ни у Ирода, ни у арабов. Впрочем, те были рады, что теряют сравнительно немного. Неясно одно — получила все это Клеопатра в 37 году или двумя годами позже.

Весной 36 года большая армия Антония двинулась на восток против парфян. Клеопатра сопровождала полководца до Евфрата.

У современных исследователей нет единого мнения о том, когда именно Клеопатра посетила Иерусалим: летом ли 36 года, по пути с Евфрата, или через два года, в 34 году. Сохранился рассказ об этой встрече иудейского писателя Иосифа Флавия, жившего в I веке н. э. и писавшего по-гречески. В своих сочинениях Флавий использовал труды историков-современников описываемых событий. Возможно, в его распоряжении были даже дневники царя Ирода, принимавшего Клеопатру в Иерусалиме.

Несмотря на то что Иосиф Флавий относился к числу противников политической линии Ирода, когда речь шла о Клеопатре, он, как и все иудеи, полностью разделял позицию и чувства своего царя. Вот что говорит Флавий о царице Египта:

«В это время в Сирии опять возникли волнения, потому что Клеопатра не переставала возбуждать Антония против всех. Она уговаривала его отнимать у всех престолы и предоставлять их ей, а так как она имела огромное влияние на страстно влюбленного в нее Антония и при своей врожденной любострастности отличалась неразборчивостью в средствах, то решила отравить своего пятнадцатилетнего брата, к которому, как она знала, должен был перейти престол; при помощи Антония она также умертвила свою сестру Арсиною, несмотря на то, что та искала убежища в храме эфесской Артемиды. Где только Клеопатра могла рассчитывать на деньги, там она не стеснялась грабить храмы и гробницы; не было столь священного места, чтобы она не лишила его украшений, не было алтаря, с которого она не сняла бы всего, лишь бы насытить свое незаконное корыстолюбие. Ничего не удовлетворяло этой падкой до роскоши и обуреваемой страстями женщины, если она не могла добиться чего-либо, к чему стремилась. Вследствие этого она постоянно побуждала Антония отнимать все у других и отдавать ей»⁹⁸.

По словам историка, Антоний сделался игрушкой в руках этой требовательной и капризной женщины; словно околдованный любовью, он уступал ей во всем, чего бы она ни пожелала.

О визите в Иерусалим Флавий пишет следующее:

«...Проводив до Евфрата Антония, отправлявшегося в поход против Армении, Клеопатра вернулась назад и прибыла в Апамею и Дамаск. Затем она поехала также в Иудею, и здесь с нею встретился Ирод, который заарендовал у нее полученную ею в дар часть Аравии и окрестности Иерихона. Эта область дает наилучший балзам, равно как имеет множество прекрасных финиковых пальм. При этих обстоятельствах, когда ей приходилось иметь довольно много дела с Иродом, Клеопатра, природою своею побуждаемая к чувственным удовольствиям, а может быть и охваченная действительно чувством искренней любви к нему, пыталась интимнее сблизиться с царем; может быть, она тут преследовала цель, и это вероятнее, иметь новый повод овладеть им для исполнения своих коварных замыслов. Как бы то ни было, она делала вид, будто совершенно покоряется Ироду. Однако последний и раньше не был расположен к Клеопатре, зная, что она всем в тягость; он стал ее еще более ненавидеть за то, что она дошла до такого бесстыдства, и вместе с тем решил предупредить ее коварные замыслы и отомстить ей. Поэтому он отверг ее предложения и стал совещаться со своими приближенными, не лучше ли будет убить ее, раз она теперь в его руках. Таким образом он полагал освободить из затруднения всех тех, кто уже испытал на себе гнет Клеопатры, равно как будущие ее жертвы. Этим самым он думал оказать услугу самому Антонию, так как Клеопатра изменит ему, если только он очутится в каком-нибудь затруднении и обратится к ее помощи. От исполнения это

Ирода, однако, удержали друзья его, поставляя ему, в первых, на вид, что ему, который имеет совершить более важные предприятия, вовсе не подобает подвергать себя такой явной опасности, а затем умоляя его не предпринимать ничего слишком поспешно, ибо Антоний не снесет этого спокойно, даже если ему кто-нибудь наглядно сумеет представить всю пользу такого поступка. Его страсть к Клеопатре лишь еще более возгорится от сознания, что его лишили ее насильственным или коварным образом. При этом Ирод не будет в состоянии привести какое-либо достаточное основание того, что он рискнул поднять руку на женщину⁹⁹, обладавшую величайшим значением своей эпохи...»

Совершенно очевидно, что в приведенном рассказе

Иосиф Флавий точно следует какому-то источнику, автор которого явно сочувствует Ироду. Возможно, это были дневники самого царя.

Ненависть Ирода к Клеопатре имела еще одну причину. Царица участвовала в заговоре против него, который был составлен в иерусалимском дворце. Она действовала, разумеется, через посредников. Клеопатра тайно поддерживала мать жены Ирода Александру, люто ненавидевшую своего зятя. Как только заговор был раскрыт, Александра хотела бежать в Египет, но была схвачена в последний момент, когда ее, спрятанную в гробу, выносили из дворца. Позднее, когда Ирода обвиняли в убийстве юного шурина, сына Александры, верховного жреца Аристобула, Клеопатра выступала с особой запальчивостью. Ирод действительно был повинен в этой смерти, но для Клеопатры важен был не факт преступления, а возможность использовать его в качестве аргумента против Ирода.

Переплетение всех этих мрачных событий и интриг никому не удалось распутать до конца. Ясно одно: какое-то преступление было на совести не только Ирода, но и самой Клеопатры. Эти двое мало чем отличались друг от друга. Оба были одинаково честолюбивы и в борьбе за власть пользовались любыми средствами.

Поражение Антония

В самом конце 36 года Антоний вернулся в Сирию. Он остановился со своими приближенными в приморском городе Левке Кома и нетерпеливо ожидал кораблей Клеопатры. Триумвир кутил и предавался мрачным мыслям. Его поход в Парфию после некоторых успехов в начале закончился полным разгромом. При отступлении Антоний потерял не менее четвертой части своего войска: двадцать тысяч пехотинцев и четыре тысячи всадников. Большинство из них погибло от голода и холода во время трудного перехода через заснеженные горы Армении.

Хотя поражение армии Антония было обусловлено многими причинами, основная вина за все происшедшее ложилась на полководца. Личной храбрости и удачества

оказалось недостаточно для самостоятельного ведения серьезной военной кампании, требующей таланта стратега, осмотрительности и дальновидности. Но Антоний этого не понимал. Виновником всех бед, по его мнению, был вероломный царь Армении Артавазд, которому Антоний поклялся отомстить. Горечь поражения, может быть, была бы не столь сильной, если бы не известие о том, что в том же году Октавиан разгромил в Сицилии армию и флот Секста Помпея. Как мы говорили, младший сын Помпея Великого, Секст, в 45 году, после поражения в Испании спасся, а позднее создал в Сицилии нечто вроде пиратского государства. Благодаря сильному флоту Секст Помпей долгие годы господствовал на всех морях, омывающих берега Италии, и терроризировал население набегами и грабежами.

Во время сицилийского похода Октавиану удалось переманить на свою сторону легионы Лепида. С этого момента судьбами Рима вершили два человека — Антоний и Октавиан.

Надо отдать справедливость Октавиану: он вел себя весьма лояльно по отношению к своему сотоварищу по власти, попавшему в очень трудное положение. Октавиан делал вид, будто верит официальным донесениям о победоносном окончании парфянского похода. Он даже добился того, что сенат дал разрешение на устройство по этому поводу благодарственного молебствия, которое, правда, смахивало на насмешку.

Клеопатра, разумеется, не оставила отца своих детей. Она приехала в Левке Кома с деньгами и обмундированием для остатков разгромленной армии. Затем оба отправились морем в Египет.

На этот раз пребывание Антония в Александрии было очень кратковременным. Через два или три месяца с Востока пришли тревожные вести и ему пришлось вернуться в Сирию.

В это время между недавними союзниками, парфянским царем и царем мидян, возник конфликт, по-видимому при дележе награбленной у римлян добычи. К тому же царь Мидии опасался, что после этой победы парфянский царь станет слишком силен и лишит его власти. Поэтому он отправил к Антонию тайных послов с предложением помощи в борьбе с Парфией. Это пробудило в лагере полководца большие надежды, тем бо-

лее что мидяне могли предоставить именно тот род войск, который был нужнее всего: лучников и конницу.

Во время второго пребывания в Сирии, в первые месяцы 35 года, Антоний неожиданно получил известие о помощи еще с одной стороны. Но это лишь усложнило его положение.

Клеопатра и Октавия

Октавия уговорила своего брата разрешить ей поехать на Восток к мужу. Некоторые утверждали тогда, что Октавиан заранее предвидел, что из этого получится, и дал согласие только из желания досадить Антонию. Но это скорее всего злобная клевета, измышленная позднее. В действительности же Октавиан поддерживал эту идею и очень щедро помог сестре в приготовлениях к поездке. Он дал ей обмундирование для солдат Антония, в чем была большая нехватка, выючных животных, довольно значительную сумму денег и подарки для высших военачальников. Кроме того, он выделил две тысячи прекрасно вооруженных легионеров для личной охраны повелителя Востока. Все это считалось даром Октавии, хотя каждый понимал, что без согласия ее брата ни один человек и ни один корабль не мог бы покинуть Италию. Не говоря уже о том, что такая экспедиция была не по средствам частному лицу.

Флотилия Октавии остановилась в Пирее, порту Афин. Оттуда был отправлен посол с письмами к Антонию. Октавия спрашивала у мужа, куда ей направиться с людьми и снаряжением. Посланец Октавии застал Антония в Сирии.

Известие о поездке Октавии и ее дарах испугало Клеопатру. Она предполагала, и, конечно, не без оснований, что римская жена хочет таким способом вернуть мужа. Царица понимала, что при сложившихся обстоятельствах многое может склонить Антония к примирению с Октавией: ее постоянство, терпение, доброта, готовность простить обиды и унижения и главное — могущество ее брата. Единственное, что Клеопатра могла сделать, — это как можно сильнее привязать к себе Антония.

По Плутарху, который, возможно, пользовался дневниками придворного врача Клеопатры, царица, «чувствуя, что Октавия вступает с нею в борьбу... испугалась, как бы эта женщина, с достойною скромностью собственного права и могуществом Цезаря соединившая теперь твердое намерение во всем угождать мужу, ^{не} сделалась совершенно неодолимою и окончательно не подчинила Антония своей воле. Поэтому она прикидывается без памяти в него влюбленной и, чтобы истощить себя, почти ничего не ест. Когда Антоний входит, глаза ее загораются, он выходит — и взор царицы темнеет, затуманивается. Она прилагает все усилия к тому, чтобы он почаще видел ее плачущей, но тут же утирает, прячет свои слезы, словно бы желая скрыть их от Антония... Окружавшие его льстецы горячо сочувствовали египтянке и бранили Антония, твердя ему, что он жестокий и бесчувственный, что он губит женщину, которая лишь им одним и живет. Октавия, говорили они, сочеталась с ним браком из государственных надобностей, подчиняясь воле брата, — и наслаждается своим званием законной супруги. Клеопатра, владычица огромного царства, зовется любовницей Антония и не стыдится, не отвергает этого имени — лишь бы только видеть Антония и быть с ним рядом, но если отнять у нее и это, последнее, она умрет» 100.

Октавии пришлось вернуться в Рим. Ее супруг не соизволил даже встретиться с ней. Оскорбленный этим публичным унижением, Октавиан приказал сестре покинуть дом Антония. Но она отказалась сделать это, а продолжала вести дела своего мужа и воспитывать детей, не только своих, но и детей Антония от Фульвии. Октавия не сознавала, что своей верностью невольно вредит Антонию в глазах общественного мнения. Все сокрушались над участью отвергнутой жены и обвиняли в глупости и неблагодарности человека, который ставит выше подлинного чувства разнузданность Клеопатры и ее двора.

Триумф Клеопатры

Очень скоро обнаружилось, что услуги, которые предлагал через своих посланцев царь мидян, — это **одни** фантазии. В 35 году не могло быть и речи о новом

походе против Парфии. Антоний вернулся из Сирии в Александрию. Лишь в начале следующего, 34 года он покинул столицу Египта и во главе своей армии направился к горам Армении. Ему удалось хитростью взять в плен армянского царя Артавазда, которого два года назад он обвинял в коварстве и измене. Двух его сыновей Антоний тоже заключил под стражу. На короткое время Армения стала римской провинцией.

Осенью 34 года Антоний возвратился в Александрию. С его согласия здесь был подготовлен пышный триумф, точно копировавший подобные церемонии в Риме. Современники восприняли это как нечто неслыханное. Согласно древним обычаям, полководец имел право устраивать триумф только в столице государства — Риме и лишь с разрешения сената. Уж не хочет ли Антоний, как некогда Цезарь, перенести столицу Римской державы в Александрию?

Вторым нарушением извечных обычаев было то, что триумфальное шествие приветствовала царица чужеземного государства, восседавшая на отделанном серебром троне, среди яркой толпы придворных. Мимо бесчисленных зрителей, выстроившихся вдоль дороги, шагали legionеры и в колеснице ехал полководец. Члены армянской царской семьи в золотых цепях шли перед колесницей победителя. Ни один из них, как их ни принуждали, не пал ниц перед египетской царицей. Царь Армении обратился к владычице Египта как равный к равной. Пленники заплатили за это многими муками, а сам Артавазд через несколько лет — жизнью.

В том же 34 году в огромном зале гимнасия состоялась пышная и торжественная церемония. На возвышении сидели Антоний и Клеопатра; царица была в священном одеянии Исида. На более низких тронах расположились дети: тринадцатилетний Цезарион, шестилетние Александр Гелиос и Клеопатра Селена, а также самый младший потомок Антония и царицы — Птолемей Филадельф.

Перед собравшимися в зале представителями граждан всей страны выступил с речью Антоний. Он объявил, что с этого времени Клеопатре присваивается титул Царицы Царей и что она будет править Египтом и Кипром совместно со своим первородным сыном. Антоний официально подтвердил, что Птолемей Цезарь —

сын Божественного Юлия. Этим празднеством и своей речью Антоний хотел почтить память великого Цезаря.

Александр Гелиос, сидевший во время церемонии в полном индийском уборе и в окружении телохранителей-армян, получил Армению, Мидию и Парфию. Младший сын Антония и Клеопатры, Птолемей Филадельф, был одет в македонскую одежду, стояло управлять египетскими владениями в Сирии и Киликии и осуществлять контроль над мелкими царствами, расположенными к западу от реки Евфрат. Клеопатре Селене отдали Киренаику и Ливию.

Вот до каких вершин величия подняла свою семью Клеопатра, отец которой двадцать лет безуспешно добивался признания и жил в постоянной тревоге, боясь, что сенат подтвердит призрачное завешание его предшественника и он лишился всего.

Споры о политике и нравственности

Сообщения о дарах, полученных Клеопатрой и ее детьми, дошли до Рима, по всей вероятности, весной 33 года. Они взбудоражили общественное мнение. Что же касается Октавиана, то он мог только радоваться — своими действиями Антоний давал ему оружие против самого себя.

Положение в Италии в тот период складывалось следующим образом.

Всю вину за проведенную недавно конфискацию земельных участков возлагали на Октавиана, совершенно безосновательно утверждая, что Антоний не поступил бы так бесцеремонно. У Антония с давних пор было множество друзей в Риме. Те же римляне, которые его не знали, судили о нем по рассказам, в которых Антоний выступал как человек гораздо более доступный и общительный, чем неразговорчивый, скрытный и замкнутый повелитель Запада. Пока на стороне Октавиана была армия, он мог и не считаться с настроением населения. Но положение осложнялось тем, что в конце 33 года истекло второе пятилетие триумvirата. Это означало, что Октавиан лишается за-

конного права на власть. Что же касается Антония, то не могло быть и речи о продлении для него полномочий на последующий период. Повелитель Востока прямо говорил, что настало время вернуть республике ее давние свободы. Он мог позволить себе подобные высказывания. Заручившись поддержкой Клеопатры и располагая богатствами и ресурсами ее страны, Антоний спокойно смотрел в будущее, уверенный, что всегда сможет оказывать решающее влияние на политику государства. Консульство на следующий, 32 год, согласно предварительной договоренности, получали два близких друга Антония — Гай Соций и Гней Домиций.

У Октавиана с самого начала его политической карьеры были разногласия с Антонием. Враждебность между ними со временем все более нарастала. Первый конфликт был устранен созданием в 43 году триумvirата. В последующие годы они вместе действовали против общего врага — убийц Цезаря. Затем один из них воевал с Секстом Помпеем, а другой — с парфянами и армянами. Какое-то время их примиряла Октавия. Но сейчас, когда каждый закончил свои войны, а место Октавии заняла Клеопатра, соперники оказались один на один в борьбе за владычество над миром.

Естественно, Октавиан ухватился за повод, который, сам того не желая, дал ему Антоний. Наконец-то представился случай со всей очевидностью показать, что республике грозит смертельная опасность с Востока и что Антоний, который дарит римские земли чужеземной правительнице, — просто прислужник египетской царицы. Таким образом, у Октавиана появилось достаточное основание, чтобы потребовать особых полномочий для ведения государственных дел.

Однако и Антоний не сидел сложа руки. И он старался изобразить своего противника человеком, который ведет себя беззастенчиво и своевольно, попирая всяческие договоры. В частных письмах и в публичных речах он выдвигал против Октавиана серьезные обвинения. Три года назад Октавиан незаконно лишил власти и наместничества Лепида, он даже занял ту область в Африке, которой управлял Лепид, и включил его легионы в состав своей армии. После победы над Секстом Помпеем Октавиан завладел Сицилией. А между тем все эти земли должны рассматриваться

как общее владение триумвиров. Октавиан обязан уступить ему, Антонию, половину всего, что он завоевал. Кроме того, он должен вернуть суда, которые занял у Антония для войны с пиратами Помпея. А главное, он должен предоставить Антонию возможность вербовать солдат в Италии, а также расселять ветеранов на завоеванных землях.

Октавиан не только защищался, но и нападал. Антоний стал фактическим правителем Египта, хотя это государство не было выделено ему при разделе провинций. Он обманул царя Армении, взял его в плен и заковал в цепи, вызвав этим всеобщее негодование против римского народа. Если Антоний требует половину добычи Октавиана, то и он сам должен отдать половину того, что отнял у армян и парфян. Ведь он утверждает, что победил их, — таковы, по крайней мере, его официальные донесения.

Однако больше всего Октавиан бранил Антония за связь с Клеопатрой и за подарки, которыми тот осыпал представительницу чужеземной династии. Наследника диктатора весьма уязвило то, что Цезарион был публично признан сыном Цезаря, потому что это ставило под сомнение право самого Октавиана быть преемником имени Цезаря и его политического наследства. Октавиан открыто писал об этом в письме к Антонию. Относительно Клеопатры Антоний с поистине солдатской непосредственностью:

«С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты как будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь мое письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Тителлой, или всеми сразу, — да и не все ли равно, в конце концов, где и с кем ты путаешься?»¹⁰¹

За Октавианом тоже числилось немало грешков по части нравственности.

«Марк Антоний, попрекая его, поминает и о том, как не терпелось ему жениться на Ливии, и о том, как жену одного консуляра он на глазах у мун«а увел с пира к себе в спальню, а потом привел обратно, растрепанную и красную до ушей, и о том, как он дал развод Скрибонии за то, что она позволяла себе ревновать к

сопернице, и о том, как друзья подыскивали ему любовниц, раздевая и оглядывая взрослых девушек и матерей семейств, словно рабынь у работоторговца Торания»¹⁰².

На протяжении всего 33 года шел обмен взаимными обвинениями и бранными прозвищами.

Одновременно использовались и другие известные тогда методы обработки общественного мнения. Скорее всего именно в эти годы на Востоке появилась греческая поэма, которую выдавали за пророчество Сивиллы, возвещавшее о пришествии золотого века, когда миром будет править Госпожа: исчезнет зло, между людьми воцарятся дружба и доверие, ничто не нарушит всеобщей безмятежности и изобилия. В Риме это пророчество распространяли астрологи и предсказатели, связанные с Египтом, за что в 33 году они были высланы из города.

Неприязнь Октавиана к Антонию становилась все более явной. Между тем для Антония первостепенное значение приобретало овладение Италией, так как только там он мог набирать рекрутов. В 33 году триумvir еще вел войну в Армении. Но осенью того же года он приказал своему легату Канидию сконцентрировать семнадцать легионов на побережье Малой Азии, в Эфесе. Одновременно во все зависимые от Рима царства и города были разосланы приказы о присылке в Эфес кораблей, людей, продовольствия.

Итак, Антоний начал открыто и даже демонстративно готовиться к войне. Может быть, он надеялся, что Октавиан испугается и в последний момент они снова придут к соглашению, как **это** было уже дважды?

В Италии тоже начались военные приготовления. **Но** пока обе стороны сохраняли видимость дружелюбия. Сообщалось, будто идет подготовка к военному походу против чужеземных народов, **но** послы так и сновали **между** ставкой Антония и Римом.

Где законное правительство?

1 января 32 года консулами в Риме стали Гней Домиций и Гай Соций. Оба они **надлежали к числу** сторонников Антония. Домиций, че-

ловек опытный и осторожный, не обнаруживал слишком откровенно свои взгляды и намерения. Его более молодой и запальчивый коллега в первый же день своего консульства произнес в сенате большую программную речь. Он на все лады превозносил Антония и резко осуждал Октавиана. Настроение в сенате было таким, что любое предложение консулов, способствовавшее концу карьеры Октавиана, прошло бы без труда.

Сам Октавиан не присутствовал на этом заседании. Он предвидел, как поведут себя консулы, и не хотел вступать с ними в спор, чтобы не доводить дело до открытого столкновения при неблагоприятных для него обстоятельствах. Поэтому он под каким-то предлогом уехал из Рима. Но в сенате была группа преданных ему людей, в частности, народный трибун Ноний, который, используя свое право наложить вето на любое сенатское постановление, сумел искусно парализовать слишком решительные намерения Соция.

Вскоре после этого Октавиан вернулся в столицу и созвал сенат. Это было незаконным действием, так как к тому времени он уже не занимал никакой официальной должности. Однако сенаторы послушно явились. Затем Октавиан совершил еще один незаконный поступок — он вошел в зал заседаний в окружении друзей и легионеров, у которых были спрятаны мечи и кинжалы, притом так небрежно, что их мог видеть каждый. И наконец, — это было уже третьим нарушением закона — Октавиан сел между двумя консулами. Он произнес большую речь, в которой опровергал обвинения, выдвинутые против него Антонием и Социем, оправдывал свои политические мероприятия, утверждая, что все они были направлены на благо республики, обвинял своих противников в самоуправстве. Никто из присутствовавших, даже консулы, не осмелился ему возразить. Тогда после долгого молчания Октавиан взял слово вторично. Он заявил, что в ближайшее время снова созовет сенаторов, чтобы представить скрытое консулами письмо Антония, которое самым очевидным образом покажет, сколь пагубны для отчизны планы его автора.

Действительно, у консулов было такое письмо, но они не хотели оглашать его публично, понимая, что оно может только повредить Антонию и оказать услугу Ок-

тавиану в его антиегипетской пропаганде. В этом письме Антоний требовал, чтобы сенат утвердил его пожалования Клеопатре и ее детям.

Выступление консулов против Октавиана по существу являлось попыткой государственного переворота. Эта попытка не увенчалась успехом главным образом из-за трусости сенаторов, а также благодаря энергичным действиям Октавиана. При создавшемся положении консулы не видели необходимости и даже возможности своего дальнейшего пребывания в Риме, где они не имели никакой поддержки со стороны армии. Они сочли наиболее целесообразным немедленно покинуть Италию и отправиться на Восток, к Антонию. Вместе с ними или вскоре после них из Рима выехало около четырехсот сенаторов, то есть почти половина состава сената. Таким образом, правительство страны оказалось на Востоке. Создалось такое же положение, как семнадцать лет назад, когда под напором войск Цезаря из Рима вынуждены были бежать Помпей и сенат.

Все это застало Октавиана врасплох и поставило в весьма затруднительное положение. Но, для того чтобы сохранить видимость благополучия, он заявил:

— Консулы покинули Рим с моего ведома и согласия. Каждый, кто желает, может последовать их примеру, не опасаясь за свою жизнь и имущество.

С этого момента в Римском государстве стало два правительства, одинаково законных или незаконных. Одна половина сената и консулы находились в Эфесе, а другая половина и многие высшие чиновники — в Риме.

Эфес, Самос, Афины

Между тем в Эфес стягивалась огромная армия Антония — корабли и сухопутные войска. Флот насчитывал восемьсот судов, военных и грузовых, из них двести выставила Клеопатра. Царица Египта дала Антонию на военные расходы двадцать тысяч талантов и обязалась во время войны снабжать продовольствием все войско. Зимой или ранней весной 32 года Клеопатра сама прибыла в Эфес. Она открыто говорила, что хочет лично участвовать в решающей схватке Востока с Западом.

До ее ждал неприятный сюрприз. Антоний велел ей возвращаться в Египет и там дожидаться исхода войны. В Эфесе собралось очень много римлян, и все они были того же мнения. Необходимость отъезда Клеопатры была очевидна для всех. Оставаясь рядом с Антонием, она оказывала неоценимую услугу Октавиану, который не переставал твердить, что Антоний раб египетской царицы, выполняющий все ее капризы и желания, и что он готов даже Рим отдать в ее руки. Присутствие Клеопатры резко меняло характер конфликта. Это было уже не соперничество двух римлян, а священная война Италии против непомерных притязаний владычицы Востока.

Но Клеопатра была прежде всего женщиной. Политические соображения, как бы ни были они очевидны, не могли ее убедить. Она опасалась, что на сцену снова выступит Октавия и, как было уже дважды, предотвратит конфликт. Нетрудно было догадаться, что жертвой такого соглашения стала бы она, Клеопатра.

Позднее говорили, что Клеопатра подкупила одного из наиболее влиятельных военачальников Антония, Канидия, который, желая убедить свое

— Отсылать Клеопатру было бы неправильно. Мы должны помнить, что своей необычайной щедростью она помогла укрепить наши войска. На кораблях много египетских моряков. Если их царица уедет, они, безусловно, будут сражаться более вяло и безразлично. Следует также учесть, что по уму и энергии Клеопатра не уступит ни одному из царей, которые будут сражаться в нашей армии. Благодаря тебе она приобрела большой опыт в ведении даже самых сложных государственных дел. Впрочем, она и прежде успешно правила своим обширным царством.

Просьбы красивой женщины и доводы авторитетного военачальника подействовали. Клеопатра осталась. Несмотря на губительными были последствия этого решения, обнаружилось очень скоро. Может быть, Антонию нужно было послушаться дружеского совета царя Иудеи Ирода: «Хочешь победить? Убей Клеопатру!»

Ранней весной 32 года командование армии переместилось из Эфеса на остров Самос. Антоний и Клеопатра проводили все время в пирах и развлечениях.

На остров были привезены не только войска и снаряжение, но и актеры.

— Чуть ли не вся вселенная, — говорили тогда, — гудит от звона оружия, стонов и рыданий, а в это же время на Самосе звучат флейты и кифары, в переполненных театрах поют хоры!

Ансамбли актеров состязались между собой за первенство в искусстве, «а цари старались превзойти друг друга пышностью приемов и даров, так что в народе с недоумением говорили: каковы же будут у них победные празднества, если они с таким великолепием празднуют приготовления к войне?!»¹⁰³.

Несколько позже, по-видимому, в мае 32 года, двор и командование покинули Самос. Поскольку предстоящие военные действия должны были развернуться на Западе, все отправились в Грецию. Антоний и Клеопатра остановились в Афинах, где продолжали вести тот же образ жизни: развлекались, смотрели театральные представления и спортивные игры. Афиняне оказывали Клеопатре такие же почести, как несколько лет назад Октавии. Они направили к ней послов, одним из которых был Антоний. В качестве почетного афинского гражданина, каким он считался уже несколько лет, Антоний произнес перед царицей Египта речь. Клеопатра со своей стороны тоже была милостива к жителям этого знаменитого города.

Тогда же Антоний решил на формальный развод с Октавией. Он послал в Рим своих людей, которые выгнали Октавию из его дома. Бедняжка ушла, взяв с собой всех детей Антония, кроме старшего сына от Фульвии, находившегося возле отца. Говорят, что она плакала, потому что считала себя одной из причин грядущей войны.

Завещание

Октавиан ни от кого не получал денежной помощи. Ему приходилось самому заботиться о сборе средств, необходимых для ведения войны. Поэтому он издал суровые распоряжения: свободнорожденные граждане должны были отдавать четвертую часть своих доходов, а отпущенники — восьмую часть всего своего имущества.

разумеется, это вызвало всеобщее недовольство. Позднее Антония укоряли за то, что он совершил большую ошибку, не воспользовавшись возбуждением жителей Италии, чтобы нанести удар тогда же, летом 32 года. Такие упреки нельзя считать справедливыми, потому что в тот момент Антоний не был к этому готов. Вооружение и передвижения его огромного войска еще не закончились.

Между тем на сторону Октавиана перешли два близких Антонию сенатора — Титий и Мунаций Планк. Еще в Эфесе они настоятельно советовали отправить Клеопатру в Египет. В результате они навлекли на себя смертельную ненависть царицы и вынуждены были покинуть лагерь Антония. К Октавиану они пришли не с пустыми руками. Им были известны все планы Антония, они знали, где хранится его завещание, при составлении которого они были свидетелями. Титий и Мунаций обратили внимание Октавиана на то, что в завещании Антония содержатся важные политические постановления. Хранительницы этого документа, весталки, сначала отказывались его выдать, но, когда за ним пришел сам Октавиан, отдали его. Октавиан поступил совершенно незаконно, точно так же позднее он не имел права оглашать этот частный документ на заседании сената. Большинство сенаторов были возмущены, они говорили, что никого не следует упрекать при жизни за те постановления, которые сделаны на случай смерти.

Однако надо признать, что многие пункты завещания должны были показаться римлянам прямо-таки кощунственными. Антоний просил, например, чтобы его тело, если он умрет в Риме, перевезли в Александрию и похоронили там рядом с гробницей Клеопатры; он еще раз повторял, что Цезарион — сын Цезаря, и завещал огромное наследство своим детям от Клеопатры.

Октавиан использовал вызванное этими распоряжениями негодование и повел дальнейшую агитацию против Антония. Распространялись всевозможные слухи и сплетни, изображавшие Антония человеком, всецело подчинившимся Клеопатре и недостойным даже звания римлянина. Ему вменялось в вину то, что он подарил египетской царице пергамскую библиотеку с двумястами тысячами свитков, что на одном из пиров, в при-

сутствии множества гостей он поднялся с места и растирал ей ноги, что он не возражал, когда в Эфесе Клеопатру величали госпожой и владычицей, что неоднократно во время приема правителей и послов он получал ониксовые и хрустальные таблички с ее любовными посланиями. А однажды, когда он председательствовал на суде в Александрии, во время речи защитника около здания показался кортеж царицы, которую несли на носилках. Едва завидев ее, Антоний вскочил и, не дослушав дела, отправился пешком провожать царицу.

Несмотря на все эти обвинения, у Антония оставалось много друзей в Риме, стремившихся ему помочь. Они старались влиять на общественное мнение, опровергая сплетни и слухи, задевавшие его честь. Один из его друзей, Геминий, поехал на Восток специально для того, чтобы убедить Антония отослать Клеопатру.

Царица сразу разгадала намерения римского гостя. Она даже заподозрила его в том, что он собирается защищать Октавию. Геминий стал объектом бесконечных издевок и насмешек. Ему отводили оскорбительно низкие места в пиршественной зале. Он, однако, все сносил, терпеливо ожидая возможности свободно поговорить с Антонием. Наконец на одном из пиров царица прямо спросила его, зачем он приехал.

— В любом другом случае я предпочел бы вести беседу на трезвую голову,— ответил он,— но одно я знаю наверное, пьяный не хуже, чем трезвый: все пойдет на лад, если ты вернешься в свое царство.

Антоний нахмурился, а Клеопатра ответила с очаровательной улыбкой:

— Это прекрасно, что ты сказал правду без пытки!

Несколькими днями позже Геминию удалось бежать. Антония покинуло еще много соратников, которые не смогли перенести издевательских шуток египтян. А те, уверенные в поддержке и могуществе своей госпожи, насмехались даже над сенаторами. И сама царица пользовалась любым поводом, чтобы очернить кого-нибудь из римлян в глазах мужа. Квинт Деллий, тот самый, который несколько лет назад убедил ее поехать в Тарс, чуть не поплатился жизнью за одну свою шутку. Он сказал как-то за столом:

— Нас здесь поят уксусом, а Сармент в Риме купается в фалернском¹⁰⁴!

Сармент еще мальчиком был у Цезаря одним из любимчиков, то есть в какой-то степени соперником Клеопатры, которая хорошо помнила это имя. Лекарь царицы Главк предупредил Деллия о грозящей ему опасности, и тот позднее, уже во время начавшихся военных действий, сумел бежать.

Усыпальница возле храма Исиды

Усиленная агитация Октавиана привела к тому, что поздней осенью 32 года он был избран верховным главнокомандующим и все население Италии принесло ему торжественную присягу¹⁰⁵. Примеру Италии последовали и западные провинции¹⁰⁵. Теперь у сына Цезаря было моральное основание для того, чтобы лишить Антония всех должностей и званий. Консульство на следующий, 31 год получили Октавиан и его друг Мессала. После этого торжественно с соблюдением старинного религиозного церемониала, была объявлена война. Но, воспользовавшись тем обстоятельством, что Клеопатра находилась в главной квартире восточной армии, Октавиан объявил войну не Антонию, а ей.

После длительных маневров и передвижения войск 2 сентября 31 года произошла решающая морская битва у мыса Акция, в Эпире. Флот Антония потерпел поражение. Часть кораблей вырвалась, увозя Антонин и Клеопатру, которые через некоторое время вернулись в Александрию. Победитель продвигался медленно, и беглецы могли еще что-то предпринять для своего спасения. Но они почти все свое время проводили в пирах и забавах. Именно тогда, как бы в предчувствии неминуемой гибели, при египетском дворе возник «Союз Живущих Бесподобно».

Клеопатра и Антоний пытались, правда, то вместе, то порознь вступать в переговоры с Октавианом, Но безрезультатно: Октавиан выдвигал жесткие условия, так как он больше не нуждался в компромиссах.

Несмотря на поражение, в Египте царило спокойствие. В одном документе говорится, что народ готов был

стать на защиту царицы. Это кажется вполне вероятным. Хотя Клеопатра не пользовалась особой популярностью в своей стране, угроза римского владычества всех повергала в ужас. Однако царица, по свидетельству того же источника, пренебрегла преданностью своих подданных. Безусловно, она поступила правильно. Клеопатра видела подавляющее превосходство римлян и понимала, что война принесет стране разорение и лишит не только ее, но и ее потомков последней надежды удержаться на троне. Главной же ее заботой сейчас было сохранить трон для своих детей. Поэтому она послала Октавиану скипетр и диадему, прося его назначить царем Египта одного из ее сыновей. Победитель через своих послов втайне заверил царицу, что не причинит ей зла. Однако, надо полагать, ему важно было одно — завладеть сокровищами, которые царица в случае бегства увезла бы с собой или утопила в море.

Полная тяжелых предчувствий, Клеопатра готовила корабли, на которых она с семьей в крайнем случае переправилась бы через Красное море и уплыла в Индию 106, собирала деньги и драгоценности. Одновременно она испытывала на заключенных действие различных ядов, в особенности змеиных.

1 августа 30 года Октавиан подошел к стенам Александрии. Антоний подготовил к бою остатки своих войск и приказал кораблям выйти из гавани. Однако ему изменил сначала флот, а потом и сухопутные отряды.

Когда оставшийся без армии полководец возвращался во дворец, навстречу ему выбежали слуги Клеопатры, крича, что царица заперлась в огромной усыпальнице, построенной для нее около храма Исиды, и там покончила с собой.

Антоний вошел в свои покои и снял латы. Потом он произнес с печальной улыбкой, обращаясь к слугам и нескольким друзьям:

— Какой же из меня полководец, если даже женщина превзошла меня решимостью!

Он попросил верного раба Эроса вонзить меч ему в сердце — таков был их давний уговор. Эрос взял меч, примерился и нанес удар себе. Когда раб упал мертвым у ног своего господина, Антоний взглянул на него с восхищением и сказал:

— Ты хорошо показал, как это делается!

Но сам он поразил себя мечом не так ловко — удар пришелся в живот и оказался слишком слабым. Антоний упал на постель, обливаясь кровью, однако не потерял сознания, а стонал и молил окружающих добить его; но все разбежались, оставив его бившегося в конвульсиях, кричавшего от боли и ужаса. В этом положении его нашел секретарь Клеопатры — Диомед.

— Царица еще не совершила самоубийства. Она жива и жаждет тебя видеть, — сказал он.

Диомед созвал рабов, которые на руках отнесли Антония к усыпальнице. Но подъемная дверь в виде тяжелой плиты была уже опущена. Клеопатра с двумя рабынями, укрывшимися вместе с ней, выбросила через верхнее окно веревки. Ими обмотали раненого, и женщины с трудом втянули наверх истекавшего кровью и почти лишившегося чувств Антония.

Когда Антоний наконец оказался внутри, царица уложила его на своем ложе и накрыла одеждами. Она горько плакала, называя его своим мужем и господином.

Антоний попросил вина, выпил немного и произнес еще несколько слов. Он уговаривал Клеопатру не отчаиваться и заняться своими делами. А свою жизнь он считает счастливой: в ней было много прекрасных минут, он был одним из самых прославленных людей, обладал величайшим могуществом и теперь умирает достойно, как подобает римлянину, побежденному римлянином.

Не успел Антоний испустить последний вздох, как перед входом в усыпальницу появился посланец Октавиана — Гай Прокулей. Гай Прокулей пользовался репутацией человека безупречного, и Антоний советовал Клеопатре из всего окружения Октавиана доверять только ему.

Тем не менее царица непустила Прокулея внутрь: они разговаривали, разделяемые плитой. Клеопатра требовала, чтобы Октавиан пообещал сохранить ее детям трон; Прокулей же призывал ее положиться на милосердие сына Цезаря.

Едва ушел Прокулей, как прибежал другой сподвижник Октавиана, Галл. Он тоже вступил в разговоры с царицей. А Прокулей между тем приставил лестницу к тому самому окошку, через которое подняли

Антония, и спрыгнул внутрь. Одна из рабынь, увидев его, крикнула своей госпоже:

— Тебя схватят живой!

Клеопатра обернулась и выхватила кинжал, намереваясь заколоть себя. Но римлянин быстро подбежал к ней и, схватив ее обеими руками, вскричал:

— Ты несправедлива к себе и Цезарю! Позволь ему проявить человеколюбие! Это милосерднейший правитель, а ты хочешь, чтобы в нем видели злодея!

Прокулей отнял у царицы кинжал и осмотрел ее платье — он опасался, что она спрятала в одежде яд.

Октавиан поручил своему вольноотпущеннику Эпафродиту внимательно следить за тем, чтобы Клеопатра не лишила себя жизни. Вместе с тем ему было приказано вести себя учтиво и заботиться о царице.

Смерть Клеопатры

Через несколько дней состоялись пышные похороны Антония. Октавиан не препятствовал исполнению обряда и даже приказал доставить все, что царица сочтет нужным, для придания блеска траурной церемонии.

Еще прежде, рыдая в усыпальнице над умирающим Антонием, Клеопатра расцарапала себе грудь и лицо. На месте царапин образовались язвы, поднялся жар. Она была рада этому, потому что задумала под предлогом болезни отказаться от пищи и таким образом расстаться с жизнью. Об этом рассказывал позднее ее личный врач. Но Октавиан пригрозил убить ее детей, если она не прекратит голодовку. Угроза подействовала немедленно.

Вскоре Октавиан сам посетил царицу. Об этой встрече рассказывают два автора: Плутарх и Дион Кассий¹⁰⁷. Их версии, несмотря на кажущееся различие, не противоречат одна другой. Используя оба повествования, мы можем следующим образом воспроизвести ход этого свидания.

Когда Октавиан вошел в покои, царица, непричесанная, в легкой тунике, отдыхала на низком ложе. Она тут же вскочила и припала к его ногам. Октавиан просил ее лечь и сам сел подле. Последний раз он видел Клеопатру шестнадцать лет назад в Риме. Тогда ца-

рица даже не обратила внимания на мальчика, от которого сейчас зависела ее судьба.

Клеопатра начала с попыток оправдаться. Она старалась обвинить во всем Антония, говорила об его упрямстве и злой воле. Но когда Октавиан напомнил некоторые факты, она тотчас же переменила тему разговора.

В помещении, где они беседовали, находились портреты и скульптурные изображения Цезаря. Здесь же Клеопатра хранила его письма. Она стала читать отрывки из них, то и дело, словно мимоходом, но многозначительно добавляя, что это письма его, Октавиана, отца. Отрывки, которые она читала, были полны самых пылких заверений в любви. Время от времени с уст Клеопатры срывались как бы безотчетные вздохи:

— К чему мне теперь твои письма!.. О, почему мне не дано было умереть раньше тебя!.. Но если он рядом, то и ты со мной!

Октавиан слушал ее невозмутимо. Наконец он проговорил, не поднимая глаз:

— Не падай духом. Я не причиню тебе зла.

Затем Клеопатра вручила Октавиану список своих драгоценностей. Но в этот момент присутствовавший при беседе управляющий царицы упрекнул ее, что список неполон. Тогда царица вскочила с ложа, схватила управляющего за волосы и начала бить его по лицу. Октавиан, рассмеявшись, остановил этот приступ ярости.

— Разве это не ужасно? — воскликнула с жаром Клеопатра, обращаясь к Октавиану. — Ты изволил прийти ко мне для беседы, а мои слуги имеют дерзость обвинять меня в том, что я утаила немного женских безделушек. Я сделала это, но не для себя. Я хочу подарить эти украшения Ливии¹⁰⁸ и Октавии, чтобы они заступились за меня перед тобой!

Октавиан ответил, что в этих вопросах предоставляет ей полную свободу, и добавил, что она может рассчитывать на большую снисходительность, чем предполагает. На этом беседа закончилась.

Вскоре некий римлянин, тайный поклонник Клеопатры, уведомил ее, что близок отъезд из Египта — через три дня ее с детьми отправят в Рим. Царская семья Должна будет украсить триумф победителя. Тогда Клеопатра приняла окончательное решение.

Рано утром, с разрешения Октавиана, царица отправилась на могилу Антония. Она возложила цветы, долго плакала и жаловалась на свою судьбу; из всех бедствий, какие выпали на ее долю, самым тяжким было то, что ей пришлось прожить несколько дней без Антония. И вот теперь он, римлянин, покоится в египетской земле, а она, царица Египта, будет погребена в далекой Италии!

Вернувшись во дворец, Клеопатра велела приготовить себе купание и съела изысканный обед. В то же время в ворота дворца вошел какой-то крестьянин с корзиной. Караульные спросили его, что он несет. Крестьянин открыл корзину и показал прекрасные смоквы. Солдаты подивились их величине, а он, смеясь, разрешил им взять по несколько штук и прошел в покои царицы.

После обеда Клеопатра села писать письмо. Окончив, она запечатала его и велела отдать Октавиану. Затем она отослала всех слуг и осталась только с двумя рабынями, теми самыми, которые прятались с ней в усыпальнице.

Взглянув на письмо, Октавиан вскочил и хотел немедленно бежать к царице. В письме содержалась просьба Клеопатры о том, чтобы ее останки были погребены рядом с могилой Антония...

Когда посланные Октавианом люди прибежали к покоям Клеопатры, они нашли двери запертыми. Их пришлось взломать. И тогда увидели Клеопатру, неподвижно лежащую на позолоченном ложе. На ней были роскошные царские одежды. Одна из рабынь, Ирада, лежала на полу у ног своей госпожи, а другая, Хармион, еще державшаяся на голове царицы.

Кто-то крикнул:

— Хорошо ли это, Хармион?

А она ответила, уже погружаясь во мрак смерти и думая, наверно, только о диадеме:

— Да, так лучше всего, ведь она была наследницей стольких царей!

И рухнула замертво на пол.

Тайну своей смерти три женщины унесли в могилу.

На левом плече Клеопатры были обнаружены две ранки, похожие на следы змеиных укусов, но змеи в

комнате не нашли. Может быть, она уползла через дверь, выходящую на берег моря?

Если Клеопатра, как утверждали тогда, умерла от укуса змеи, в этом можно усмотреть глубокий символический смысл. Испокон веков корону фараонов украшало изображение змеи-аспида. Змея была эмблемой царской власти. Вспомним, как верховный жрец в Мемфисе Пшерени-Птах гордился тем, что возложил на голову отца Клеопатры, Птолемея XII, «украшение в виде змеиной короны». В египетских культах змею связывали также с богом солнца Ра. Считалось, что ее укус дает бессмертие и приобщает человека к богам.

Похороны царицы были достойны последней представительницы великой династии, которая правила Египтом в течение трех столетий. Останки Клеопатры погребли рядом с могилой Антония, а неподалеку похоронили ее верных рабынь.

Птолемея Цезаря, которому в ту пору исполнилось семнадцать лет, победитель приказал убить. Юноша был уже на пути в Индию, но вернулся из-за предательства или трусости своего опекуна. Младших детей Клеопатры и Антония отправили в Рим. Заботу о них взяла на себя Октавия. Позднее Клеопатру Селену выдали замуж за царя Мавретании Юбу, того самого, который в 46 году, мальчиком, шел в триумфе Цезаря. Александр Гелиос и младший сын Клеопатры, Птолемей, тоже жили при мавретанском дворе; их дальнейшая судьба неизвестна. Сын Юбы и Селены, внук Клеопатры, Птолемей, унаследовал после отца трон и вместе с матерью ревностно насаждал культ богини Исиды. Он погиб в 40 году н. э. по воле императора Калигулы, включившего Мавретанию в состав империи.

Пышный триумф в честь победы над Египтом состоялся 15 августа 29 года до н. э. В шествии через Рим на Капитолий несли портрет Клеопатры на смертном ложе и вели троих ее детей.

Однако действительно бессмертным памятником победы стала ода Горация, которую поэт сложил сразу после падения Александрии и смерти царицы — сообщения об этих двух событиях дошли до Рима почти одновременно. Красноречивее, чем все документы, и убедительнее, чем выводы историков, свидетельствует она, сколь сильны были в римском обществе антиегипетские

настроения и страх перед Клеопатрой. Но, воспевая торжество победы, ода вместе с тем воздаст должное величию побежденной.

Теперь — пируем! Вольной ногой теперь
Ударим оземь! Время пришло, друзья,
Салийским угощением щедро
Ложа кумиров почтить во храме!

В подвалах древних не подобало нам
Цедить вино, доколь Капитолию
И всей империи крушеньем
Смела в безумье грозить царица

С блудливой сворой хворых любимчиков,
Уже не зная меры мечтам с тех пор,
Как ей вскружил успех любовный
Голову. Но поутихло буйство,

Когда один лишь спасся от пламени
Корабль, и душу, разгоряченную
Вином Египта, в страх и трепет
Цезарь поверг, на упругих веслах

Гоня беглянку прочь от Италии,
Как гонит ястреб робкого голубя
Иль в снежном поле фессалийском
Зайца охотник. Готовил цепи

Он роковому диву. Но доблестней
Себе искала женщина гибели:
Не закололась малодушно,
К дальним краям не помчалась морем.

Взглянуть смогла на пепел палат своих
Спокойным взором и, разъяренных змей
Руками взяв бесстрашно, черным
Тело свое напоила ядом,

Вдвойне отважна. Так, умереть решив,
Не допустила, чтобы суда врагов
Венца лишенную царицу
Мчали рабой на триумф их гордый ¹⁰⁹.

Почти одновременно с Клеопатрой, в 31 или 30 году, умер и Петубаст, сын верховного жреца Пшерени-Птаха и Та-Имхотеп, вымоленный ими у благого бога Имхотепа, который сжалился над их слезами и явился во сне.

Так сошли со сцены две династии — царей Египта и верховных жрецов в Мемфисе.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Филопатор — досл. «любящий отца», Филадельф — досл. «любящий брата (сестру)».

² *Джед* — позвоночный столб Осириса; древние египтяне считали его священным и в честь него устраивали празднество «воздвижение столба джеда».

³ Ракотис — небольшое египетское поселение в дельте Нила, неподалеку от того места, где в 332—331 гг. до н. э. царь Александр Македонский основал знаменитую столицу эллинистического Египта — Александрию.

⁴ Новейший перевод надписи Та-Имхотеп см.: E. Otto, Die biographischen Inschriften der Agyptischen Spätzeit, Leiden, 1954, стр. 190—194. На основании этого перевода в тексте приводится парафраза с некоторыми сокращениями, в частности в титулатуре верховного жреца. В тексте надписи указывается дата смерти Та-Имхотеп — 1С год. Если бы это был шестнадцатый год царствования Клеопатры (35 год до н. э.), получалось бы, что Та-Имхотеп пережила своего мужа на С лет. Между тем, как явствует из второй части надписи, Пшерени-Птах жил дольше жены. Поэтому надо полагать, что речь идет о шестнадцатом годе супружества.

Ср. также фрагмент надписи Та-Имхотеп в переводе на русский язык Б. А. Тураева в кн.: Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. II, Л., 1936, стр. 231—232.

⁵ *Виссон* — тонкая льняная ткань, которая считалась в древности предметом роскоши. Из виссона изготовлялась царская и жреческая одежда.

⁶ «Песнь арфиста» в переводе на русский язык Б. А. Тураева см. в кн.: Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. I, Л., 1936, стр. 232.

⁷ См.: E. Otto, Die biographischen Inschriften der Agyptischen Spätzeit, стр. 139.

⁸ Птолемей Сотир (Сотер) II, т. е. Птолемей IX, прозванный александрийцами Латир — «овечий горох», царствовал в Египте в 107—101 гг., затем был изгнан матерью Клеопатрой III и братом Птолемеем X Александром, вновь воцарился в 88—81 гг. до н. э. Сотер означает «спаситель». 25-й год Птолемея IX приходится на 91—90 гг. до н. э.

⁹ Надгробная надпись Пшерени-Птаха дана в переводе Б. А. Тураева (Б. А. Тураев, История древнего Востока, т. II, стр. 231). См. также: E. Bevan, A History of Egypt under the Ptolemaic Dynasty, London, 1927, стр. 347—348.

¹⁰ *Диктатор* — первоначально в Риме это магистрат, наделенный чрезвычайными полномочиями, избиравшийся в исключительных случаях (главным образом в условиях крайней воен-

ной опасности) на короткий срок (не более 6 месяцев). Сулла в 82 г. до н. э. присвоил себе эти полномочия на неограниченный срок, опираясь на армию и проводя жесточайший террор. Социальным содержанием диктатуры Суллы была реставрация власти сенатской аристократии.

¹¹ *Популяры* — группировка рабовладельческой демократии в древнем Риме, сложившаяся в первой четверти II века до н. э. во время движения Гракхов. Популяры опирались на римское крестьянство и городской плебс; они стремились к наделению неимущих крестьян земельными участками и улучшению положения городской свободной бедноты, к общей демократизации государственного строя путем расширения прав народного собрания и народных трибунов. Их противники — оптиматы, представители политического течения, выражавшего интересы рабовладельческой аристократии и крупных землевладельцев, группировавшихся вокруг сената.

¹² *Претор* — второе по значению после консула должностное лицо в Риме — обладал высшей юрисдикцией по гражданским делам и осуществлял охрану внутреннего порядка. В данном случае исполнял обязанности наместника провинции.

¹³ *Триклиний* — в данном случае столовая.

¹⁴ Канделябры изготовлялись из бронзы или мрамора и имели до двух метров в высоту. На плоскую верхушку канделябра ставили лампы.

¹⁵ *Капитолий* — в данном случае имеется в виду храм Юпитера Капитолийского, который сгорел во время пожара в 83 г. до н. э. Восстановление его было закончено в 69 г.

¹⁶ *Дедикация* — акт освящения, передачи храма или предмета божеству.

" • Цицерон, Речь против Гая Верреса («О предметах искусства») (XXVII—XXIX, 62—67), — в кн.: Марк Туллий Цицерон, Речи, т. I, М., 1962, стр. 79—81.

¹⁸ Птолемей Анион — побочный сын Птолемея VIII Эвергета II (Фискона) — получил власть над Киренаикой в 116 г. до н. э. по завещанию отца.

¹⁹ «...так поступали дважды» — автор, очевидно, имеет в виду завещания пергамского царя Атталы III (133 г. до н. э.) и вифинского царя Никомеда IV (75 г. до н. э.).

²⁰ Страбон, География (XVII, I, 38), М., 1964, стр. 748.

²¹ *Эфебы* — первоначально в Греции юноши, достигшие совершеннолетия и проходившие в течение двух лет военное обучение. Позднее, особенно в Египте, это юноши из зажиточных семей, получавшие образование в гимназиях — школах для привилегированных слоев общества — «эллинов».

²² L. Mitteis и U. Wilcken, Grundzüge und Chrestomathie der Papyrskunde, 1. Bd, 2. Halte, Leipzig — Berlin, 1912, № 141 и 142.

²³ «...тех же самых мужей...» — имеется в виду консульство Л. Суллы и Кв. Помпея в 88 г. до н. э.

²⁴ «...тех же людей...» — Цезаря и Красса.

²⁵ Цицерон, Первая речь об аграрном законе против народного трибуна П. Сервилия Рулла, произнесенная в сенате (I, 2), — в кн.: Марк Туллий Цицерон, Полное собрание речей, т. I, СПб., 1901, ч. IV, стр. 38.

26 Алекса — Птолемей XI Александр II, воцарившийся в 80 г. до н. э. при поддержке Суллы и царствовавший 19 дней.

²⁷ *Центумвиры* — ежегодно избираемый суд в составе 105 человек, рассматривавший имущественные дела государства.

²⁸ Цицерон, Вторая речь о земельном законе (XVI, 41—43; XVII, 44), — в кн.: Марк Туллий Цицерон, Речи, т. I, М., 1962, стр. 261—262.

²⁹ *Набатей* — кочевое племя в Аравии. Набатейское царство находилось в восточной части Синайского полуострова. Набатеев называют также петрейскими арабами, от главного города царства — Петра.

Гептастадион — дамба длиной семь стадиев (египетский стадий равен 174 м).

³¹ *Этесии* — устойчивые северные ветры муссонного происхождения, которые дуют в восточной части Средиземного моря в теплое время года (с середины мая до середины сентября).

³² Диодор, Историческая библиотека, кн. XVII, 52, — в кн.: Арриан, Поход Александра, М.—Л., 1962, стр. 324.

³³ *Ихневмон* — мангуста, хищное млекопитающее семейства виверровых.

³⁴ Дается парафраза по кн.: Диодор Сицилийский, Историческая библиотека, ч. I, кн. I.

³⁵ «...эти люди...» — триумвиры Цезарь, Красс и Помпей.

³⁶ Гомер, Илиада, VI, 442.

³⁷ Там же, XXII, 100.

³⁸ Цицерон, Письмо к Титу Помпонию Аттику, в Рим (Att., II, 5, 1), — в кн.: Письма Марка Туллия Цицерона к Аттику, близким, брату Квинту, М. Бруту, т. I, М.—Л., 1949, стр. 108—109 (далее — Марк Туллий Цицерон, Письма).

³⁹ *Систр* — древнеегипетский музыкальный инструмент; состоял из металлической пластины в форме продолговатой подковы, с ручкой. Сквозь небольшие отверстия, сделанные по бокам этой подковы, продевались металлические прутья разной величины, концы которых загибались крючком. По прутьям, вероятно, били колотушкой или же сотрясанием всего инструмента приводили прутья в движение. Систр считался даром Исида. Этот инструмент до сих пор встречается в Египте и Абиссинии.

⁴⁰ Гимн из Фаюма (Мединет-Мад): Supplementum Epigraphicum Graecum, VIII, 548.

⁴¹ Гимн с острова Иос: A. Deissmann, Licht vom Osten..., Tübingen, 1909, стр. HO.

⁴² Квинт Гортенсий Гортал — оратор, соперник Цицерона, консул 69 г.; Луций Лициний Лукулл — консул 74 г., полководец, воевавший с Митридатом VI.

⁴³ Речь идет о древнем предсказании, согласно которому восстановление египетского царя на престоле с помощью вооруженной силы опасно для Рима.

⁴⁴ Публий Сервий Исаурийский — консул 79 г.; Луций Волкаций Тулл — консул 66 г.; Луций Афраний — консул 60 г.; Луций Скрибоний Либон и Публий Плавтий Гипсей — народные трибуны.

⁴⁵ Цицерон, Письмо к Публию Корнелию Лентулу Спин-

теру, в провинцию Киликию (Fam., I, 1, 3),—в КН. Марк Туллий Цицерон, Письма, т. I, стр. 207—208.

⁴⁶ Император — в республиканский период почетное звание, которое полководцу присваивали солдаты после одержанной им крупной победы. Здесь имеется в виду Цезарь.

⁴⁷ «...люди с долговыми расписками...» — речь идет о кредиторах Птолемея Авлета.

⁴⁸ Цицерон, Письмо к Гаю Требацию Тесте, Самаробриву (Fam., VII, 17, 1),—в кн.: Марк Туллий Цицерон, Письма, т. I, стр. 299—300.

⁴⁹ Вопрос о совместном правлении Птолемея XII и Клеопатры, а также о ее пребывании в Гермонтисе является дискуссионным. См.: P. de Meulenaere, Chronique d'Egypte, XLII, 84, 1967, стр. 300—305.

⁵⁰ Парафраза текста, приведенного в Catalogue Codicum Astrologorum Graecorum, VIII, 3, 115.

⁵¹ Орлы римских легионов — серебряное изображение орла на древке было знаменем легиона.

⁵² Дается парафраза по кн.: М. А. Лукаш, Фарсалия, или Поэма о гражданской войне, VIII, 474—535, М.—Л., 1951, стр. 185—187.

⁵³ Триера — основной тип древнегреческого боевого корабля. Имела водоизмещение до 230 т, длину 40—45 м, ширину до 6 м. Основным двигателем триеры были весла (150—170 весел), располагавшиеся в три ряда с каждого борта (отсюда и название корабля). Трирема — римский военный корабль, строившийся по образцу триеры.

⁵⁴ Фасции — в древнем Риме перевязанный ремнем пучок прутьев, служивший при республике атрибутом власти высших должностных лиц.

⁵⁵ Пофин — другая огласовка имени Потин.

⁵⁶ «Записки Юлия Цезаря и его продолжателей о галльской войне, о гражданской войне, об александрийской войне, об африканской войне», М.—Л., 1948, стр. 350—353.

⁵⁷ Dion Cassii Historia Romana, XLII, 7—8, 34—37.

⁵⁸ Плутарх, Сравнительные жизнеописания в трех томах, т. II, М., 1963, стр. 479—480.

⁵⁹ Квадрирема, квинкверема — суда с четырьмя и пятью рядами весел.

⁶⁰ «Записки Юлия Цезаря», стр. 353—355.

⁶¹ Dion Cassii Historia Romana, XLII, 39.

⁶² Александрийская война, 2—4,—в кн.: «Записки Юлия Цезаря», стр. 360—361.

⁶³ Там же, 5—9, стр. 361—363.

⁶⁴ Там же, 9—13, стр. 363—365.

⁶⁵ Вирема — судно с двумя рядами весел.

⁶⁶ Александрийская война, 14—16,—в кн.: «Записки Юлия Цезаря», стр. 365—368.

⁶⁷ Там же, 17—21, стр. 368—371.

⁶⁸ Светоний, Божественный Юлий,—в кн.: Гай Светоний Транквилл, Жизнь двенадцати цезарей, М., 1966, стр. 25; Dion Cassii Historia Romana, XLII, 40.

⁶⁹ Александрийская война, 23—25,—в кн.: «Записки Юлия Цезаря», стр. 371—373.

⁷⁰ Там же, 28—31, стр. 374—377.

⁷¹ Плутарх, Сравнительные жизнеописания, т. II, стр. 480; Dion Cassii Historia Romana, XLII, 43; Тит Ливий, Римская история от основания города, т. I—VI, М., 1892—1899, гл. 112.

⁷² Александрийская война, 33,—в кн.: «Записки Юлия Цезаря», стр. 377.

⁷³ Филометор — доел, «любящий мать».

⁷⁴ Александрийская война, 33,—в кн.: «Записки Юлия Цезаря», стр. 378.

⁷⁵ Цицерон, Письмо к Титу Помпонию Аттику, в Рим (Att., XI, 15, 1),—в кн.: Марк Туллий Цицерон, Письма, т. II, М.—Л., 1950, стр. 351.

⁷⁶ Там же, стр. 359 (Att., XI, 25, 2).

⁷⁷ The Oxyrhynchus Papyri, pt XI, London, 1915, nr. 1381.

⁷⁸ «...около первого часа» — считая от рассвета.

⁷⁹ Страбон, География (XVII, I, 46), стр. 752.

⁸⁰ Александрийская война, 33,—в кн.: «Записки Юлия Цезаря», стр. 377—378.

⁸¹ Об этом пишет Светоний: «...на Капитолий он вступил при огнях, сорок слонов с факелами шли справа и слева» («Жизнь двенадцати цезарей», стр. 17).

⁸² Veni — vidi — vici (лат.) — «Пришел — увидел — победил».

⁸³ Аппиан, Гражданские войны, Л., 1935, стр. 116.

⁸⁴ Светоний, Жизнь двенадцати цезарей, стр. 29.

⁸⁵ Цицерон, Письмо к Титу Помпонию Аттику, в Рим (Att., XV, 15, 2),—в кн.: Марк Туллий Цицерон, Письма, т. III, М.—Л., 1951, стр. 281.

⁸⁶ См.: Марк Туллий Цицерон, Тускуланские беседы, Киев, 1888, стр. 21.

⁸⁷ Иды — по римскому календарю середина месяца. 15-й день марта, мая, июля и октября, 13-й день остальных месяцев.

⁸⁸ Цицерон, Письмо к Титу Помпонию Аттику, в Рим (Att., XIV, 8, 1),—в кн.: Марк Туллий Цицерон, Письма, т. III, стр. 235.

⁸⁹ Светоний пишет об этом так: «Консульство он захватил на двадцатом году, подступив к Риму с легионами, как неприятель, и через послов потребовав этого сана от имени войска; а когда сенат заколебался, центурион Корнелий, глава посольства, откинув плащ и показав на рукоять меча, сказал в глаза сенаторам: „Вот кто сделает его консулом, если не сделаете вы!“» («Жизнь двенадцати цезарей», стр. 44).

⁹⁰ Orientis Graeci Inscriptiones Selectae, ed. W. Dittenberger, Lipsiae, 1903, I, 194.

⁹¹ Melanges Holleaux, Paris, 1913, стр. 103.

⁹² Перевод с древнегреческого Н. И. Гнедича,—в кн.: Гомер, Илиада, Одиссея, М., 1967, стр. 239.

⁹³ Плутарх, Сравнительные жизнеописания, т. III, М., 1964, стр. 228—229.

⁹⁴ Красные Скалы — город в Этрурии.

⁹⁵ Цицерон, Вторая филиппика против Марка Антония,—в кн.: Марк Туллий Цицерон, Речи, т. II, М., 1962, стр. 307.

⁹⁶ Socrates Rhodius,—Fragmenta Historicorum Graecorum, I Parisiis, 1849, стр. 326.

- ⁹⁷ Аппиан, Гражданские войны, стр. 314.
- ⁹⁸ Иосиф Флавий, Иудейские древности, т. 2, СПб., 1900, стр. 141—142.
- ⁹⁹ Там же, стр. 142—143.
- ¹⁰⁰ Плутарх, Сравнительные жизнеописания, т. III, стр. 257.
- ¹⁰¹ Светоний, Жизнь двенадцати цезарей, стр. 61—62.
- ¹⁰² Там же, стр. 61.
- ¹⁰³ Плутарх, Сравнительные жизнеописания, т. III, стр. 259—260.
- ¹⁰⁴ *Фалерское* — одно из лучших пталииских вин.
- ¹⁰⁵ Присяга 32 г., принесенная Италией и западными провинциями, санкционировала власть Октавиана по истечении срока триумvirата.
- ¹⁰⁶ «В том место, где перешеек, отделяющий Красное море от Египетского и считающийся границей между Азией и Африкой, всего сильнее стиснут обоими морями и уже всего — не более трехсот стадиев,— в этом самом месте царица задумала перетаскать суда волоком, нагрузить их сокровищами и войсками в выйти в Аравийский залив, чтобы, спасшись от рабства и войны, искать нового отечества в дальних краях. Но первые же суда сожгли на суше, во время перевозки, петрейские арабы» (Плутарх, Сравнительные жизнеописания, т. III, стр. 267).
- ¹⁰⁷ Там же, стр. 274; Дион Кассий, Римская история. Конец Антония и Клеопатры (LI, 5—15),—в кн.: «Памятники поздней античной научно-художественной литературы II—V века», М., 1964, стр. 126—133.
- ¹⁰⁸ Ливия — жена Октавиана.
- ¹⁰⁹ Перевод с латинского С. Шервинского,—в кн.: Квинт Гораций Флакк, Оды, эподы, сатиры, послания, М., 1970, стр. 90-91.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Книга А. Кравчука «Закат Птолемея» посвящена одному из наиболее напряженных периодов в истории античного мира — 80—30-м годам до н. э. Это была эпоха агонии эллинистического мира и одновременно становления Римской средиземноморской державы, эпоха кризиса Римской республики и возникновения империи, эпоха непрерывных войн и острейшей социальной борьбы, освободительных движений и восстаний рабов. В бурный поток событий вовлекались все народы Средиземноморья, исчезали древние династии, опустошались целые области, перекраивались границы, ломались старые порядки, менялись представления и идеалы. На политической арене появлялись такие выдающиеся личности, как Спартак, Помпей, Митридат Эвпатор, Цицерон, Цезарь, Август и другие, чья деятельность так или иначе влияла на ход исторического процесса.

А. Кравчук избрал сюжетом своей книги историю крушения царства Птолемея — последнего из крупных эллинистических государств, завоеванных Римом, а в качестве главного персонажа — последнюю царицу из этой династии — Клеопатру VII. Автор подробно рассказывает о заключительном этапе в истории птолемеяского Египта. Но чтобы понять причины, приведшие Египет к утрате политической независимости, следует заглянуть в прошлое династии Птолемеев и эллинистического мира в целом.

Эллинистическими в научной литературе принято называть государства, возникшие в Восточном Средиземноморье и Передней Азии в результате распада державы Александра Македонского, включавшей в себя все земли от южного побережья Черного и Каспийского морей и современного Ленинабада на севере до Ассуана, Персидского залива и устья Инда на юге, от Адриатического моря на западе до отрогов Гималаев на востоке. После жесточайшей полувековой борьбы между преемниками (Диодохами) Александра из обломков его державы образовались несколько мелких и три крупных государства: на Балканском полуострове — государство Македония, где утвердилась династия

Литигонидов, потомков Антигона Одноглазого; на территории Передней Азии — царство Селевкидов, получившее свое название от основателя династии Селевка Никатора (Победителя); и в Северо-Восточной Африке, в долине Нила — царство Птолемеев, основанное Птолемеем, сыном Лага (поэтому иногда его потомков называют Лагидами). И во время походов Александра Македонского, и в ходе войн между диадохами шло непрерывное перемещение людских масс. На восток хлынули македоняне и греки с Балканского полуострова, островов Эгейского и Средиземного морей, из городов Малой Азии. На завоеванных территориях они приобретали привилегированное положение. С востока на запад также шел поток людей, перемещавшихся или добровольно — в качестве воинов и торговцев, или по принуждению — в качестве пленных и рабов.

Греки и македоняне, принешие с собой в Переднюю Азию и Египет привычные для них формы развитых рабовладельческих отношений, использовали в своих интересах местные традиционные уклады, в основе которых лежала эксплуатация зависимого сельского населения. Во вновь образовавшихся государствах появлялись города с греческим полисным устройством, жители которых составляли коллектив граждан, владеющих землей и рабами, имеющих право избирать органы самоуправления и решать все вопросы внутренней жизни города (вопросы внешних сношений оставались в ведении главы государства). Многие старые восточные города также преобразовывались на полисный лад, получая, как правило, новые названия. Принесенные завоевателями обычаи и греческая (эллинская) культура (наука, право, литература, искусство и особенно религия) подвергались сильному воздействию культуры народов Востока, оказывая, в свою очередь, не меньшее влияние на местные обычаи и культуру. В результате взаимодействия и взаимовлияния во всех областях общественной жизни греческих и местных элементов постепенно выкристаллизовались новые черты социально-экономических отношений и политического устройства, новые формы культуры, одним словом, сформировалось новое, эллинистическое общество.

Как уже говорилось, основателем царства Птолемеев был один из ближайших друзей и соратников Александра, македонянин Птолемей, сын Лага, получивший позднее тронное имя Сотер (Спаситель), осторожный и дальновидный политик. Он раньше других диадохов понял неизбежность распада громадной державы и сумел не только утвердиться в Египте, но и присоединить к нему Киренаику (северо-восточная часть современной

ЛИВИИ), Кипр и Келесирию (юго-восточное побережье Средиземного моря). Его сын Птолемей II Филадельф и внук Птолемей III Эвергет, продолжая ту же политику, распространили свою власть на ряд городов Малой Азии и островов Эгейского моря. В середине III в. до н. э. Египет располагал сильнейшим флотом и играл ведущую роль в системе эллинистических государств.

Вместе с ростом и укреплением царства Птолемеев росла и богатела столица государства Александрия. К середине III в. до н. э. она превратилась в крупнейший торговый и культурный центр Средиземноморья. Александрия не только имела постоянные торговые связи с портами эллинистического мира, но и вела торговлю с Южной Аравией и Индией (через Красное море и канал, связывающий его с Нилом), с городами-государствами Северного Причерноморья, с Римом и Карфагеном. В созданные Птолемеями Мусейон (храм Муз) и Александрийскую библиотеку съезжались работать известнейшие греческие ученые и поэты со всего Средиземноморья, что также поднимало престиж Александрии и Птолемеев в эллинистическом мире.

Рост политического влияния царства Птолемеев был обусловлен прежде всего увеличением экономического потенциала страны. Необходимым условием благосостояния Египта всегда было хорошее состояние оросительной системы. Уже при Птолемеях Сотере начинаются продолжавшиеся несколько десятилетий широкие ирригационные работы в Фаюмском оазисе, целью которых было увеличение площади орошаемых земель и регулирование стока воды в нижнем течении Нила. Наряду с улучшением орошения греки вводят новые сельскохозяйственные культуры (виноград, оливки), завозят новые породы скота, осваивают новые виды ремесел. Соединение технических достижений и трудовых навыков местного и пришлого населения, греческой предприимчивости и египетского трудолюбия привело к повышению производительности всех отраслей сельского хозяйства и ремесла. Но выгоду от этого получала преимущественно царская казна.

Первые Птолемеи, Сотер и Филадельф, оба талантливые администраторы, создали, используя традиционные египетские формы организации хозяйства и опыт финансовой деятельности в греческом мире, стройную систему государственного хозяйства, позволявшую извлекать огромные доходы с помощью чиновничьего аппарата, откупов и монополий, находившихся под строгим контролем центральной власти.

С подъемом экономики росли доходы казны, но увеличива-

лись также налоги и повинности «царских земледельцев», обработавших царские и «уступленные» земли, т. е. земли, отданные царем храмам, знати, клерухам (воинам, получавшим вместо жалования земельный участок — клер). По мере увеличения расходов на военные предприятия и содержание царского двора нарушилась разумная пропорция между производительностью земли и размером налогов, трудящееся население Египта начало беднеть и разоряться. Это стало отчетливо заметно уже к концу III в. до н. э. Внешние политические трудности (четвертая война с царством Селевкидов из-за Келесирии) осложнили обстановку и привели к первому крупному социальному движению внутри Египта, длившемуся в Дельте несколько лет, а на юге, в Фиваиде, — два-три десятилетия. Насколько позволяют судить источники, движение было направлено не только против династии Птолемея (в Фиваиде появились местные династии), но и против «эллинов» вообще, т. е. против зажиточных и обладающих теми или иными привилегиями слоев греческого или смешанного греко-египетского населения и эллинизовавшихся египтян, а местами даже против египетского жречества, поддерживавшего правящую династию.

Взрыв социальной борьбы в стране обострил противоречия в придворных кругах. Среди знати существовали по крайней мере две влиятельные группировки. Одна из них была связана с богатыми торгово-ремесленными кругами Александрии и искала поддержки среди населения столицы. Другая же представляла интересы верхов царской администрации в хоре (внутри страны) и блокировалась с египетским жречеством. Слабовольный Птолемей IV Филопатор, а затем малолетний Птолемей V Эпифан становились пешками в руках той или иной придворной клики.

Внутренние осложнения повлекли за собой потерю Египтом внешнеполитического влияния. Македония и Селевкиды постепенно присвоили все владения Птолемея в Малой Азии и в Эгейском море.

В конце III — начале II в. до н. э. произошли важные изменения на международной арене. В Западном Средиземноморье Римская республика, разгромив Карфаген, соперничавший с ней в борьбе за подчинение Сицилии и Испании, выросла в крупную державу. В начале II в. до н. э. Рим делает первые шаги в распространении своей гегемонии в Восточном Средиземноморье. Используя противоречия между греческими полисами и Македонией, широко применяя политическую демагогию, в частности лозунг «свободы», популярный среди демократических слоев

Греции, Рим нанес серьезное поражение Македонии и превратил «освобожденные» им греческие полисы в базу для дальнейшей экспансии (в некоторые полисы, наиболее важные в стратегическом отношении, Рим ввел свои гарнизоны).

Главным противником Рима в Восточном Средиземноморье становится царство Селевкидов, где в это время правил энергичный и умный политик Антиох III, сумевший упрочить свою власть на всей обширной территории царства вплоть до восточных сатрапий. Антиох понял опасность проникновения римлян на Балканский полуостров и в конце 90-х годов II в. сделал попытку вытеснить их оттуда, но не рассчитав своих сил и не найдя поддержки ни в Греции, ни в Египте. Птолемей V Эпифан, незадолго до этого вступивший в брак с дочерью Антиоха Клеопатрой, придерживался тем не менее проримской ориентации. Во время так называемой Сирийской войны (192—188 гг.) римляне нанесли решительное поражение Антиоху, он был вынужден уплатить огромную контрибуцию и отказаться от активной внешней политики.

Разгромив царство Селевкидов, Рим предпринял новую войну с Македонией, в результате которой окончательно подчинил и Македонию и Грецию (168 г. до н. э.). Таким образом, к середине II в. до н. э. Рим приобрел в Восточном Средиземноморье решающее политическое влияние, с ним должны были считаться все эллинистические государства.

Вместе с политическим влиянием усилилось проникновение на Восток римских торговцев и ростовщиков, что не могло не отразиться на александрийской торговле. И очевидно, вопросы внешнеполитической ориентации играли не последнюю роль в ожесточенной династической борьбе, потрясавшей Египет на протяжении всего II в. до н. э.

Социально-экономическая обстановка в Египте в начале II в. резко ухудшилась. В результате длительной войны с повстанцами внутри Египта (в Фиваиде движение было подавлено, линия, в 186 г. до н. э.), нередко сопровождавшейся разрушениями оросительной системы, бегством или уводом населения, всюду появилось большое количество заброшенной земли, доходы казны упали. Правительство предписывало чиновникам принудительно привлекать оставшихся жителей к обработке пустующих земель и взыскивать с них налоги со всей площади, приписанной к их коме (деревне), но эти меры лишь увеличивали бегство земледельцев и ремесленников из сельских поселений. В отдельных районах вновь вспыхнули восстания.

Внутренние и внешние трудности привели к открытым

столкновениям между разными группировками правящего класса. Они вылились в серию династических войн, сначала между сыновьями Птолемея Эпифана — Птолемеем VI и Птолемеем VIII *, прозванным александрийцами Фисконом (Пузаном, Толстопузом), а затем между Фисконом и его сестрой и женой Клеопатрой II. Время от времени воюющие стороны заключали перемирие и издавали так называемые декреты чело-веколюбия (в которых провозглашали амнистии и освобождение от недоимок для простого люда, льготы и гарантии привилегированным слоям), а затем война вспыхивала с новой силой. Некоторые из этих декретов сохранились и достаточно ярко рисуют беззаконие и произвол, царившие в стране. После смерти Фискона, завещавшего Египет своей второй жене — Клеопатре III, а Киренаику — побочному сыну Апиону, борьба продолжалась между Клеопатрой III и ее сыновьями Птолемеем IX и Птолемеем X Александром.

Дошедшие до нас источники не всегда позволяют проследить, какие именно слои поддерживали того или иного царя (или царицу), но достаточно определенно можно установить, что население Александрии играло очень важную роль в политической борьбе и не раз противопоставляло своих ставленников царям, опиравшимся на армию и чиновников внутри страны.

Находясь в состоянии непрерывных смут и внутренних междоусобиц, Египет тем не менее продолжал сохранять свою самостоятельность и даже оказался в начале I в. до н. э. единственным сравнительно богатым и сильным эллинистическим государством. Объяснение этому нужно искать в международных событиях конца II — начала I в. до н. э.

После разгрома Македонии Рим не мог сразу приступить к дальнейшим завоеваниям на Востоке. В тылу у него продолжал существовать Карфаген хотя и ослабленный, но сохранивший самостоятельность. Лишь в 146 г. в результате Третьей пунической войны он был наконец уничтожен. Не было устойчивого положения и в недавно завоеванных районах. Восстания в Испании (154 г.), Македонии (149—146 гг.), Греции (146 г.) и снова в Испании (138—133 гг.) следовали одно за другим. Ухудшилась обстановка и внутри самой Римской республики.

Превращение Рима из небольшого италийского государства, каким он был в начале III в. до н. э., в крупнейшую средиземноморскую державу привело к существенным изменениям в его

социальной структуре. Усилилась имущественная дифференциация: знать (нобилы) богатели, скупала земли и рабов, занималась откупными и ростовщическими операциями во вновь завоеванных провинциях, а среди рядовых граждан все больше появлялось бедняков и малоземельных или даже безземельных крестьян. Еще более тяжелым было положение италиков, не имевших гражданских прав. В ходе непрерывных войн римляне ввозили в Италию десятки и сотни тысяч рабов, рабский труд стал применяться всюду. В результате возрастания нищеты и эксплуатации трудящегося населения возникли острейшие социальные конфликты: восстания рабов в Сицилии (138—132, 104—101 гг.) и в Италии (восстание Спартака 74—71 гг.), длительная борьба за аграрные реформы (реформы Гракхов 133—122 гг. и другие законопроекты), войны за политические права италиков (90—88 гг.).

Напряженная социальная борьба обнаружила неспособность старых, республиканских органов власти обеспечить в новых условиях устойчивое политическое господство нобилитета. Разорение крестьян уже в конце II в. заставило Рим перейти от гражданского ополчения к наемной армии. Эта армия в руках политических деятелей превратилась в орудие, с помощью которого они пытались установить новый государственный строй, ограничивающий или целиком исключающий традиционные демократические порядки. Первой такой попыткой была диктатура Суллы, положившая начало полувековой эпохе гражданских войн, закончившихся установлением империи.

Все эти явления в какой-то мере сдерживали экспансионистские тенденции римской внешней политики. В конце II в. римляне, опутав дипломатическими и ростовщическими операциями пергамского царя Аттала III, вынудили его завещать свое царство Риму. Вспыхнувшее после смерти Аттала восстание (132—130 гг.) они подавили и превратили Пергам в провинцию — Азию. Такие же методы они применили затем в Киренаике и Вифинии. Деятельность римских дельцов, разорявших и порабошавших местное население Малой Азии, вызвала волну освободительного движения, которое вылилось в войны с Римом понтийского царя Митридата VI Эвпатора (89—64 гг. до н. э.), стоившие Риму большого напряжения сил. Только справившись с Митридатом, Рим смог продолжить завоевание Малой Азии и царства Селевкидов, которое к тому времени почти полностью распалось: большая часть его территории перешла под власть Парфии и Армении. В 64 г. до н. э. римляне подчинили Сирию и почти вплотную подошли к границам Египта,

* Все цари из династии Лагидов, независимо от их личного имени, при вступлении на трон получали имя Птолемея.

Однако вторгнуться в Египет они еще не решились: Египет и Александрия обладали достаточно большими экономическими и людскими ресурсами, чтобы оказать упорное сопротивление и тем самым возродить антиримские настроения в только что завоеванных районах. Последующие события Александрийской войны подтвердили эти опасения: лишь с большим трудом Цезарю удалось уйти из Египта без поражения. Сохранение за Клеопатрой политической самостоятельности — отнюдь не галантный жест Цезаря, а признание того факта, что раздираемый гражданской войной Рим еще не располагал силами, чтобы подчинить Египет, и в первую очередь Александрию. Лишь после довавшее за тем включение на союзных началах Египта и Александрии в систему контролируемых Антонием римских провинций, оказавшееся, по-видимому, для александрийцев достаточно выгодным, примирило их с необходимостью подчиниться Риму, и потому вступление войск Августа в Египет не вызвало никакого сопротивления со стороны населения Александрии.

Таковы исторический фон и предыстория тех событий, которые описываются в этой книге. Автор удачно подобрал источники и сумел показать некоторые стороны экономической, культурной и религиозной жизни Египта в тот период. Он достаточно подробно рассказывает о политической обстановке в стране: о противоречиях между массой александрийских граждан и придворной знатью, о распрях в придворных кругах, об отношениях последних Птолемеев с Римом. В книге говорится о политической обстановке в Риме и о месте «египетского вопроса» в борьбе римских политических группировок. Подробно описываются ход Александрийской войны и последующие события, приведшие в конечном счете к включению Египта в состав Римской империи.

Хотелось бы, однако, обратить внимание читателей на некоторые неточности и спорные моменты в толковании автором отдельных явлений.

Эта книга задумана и написана А. Кравчуком как книга о Клеопатре (что отражено даже в названии польского оригинала). Такая направленность замысла автора наложила определенный отпечаток на отбор и толкование материала источников. Автор склонен преувеличивать историческую роль Клеопатры, и поэтому в тех случаях, когда у древних авторов встречаются разные версии тех или иных событий, он выбирает ту из них, где роль Клеопатры особо подчеркивается. Так, например, автор принимает как бесспорную версию о намерении Цезаря вступить в брак с Клеопатрой (хотя изложенное им позже завещание Це-

заря противоречит этому) и делает вывод, что отношения с Клеопатрой были одной из причин убийства Цезаря. Слишком большое место отводится Клеопатре и в освещении событий последнего периода борьбы между Антонием и Октавианом.

Несколько односторонни характеристики Антония; автор в тут склонен придерживаться только одной почему-либо избранной им версии. Например, об отце Антония Плутарх пишет как о человеке «великодушном, честном и щедром», а Кравчук говорит лишь о его темных делах. Неудачи в войне с Парфией едва ли можно объяснять только просчетами Антония как полководца: парфянские приемы ведения войны и упорное сопротивление местных жителей неоднократно приводили к поражениям римские армии.

Отмечая эти моменты, мы отнюдь не стремимся поставить под сомнение добросовестность или эрудицию А. Кравчука. Каждый автор вправе давать свое толкование событий, привлекая тот или иной материал. Нам хотелось лишь подчеркнуть, что эта книга — лишь один из вариантов освещения событий и характеристики исторических персонажей. Дошедшие до нас разнобразные источники позволяют создавать и другие концепции, писать новые книги об этой интереснейшей эпохе истории человечества.

А. Павловская

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	
«БОЖЕСТВЕННОСТЬ» И ТЕМНЫЕ	
ДЕЛА ОТЦА КЛЕОПАТРЫ . . .	3
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	
КЛЕОПАТРА И ЦЕЗАРЬ . . . , ,	66
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	
АНТОНИЙ И КЛЕОПАТРА . . , .	148
Примечания	201
<i>А. Павловская. Послесловие</i> , .	207

Александр Кравчук

ЗАКАТ ПТОЛЕМЕЕВ

*Утверждено к печати
Институтом востоковедения
Академии наук СССР*

Редактор Н. Н. В о д и н с к а я. Мл. редактор К. А. Н е д о р е з о в а
Художник В. Н. Т и к у н о в. Художественный редактор Э. Л. Э р м а а
Технический редактор Л. Ш. Б е р е с л а в с к а я. Корректор
Г. В. С т р у г о в а.

*

Сдано в набор 16/111 1972 г. Подписано к печати 18/XII 1972 г.
Формат 84 X 108/з2. Бумага М 1. Печ. л. 6,75. Усл. печ. л., 11,34
Уч.-изд. л. 11,37. Тираж 100 000 экз. Изд. N 2946. Зак. Я» 1290
Цена 61 коп.

*

Главная редакция восточной литературы издательства «Наука»
Москва, Центр, Армянский пер., 2 . . .
Ордена Ленина типография «Красный пролетарий», . . .;
Москва, Краснопролетарская, 16.